

АЛЕКСАНДР

БУШКОВ

НЕЖНЫЙ ВЗГЛЯД
ВОЛЧИЦЫ

←ММР БЕЗ ТЕНЕЙ→

СВАРОГ – фантастический боевик

Рыцарь из ниоткуда
Летающие острова
Нечаянный король
Железные паруса
По ту сторону льда
Чертова мельница
Слепые солдаты
Из ниоткуда в никуда
Король и его королева
Вертикальная вода
Алый, как снег
Над самой клеткой льва
Радиянт

Чудовища в янтаре. Дыхание мороза
Чудовища в янтаре-2. Улица моя тесна
Нежный взгляд волчицы. Замок без ключа
Нежный взгляд волчицы. Мир без теней

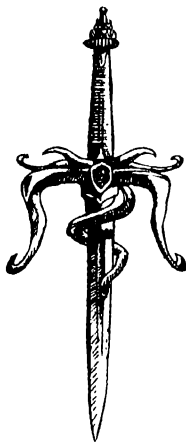
Чужие берега
Чужие паруса
Чужие зеркала

Пленник Короны
Враг Короны
Спаситель Короны

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

НЕЖНЫЙ ВЗГЛЯД
ВОЛЧИЦЫ
Мир без теней

МОСКВА

«ПРОСВЕЩЕНИЕ-СОЮЗ»

«ПРОСВЕЩЕНИЕ»

2022

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Б 90

*Печатается с сохранением особенностей
авторского стиля, орфографии и пунктуации.*

- Бушков, А. А.**
Б 90 Нежный взгляд волчицы. Мир без теней: Роман / Александр Бушков. — М. : Просвещение-Союз : Просвещение, 2022. — 272 с. — (Сварог — фантастический боевик).

ISBN 978-5-00185-146-2 (Просвещение-Союз).

ISBN 978-5-09-094400-7 (Просвещение).

«Мир без теней» — новый роман о приключениях Сварога. Двадцать третья книга одного из самых длинных и увлекательных циклов в русском фэнтези.

Под рокот надвигающегося Шторма, предшествовавшего уходу ларов в небеса и упадку на земле, Сварогу предстоит решить участь коварных веральфов.

На волоске от гибели он ищет следы вероломной Дали Шалуатской. Но почему на этот раз все кажется настолько простым, будто кто-то забавляется с Королем Королей детской игрой в догонялки?.. А теперь этот кто-то предлагает бросить кости — и выпадает пустышка: многогранный кубик поворачивается к Сварогу идеально чистой гранью.

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-00185-146-2 (Просвещение-Союз) © Бушков А. А., текст, 2022
ISBN 978-5-09-094400-7 (Просвещение) © АО «Издательство «Просвещение», 2022
© Художественное оформление.
АО «Издательство «Просвещение», 2022

*Теперь времена такие, что нужно из благоразумия
делать такие вещи, которых не хотелось бы делать.*

*Из письма императрицы
Александры Федоровны
мужу в Ставку. 3 ноября 1915 г.*

Глава I

ТАКТИКА БОЯ С НЕВИДИМКАМИ

Сварог, заложив руки за спину, стоял у высокого стрельчатого окна с яшмовым подоконником и смотрел вниз. Без всякого интереса: ничего интересного там не было, обычный хельстадский пейзаж — зеленая равнина с россыпью усыпанного алыми цветками вереска и близкая опушка густого соснового леса. У крайних деревьев лежал громадный рыжий гарм. Сварог его не вызывал: пес, судя по напряженной позе — голова меж вытянутых передних лап, уши чутко подняты, — по собственному побуждению заглянул сюда поохотиться на лесных зайцев.

Изю всех сил Сварог себя **н а к р у ч и в а л** на самый что ни на есть деловой лад — чтобы отрешиться от всего абсолютно постороннего, стать едва ли не мыслящей машиной. Пожалуй, **т а к о г о** совещания в его жизни еще не было, потому что прежде не случилось **т а к о й** угрозы Империи. Радиант, как ни прикидывай, с самого начала выглядел все же мельче. Но теперь, когда часть ларов оказалась затаившимися Изначальными, когда в какую сторону ни швырни камень, попадешь в веральфа...

Ну, а в Хелльстаде совещание было устроено по вполне понятным причинам. Единственное место на Таларе, куда веральфам нет доступа. Сами они сюда испокон веков носа не казали, опасаясь тесного дружеского общения с гармами, а все средства наблюдения, которыми они располагают как равноправные лары, в Хелльстаде бессильны. Правда, в точности так и неизвестно, как обстоит с их пресловутой магией — можно ли с ее помощью подсматривать и подслушивать в Империи и на земле. В Хелльстаде, Яна заверяла, она ничего такого не чувствует, да и в Империи тоже — но это касается лишь тех покоев, где она в данный конкретный момент находится. Ни на какие глобальные обобщения Древний Ветер, к сожалению, неспособен. Отсюда следует сразу несколько выводов...

— Лорд Сварог... — послышался чуточку нетерпеливый голос Канцлера, довольно, впрочем, бесстрастный, без тени беспокойства или тревоги.

По большому счету, Сварог пока что тоже не испытывает ни беспокойства, ни тревоги. Рано для таких чувств. Ничего тревожащего пока что не произошло, с г л а в н ы м удалось справиться... Речь, собственно говоря, идет о добивании противника. Правда, при этом противник сохранил боевые порядки, где находится его главнокомандующий, неизвестно, возможности и способности до конца не выявлены, но все равно, г л а в н о е сделано...

Он повернулся лицом к аудитории. Аудитория была невеликая, состояла лишь из Канцлера и профессора Марлока — вот и весь кризисный штаб, они трое. Дело вовсе не в недостатке кадров — пожалуй, трех человек было вполне достаточно даже перед лицом т а к о й угрозы. Даже Яна сама отказалась участвовать, резонно заявив, что в случае, если понадобится, будет не более чем простым исполнителем — как и все остальные, посвященные в тайну. У них у трех было достаточно власти, чтобы принимать решения и отдавать приказы — ну, а при необходимости в игру вступала

опять-таки Яна, поддерживая своей властью любые их действия...

— Итак, — начал Сварог спокойно, оставаясь на прежнем месте в прежней позиции. — Обстановка, с моей точки зрения, выглядит следующим образом. Седьмого Датуша мы сорвали попытку веральфов увезти императрицу на землю — вместо этого увезли на землю герцога Даутверта и еще двух Аристократов. «Черного паучка» мой колдунец уничтожил начисто. Это, конечно, не разгром противника, но его замыслы бесповоротно сорваны, Волчьей Невесты у них больше нет. Каталаунцы принца Элвара по-прежнему остаются в Келл Инире — принц седьмого же объявил Угрозу Короне, и отменить ее согласно имперским законам может только он. Так что ситуация у нас под контролем. Сегодня двенадцатое, но противник — думаю, так веральфов и следует называть, — не предпринял абсолютно никаких действий. Более того, никто из выявленных мной Аристократов не провел ничего, даже отдаленно напоминавшего бы совещание. Кстати, о выявленных. Я уже вам передал списки тех, кого успел увидеть среди придворных — хотя наверняка высмотрел не всех. Зато совершенно точно знаю, сколько их у меня в восьмом департаменте — семеро. В девятом столе вообще один. Его тоже аккуратненько и з ъ я л и и увезли в Глан. Вот еще один список — военные. Вчера Яна под благовидным предлогом собирала Военный совет — высшие чины военного министерства, командиры полков и частей. Я там присутствовал, опять-таки под благовидным предлогом. Хватило времени, чтобы, не торопясь, рассмотреть всех...

Канцлер, в хорошем темпе пробежав взглядом список, передал его Марлоку, кивнул с непроницаемым видом:

— Не так уж плохо. На тридцать девять человек всего шесть веральфов-Аристократов. Четверо чинов военного министерства, командир гвардейского полка и командир армейского. Командующие военно-воз-

душными силами, Серебряной и Морской бригадами — люди... — Покосившись на Марлока, явно готового в который раз сыграть роль «адвоката дьявола», он усмехнулся: — Догадываюсь, что вы хотите сказать, профессор. В самом деле, нет гарантии, что веральфов не отыщется среди офицеров рангом ниже...

— Вот именно, — сказал Сварог. — Я совершенно точно установил, сколько их, только касательно Военного совета, восьмого департамента и девятого стола. Да еще могу с полной уверенностью сказать, сколько их в моей Золотой Сотне, — он усмехнулся про себя, заметив, что Марлок уже знакомым движением подался вперед. — Вы хотите что-то добавить, профессор? Извольте.

— Въедливой точности ради, — произнес Марлок свое обычное присловье. — То, что в вашей Золотой Сотне их примерно двадцать процентов, вовсе не означает автоматически, что эта пропорция справедлива для всей Империи.

— Ну, разумеется, — сказал Сварог. — Я и не делаю поспешных опрометчивых выводов. У меня, правда, есть и другая статистика. Мы проверили с е м е й с т в а всех двадцати шести членов Лиги Охотников-Арбалетчиков. Супруги всех без исключения — веральфы, из семей веральфов. Дети, кстати, тоже. Конечно, и отсюда еще автоматически не проистекает, что веральфы браки заключают исключительно в своем кругу. Совсем скоро буду знать точно. Сейчас как раз идет операция, в ходе которой уже сегодня я совершенно точно буду знать, сколько всего в Империи веральфов-мужчин — ну, а потом займемся их семьями. В детали я, с вашего позволения, пока что вдаваться не буду. Не потому, что хочу что-то от вас скрыть, ничего подобного. Просто считаю, что это в данной ситуации — вопрос второстепенный. Как вы считаете?

— Действительно, — сказал Канцлер, а Марлок согласен кивнул. Лишь бы не было ошибок и получился результат.

— Совершенно уверен, что получится, — сказал Сварог, и в самом деле в этом ничуть не сомневавшийся.

— Вот и прекрасно. Гораздо важнее и интереснее услышать, что вы думаете о противнике и его возможных дальнейших действиях.

— Ну, здесь есть о чем поговорить, — сказал Сварог. — Ситуацию вы знаете. Каталаунское воинство принца до сих пор занимает Келл Инир. Официально объявленную Угрозу Короне принц пока что не отменил.

Согласно законам Империи, он пока что не обязан объяснять свои действия перед кем бы то ни было...

Он намеренно сделал паузу. Как он и думал, Канцлер подался вперед (хотя гримаса на его лице была, пожалуй, лишь тенью знаменитой загадочной улыбки):

— Объяснений принца пока нет, но слухи распространились, как мне докладывают, широко. Судя по их интенсивности и некоторым другим признакам, это работа ваших людей?

— Ну конечно, — сказал Сварог. — Как же в таком деле без этого? Механизм отработан задолго до меня, как и на земле. По размышлению мы выбрали самое правдоподобное объяснение. Объявили — конечно, на ухо, — что раскрыт очередной заговор, имевший целью захватить императрицу и возвести на трон одного из принцев крови. Крепко сомневаюсь, что этому поверили в е р а л ь ф ы, но обычные люди, судя по докладам агентуры, вполне верят. Ничего особенного, такое уже случалось совсем недавно: я и о заговоре «любителя бабочек», и о заговоре Брашери. Выражаясь чуточку цинично, дело вполне житейское. А вот веральфы... Они не могли не отметить, что все четверо арестованных по этому делу — из их стаи. Безусловно, о том, что они намеревались сделать, у них знает далеко не один Даутверт. Но! Пока что не состоялось ничего, хоть отдаленно напоминавшего бы совещание, наподобие нашего. Конечно, можно предположить, что они меж собой общаются на расстоянии каким-то неведомым нам спо-

собом, который мы не в состоянии засечь, и все же... Плохо в это верится. Прежде всего, оттого, что я сосредоточился именно на Лиге Охотников-Арбалетчиков и ее ежемесячных сборищах на Сильване. Они не вполне похожи на обычные охоты. Я поговорил со знатоками этого дела, прочитал кое-что, вспомнил те королевские охоты на земле, в которых участвовал церемониала ради... У заядлых охотников, что на птицу, что на дичь, всегда есть не с к о л ь к о любимых мест. Несколько. Иногда — много. Члены Лиги — единственная в Империи группа охотников, форменным образом прикованных много лет к одному-единственному месту в глухих сильванских горных чащобах. Отсюда и версия, что раз в месяц именно и происходят заседания их «главного штаба», каковым, вполне возможно, и является Лига. Потом, конечно, охотятся для пущего правдоподобия... Если это так, они все же не умеют сноситься меж собой на расстоянии. А это нам дает известные шансы. До сих пор они были вне всяких подозрений. Но теперь... Через неделю они соберутся на очередную ежемесячную охоту. Я как член Лиги получил приглашение. Конечно, я не полечу, отговорюсь делами. Слишком опасно совать голову зверю в пасть, у них там все поголовно веральфы — и егеря, и прочая челядь. Но мы, конечно, нацелим на них все средства наблюдения, какими только располагаем. Профессор, вы явно хотите что-то добавить?

— Въедливой точности ради... — промолвил Марлок свое обычное заклинание. — Не факт, что у нас что-то получится. Я говорил с Каниллой Дегро о том... случае на мосту. Все средства наблюдения в ее браганте отказали. Над мостом образовалось, по выражению Каниллы, «слепое пятно», перемещавшееся вместе с Дали и ее спутниками. Что, если и Лига пустит в ход что-то подобное?

— Резонно, — кивнул Сварог. — Ну, в таком случае... Может, в таком случае их всех попросту арестовать? Тех четверых, что у меня в камерах, никто и не пробовал ос-

вободить. Арестуем в рамках того же «заговора принца крови»...

— Нужно подумать над этим вариантом, — медленно произнес Канцлер. — Не возражаете, если я это поручу моим людям?

— Ну что вы, — сказал Сварог. — Буду только рад, если с меня снимут часть хлопот...

Канцлер задумчиво продолжил:

— Собственно говоря, точно мы знаем одно: никаких действий они пока что не предпринимают...

Сварог натянуто улыбнулся:

— Один из моих ребят в девятом столе выразил опасения: а что, если они поднимут свои дружины? И попытаются устроить заварушку? У каждого из них есть в маноре дружины и боевые драккары. Вовсе не обязательно, чтобы дружинники и пилоты были веральфами...

— И что вы на это?.. — не скрывая любопытства, спросил Канцлер.

Сварог пожал плечами:

— Сразу сказал, что решительно в это не верю. Вы же знаете, я в прошлой жизни был профессиональным военным. Многому крепенько учен. Сколько бы дружин они ни подняли — пусть даже несколько сотен — это еще не войско. Это всего-навсего скопище небольших подразделений. Чтобы сделать их войском, потребовались бы долгие и масштабные тренировки, маневры, а такое незаметно для спецслужб ни за что не проделать. Ну да, я создал из своей дружины спецназ девятого стола. Но для этого потребовалось полгода интенсивных тренировок — другое оружие, другая тактика... А эти два командира полков и военные чины, что выявлены как веральфы... Они под круглосуточным наблюдением моих людей... наверняка и ваших, Канцлер, и соответствующего отдела Кабинета императрицы.

— Ну как же без этого, — спокойно сказал Канцлер. — Дернута — моментально повяжем.

— Вот видите, — сказал Сварог. — У нас в распоряжении — гвардия, армия, боевые корветы, Серебряная бригада. Так что дружины — это несерьезно. К тому же... Я раньше никогда не касался этого вопроса, Канцлер, не было особенной необходимости, а вот теперь, кажется, возникла... Я в свое время не на шутку удивился, когда обнаружил, что моих дружинников, собственно, и не учили военному делу. Умели только стоять в парадном строю и браво салютовать лучевым оружием. И пилоты драккаров в жизни не слышали о такой вещи, как маневры. Это мне достались такие неучи, или так обстоит повсюду?

— Повсюду, — кратко ответил Канцлер.

— И у меня появились разные мысли... — сказал Сварог. — С одной стороны, есть хорошо обученные полки и эскадрильи корветов, которым как раз регулярно устраивают маневры. С другой — вовсе уж седая архаика в виде дружин и личных боевых драккаров. Есть в этом некое логическое противоречие, сдается мне. Или тут какая-то государственная тайна, которую мне не положено знать?

— Какая там тайна, — усмехнулся Канцлер. — Просто вы никогда этим не интересовались... По большому счету, дружины и боевые драккары — чистейшей воды бутафория, декорация. Следование старинным традициям, и не более того. Вы с этим должны были не раз сталкиваться на земле. Караулы гвардейцев у парадных ворот королевских дворцов и некоторых официальных зданий, одетые в старинную форму, с давным-давно снятыми с вооружения алебардами и арбалетами. Иные церемонии, опять-таки на старинный лад... Декорация. «Лучевое оружие» и драккары — сплошная бутафория. Другое дело, что подавляющее большинство ларов этим совершенно не интересуется, как и вы не интересовались все эти годы.

— Лихо, — покрутил головой Сварог. — Значит, вопреки распространенному убеждению, драккары

и дружины невозможно использовать по своему хотению против земных городов?

— Ну, конечно, — прямо-таки безмятежно сказал Канцлер. — Мало ли что какому-нибудь пустому светскому хлыщу взбредет в голову... Традиция, и не более того. И, разумеется, стремление обезопасить Империю от возможных заговорщиков. Этот порядок введен сразу после Вьюги — то ли тогдашний император постарался, то ли нашлись умные министры. Во время Вьюги дружины вовсю использовались в тогдашней междоусобице, вот и решили сделать их декорацией. Так что успокойте вашего парня... Я так понимаю, это кто-то из молодых, у кого голова еще забита приключенческими книгами и фильмами?

— Ну да, — сказал Сварог.

— Понятно. Давайте больше не будем отвлекаться, хорошо? Меня очень интересуют любые ваши соображения по поводу веральфов. Собственно, вы единственный источник сведений о них. Их, так сказать, первооткрыватель. О них известно только то, что знаете вы. Вы же не могли о них не думать, не строить каких-то версий?

— Ну, еще бы, — сказал Сварог. — Все эти дни только о веральфах и думал, перечитывал то скудное, что у меня есть, с людьми советовался. Появились кое-какие соображения, а как же иначе. Конечно, все время приходится говорить: возможно, вероятно, может быть, мне представляется. Я эти слова не буду прицеплять к каждой фразе, просто помните, что они постоянно имеются в виду. Итак, что мне представляется... Они живут среди людей долго, очень долго, не удивлюсь, если окажется, что проникли сюда с началом существования Империи — потом это было бы гораздо труднее сделать, на что-то обязательно обратили бы внимание. Где они укрывались до Шторма, не берусь гадать. Вполне возможно, прятались среди людей. Кое-что из того, что мне рассказали шаманы в Ратагайской пуште, мож-

но так и расценить. Что о них думают на Той Стороне и думают ли вообще, я не знаю. Всерьез мы этим озаботились в самый последний момент, до того было только частное мнение Анеллы Сабиташ. Времени до Шторма осталось совсем мало, но наши люди работают в лихорадочном темпе, уже получили инструкции... Итак. Не сомневаюсь, что их магия — или какая-то ее часть — осталась при них. Уж если на моей памяти в библиотеке чернокнижника на земле нашлись книги по черной магии Изначальных, ими же когда-то сотворенные... Вот только вряд ли они свою магию пускали в ход — иначе Мистериор непременно бы ее обнаружил...

— Возможно, он может обнаружить не в с я к у ю, — сказал Марлок. — Вы говорили, ваш колдунец сказал, что «черный паучок» — это, безусловно, ч е р н а я магия.

— Я же говорю: о чем бы ни шла речь, следует добавлять «возможно», «мне представляется» и тому подобные эпитеты, — с величайшим терпением сказал Сварог. — Вообще-то здесь открывается широчайший простор для абстрактного теоретизирования и игры ума. Скажем, иные виды черной магии Изначальных Мистериор не в состоянии обнаружить. Или: есть разновидности магии, о каких прежде никто не знал, как не знали палеонтологи о некоторых видах вымерших животных, пока не появились «чудовища из янтаря». Есть сугубо черная магия и сугубо белая — а есть и нечто третье. Мне жаль сейчас тратить время на игру ума, я буду говорить о конкретных вещах. Так вот... Весьма похоже, они очень долго просто-напросто жили среди людей, притаившись и ничем себя не проявляя... ну, или почти не проявляя. Такое впечатление, что сверхзадача у них была — ни во что не вмешиваться, плодиться и размножаться, копить силы, потихоньку пролезать на иные важные посты и ж д а т ь. Ждать своего часа, появления на свет Волчьей Невесты, Матери Разрушителя. Одно можно с уверенностью сказать: они умеют ждать. Тысячелетиями. Сверхзадача такая. Не удивлюсь, если

окажется, что у них был с в о й автор пророчеств, наподобие Мане Антакайда или Залема Кораниса. И есть какое-то пророчество о Волчьей Невесте, из-за которого они и подчинили все сверхзадаче. Ничего удивительного я тут не вижу. Далеко не все пророчества — шарлатанство и ложь. Пророчество об уничтожении Делией Глаз Сатаны появилось за сотни лет до того, как Глаза пришли на Талар. И это не единственный пример (его легонько царапнуло у с т о я в ш е й с я болью, как всякий раз, когда он вспоминал о сбывшихся предсказаниях Лесной Девы Странной Компании). И вот теперь возникают интереснейшие версии... Их сверхзадачу мы им сорвали. Императрице уже не стать Волчьей Невестой и Матерью Разрушителя, никогда. Кстати, у меня есть сильные подозрения, что к убийству отца и матери императрицы прямо причастны как раз веральфы. Думаю, им была гораздо предпочтительнее маленькая девочка на троне, которой при отсутствии родителей гораздо легче оказалось п о д с а д и т ь «черного паучка». Рассчитанная не на один год программа действий, но при их умении выжидать тысячелетиями... Канцлер, я всегда в вас уважал остроту ума. Может быть, вы и сами поймете, к каким выводам я пришел?

Канцлер отозвался почти сразу:

— Что после того, как провалилась рассчитанная на тысячелетнее терпеливое выжидание сверхзадача, никакого «запасного варианта» у них нет.

— Ему просто неоткуда взяться, — сказал Сварог. — Даже при том, что их психология и логика в чем-то не повторяют человеческую. Ну, какой тут может быть запасной вариант? У меня есть хороший психолог. Конечно, он не претендует на истину в последней инстанции, но серьезную работу проделал. На ее основе Элкон провел компьютерное моделирование ситуации — в нескольких вариантах. Итог всегда один: запасной вариант совершенно не просматривается. Возможность его существования ничтожно мала, сводится не к теоретической вероятности, а скорее к статистической погрешности.

Ускользающе малые доли процента... Конечно, я приготовил копии всех материалов, — он, не оборачиваясь к подоконнику, положил левую ладонь на пухлую папку предельно канцелярского вида с эмблемой девятого стола. — Ради секретности все исключительно в бумаге. В общем... Не знаю, способны ли веральфы испытывать растерянность в той же степени, что и люди. Но уверен: они сейчас чувствуют что-то вроде растерянности, возможно даже ошеломления, пусть и на свой манер. Черт возьми, это же существа из плоти и крови, с мыслящим мозгом, у них не может не быть чувств и эмоций. Судя по всему, они затаились и ждут дальнейшего развития событий, наших ответных действий. Мы пока что срабатывали по минимуму: всего-навсего схватили четырех из них, и только...

— Вот о них и пойдет разговор, — сказал Канцлер. — Думается мне, самое время. Это уже не абстрактное теоретизирование и не домыслы, а, называя вещи своими именами, четверо пленных. Причем, трое из них Аристократы, несомненно, не рядовые исполнители. Как с ними обстоит?

Сварог и без зеркала знал, что его улыбка больше всего напоминает злую гримасу, но ничего не мог с собой поделать — в конце концов, от него не требовалось сейчас изображать полнейшую невозмутимость.

— С ними обстоит просто прекрасно, — сказал он. — Психологическое давление такое, что лучше и придумать нельзя. Все четверо сидят в одиночных подземных камерах, где параша нет, а все удобства сводятся к охапке грязной соломы, свет проникает через крохотные окошечки под потолком. Воду выдают очень скупой. Кормят жуткой бурдой. Первые два дня они от еды отказывались, потом, когда брюхо подвело, стали жрать за милую душу. Да, все в кандалах, самых тяжелых, какие только у нас нашлись. По несколько раз в день приходят тюремщики, чтобы дать по морде и легонько попинать. Одним словом, обработка по полной программе. Что греха таить, вы ведь знаете, Канцлер,

что я уже дважды использовал похожую тактику против ларов, и оба раза прекрасно срабатывало. Думаю, сработает и сейчас. Я исходил из простой предпосылки: мы почти ничего не знаем об их психологии и логике, но они в первую очередь веральфы, а во вторую все же лары. Тысячи лет жили с ларами бок о бок. Слишком долго пребывали в убеждении, что они — Высокие Господа Небес со всеми вытекающими отсюда правами и привилегиями. Но теперь, когда они оказались по уши в грязи и безусловно начинают понимать, что им не придет на выручку ни Эдикт о вольностях, ни другие указы и установления... Одним словом, сегодня я буду слишком занят, а завтра начну допросы. Есть серьезные шансы на успех. Имеется многозначительный пример: случай с герцогом Нергалом. Когда принц Элвар поиграл у него под носом обнаженным тесаком и пригрозил отхватить кое-что особенно герцогу дорогое, тот не сомневался, что принц свою угрозу выполнит. И раскололся, как сухое полено, сдал с потрохами и заговор, и сообщников. Профессор, вы явно хотите что-то добавить въедливой точности ради?

— Хочу, — сказал Марлок. — Нергал выдал з а г о в о р, но не веральфов. О веральфах принц его не расспрашивал, никто тогда и не подозревал об их существовании. Нельзя исключать, что у них есть какая-то блокада в мозгу, наподобие той, что Брашери установил себе и своим людям.

— Исключать, конечно, нельзя, — согласился Сва-рог. — Но, в конце концов, «блокада Брашери» — чистейшей воды изобретение Магистериума, а в Магистериуме, мы знаем совершенно точно, веральфов нет. Как не было их в заговоре Брашери. Вот, кстати. У нас есть под замком не только те четверо, что сидят у меня в Глане. Я вчера летал в замок Клай, где который год сидят приговоренные пожизненно шестеро главных участников заговора Нергала. Все шестеро оказались веральфами. Всем я преподнес, думается, довольно убедительную легенду. Ни словечком не упомянул,

что нам известно, кто они такие, что нам вообще известно о веральфах. Сказал, что императрица захотела получить максимально полный отчет о тогдашних событиях, и расспрашивал о второстепенных деталях заговора.

Канцлер, попыхивая одной из своих любимых трубок, спросил:

— А они, как по-вашему, не могли сделать из этого вывод, что заговор не удался, что императрица лишилась «черного паучка»?

— Вряд ли, — сказал Сварог. — Если у них нет возможности каким-то загадочным образом сноситься с сородичами — вряд ли... Единственное, что они, на мой взгляд, могут думать — что императрицу веральфам еще не удалось подчинить полностью. Вообще, интересная публика. Полное впечатление, что они нисколечко не испытывают подавленности, всегда свойственной тем, кто получил пожизненное. Ну, это понятно — при долголетию ларов несколько лет отсидки в самых комфортабельных условиях — сущий пустяк. Они наверняка верят, что заговор удастся и они окажутся на свободе. Они ведь, как мы убедились, рассчитывают далеко вперед, оперируют не то что годами — столетиями, тысячелетиями... Вот так обстоят дела. Есть еще с дюжину заговорщиков рангом помельче, но я не стал тратить на них время, они нас, уверен, не должны сейчас особенно интересовать — пешки... Гораздо более меня интересует эта четверка. Да, кстати. Оказалось, что у меня в Глане несравнимо меньше веральфов, чем, скажем, в Латеране. Я вчера собирал Большой Тинг — вожди кланов, все без исключения глэрды и часть особо влиятельных гланфортов. Повод нашелся очень убедительный: я, как предписывают традиции, торжественно, хоть и запоздало — объявил о своем состоявшемся в Хелльстаде бракосочетании. Результат мне очень понравился: среди примерно пятисот человек обнаружилось всего два веральфа. Аристократы, ага. Ну, Глан во многих отношениях отличается своеобразием. Да, вот

что еще. Все четыре дня в тюрьме постоянно дежурят круглосуточно, регулярно сменяясь, гланские старухи-ведуньи, у меня там есть довольно сильные ведуньи. Они говорят в один голос: за все эти дни никто из заключенных не пытался пустить в ход какую бы то ни было магию. Я допускал, что у Изначальных есть какая-то магия, которую, учено говоря, земные «специалисты» не фиксируют, но все равно настроен оптимистично. В конце концов, магия — товар ш т у ч н ы й. На земле ею владеет один-единственный на десятки, а то и сотни тысяч человек. Если и у веральфов сохраняется та же пропорция, у нас есть серьезные основания для оптимизма.

— И долго вы намерены их в ы д е р ж и в а т ь в гланских подземельях? — спросил Канцлер.

— Да нет, — сказал Сварог. — Не терпится побеседовать с ними по душам... и в хорошем стиле профессора Марлока провести эксперимент: подействуют ли на них мои гланские... средства убеждения настолько, что они согласятся душевно поговорить о веральфах, то есть о себе самих. Задушевный разговор я запланировал на завтра. Сегодня к ночи у меня будет полный список всех совершеннолетних веральфов-мужчин, затаившихся среди ларов. Не терпится швырнуть этот список им в морду. Классический метод полицейского следствия: грохнуть кулаком по столу и орать: «Признавайся, сволочь, нам все известно!» Боюсь, если список будет готов достаточно рано, я не дотерплю до завтрашнего утра... Ну, что ж, ночные допросы — штука особенно убедительная... Мои... специалисты дело знают, ни разу не подводили, — Сварог жестко улыбнулся: — Канцлер, вас, случайно, не коробит, что я использую насквозь нецивилизованные методы, которые и на земле сплошь и рядом выглядят тяжким пережитком старины? До сих пор у вас это вроде бы не вызывало внутреннего протеста...

Как он и ожидал, Канцлер ответил столь же жесткой, короткой улыбкой, способной ужаснуть прекрас-

нодушных интеллигентов, каких, к счастью, среди присутствующих не наблюдалось:

— И сейчас не вызывает. Не те обстоятельства, чтобы заморачиваться гуманизмом. Я думаю о другом... Надеюсь, вы не собираетесь забрать себе в с е х четырех?

— Никоим образом, — сказал Сварог. — Я бы предложил такой вариант: я оставляю себе герцога Даутверта и «крота» из девятого стола — к нему будут специфические вопросы, как вы, должно быть, понимаете. Вам — два Аристократа. Судя по тому, что Даутверта в тот день сопровождали именно они, явно персоны из первого ряда. Как вам такой расклад?

Если Канцлер и был недоволен таким дележом добычи (а как еще это прикажете называть?), на лице это у него никак не отражалось. Он кивнул:

— Согласен.

— И потом, эти шестеро в полном вашем распоряжении, — сказал Сварог. — Что-то они, несомненно, должны знать — заговор планировался на долгие годы вперед. Одно мы можем с уверенностью о них сказать: они умеют в ы ж и д а т ь, ждать. Ваших двоих я смогу к вам отправить через час-другой, как только покончу с делами здесь и доберусь до Глана.

— Отлично, — сказал Канцлер. — Мне думается, профессор, вы согласитесь, что эксперимент чистейший? Я использую передовые технологии, а лорд Сварог — архаичные, нецивилизованные, но надежные методы.

— Согласен, — проворчал Марлок. — Безупречный эксперимент, с точки зрения науки. Лишь бы он оказался успешным — а ведь с экспериментами оборачивается по-разному... Будем надеяться.

— Будем надеяться, — повторил Сварог. — Все равно ничего другого не остается, посмотрим правде в глаза. А сейчас... Мне бы очень хотелось послушать, профессор, как обстояло дело со «злым деревом». Давайте уж не будем выдумывать своих определений, простоты ради стоит использовать земное название.

Профессор Марлок разжег свою любимую трубочку, из сильванского черного дерева с медной отделкой, выпустил первый клуб дыма и начал тем тоном, каким, должно быть, читал лекции своим студентам: иные привычки въедаются намертво:

— Чертовски интересную штуку вы нам привезли, лорд Сварог... Дела обстояли так. Прежде чем подвергнуть дерево всевозможным лабораторным анализам, мы пустили в ход разнообразные излучения. Все произошло, когда мои люди применили, пользуясь новорожденным рабочим термином, «излучение пять». Так его называли оттого, что оно оказалось пятой по счету модуляцией из пущенных в ход. Точное научное название вам вряд ли что-нибудь скажет. Разумеется, я привез для вас копии подробного отчета, но вряд ли они будут вам так уж интересны. Гораздо интереснее результат, о котором можно говорить не высокопробным научным жаргоном, а простыми человеческими словами. Так вот, совершенно неожиданно для нас произошло нечто вроде беззвучного взрыва очень ограниченного радиуса действия. За каких-то пару секунд дерево превратилось в грудку частиц неправильной формы, размером в несколько миллиметров, кашеобразной консистенции. Вот их-то мы и исследовали на все лады лабораторными методами. Подробности — опять-таки в отчете, но... Думаю, вам неинтересны их намагниченность, устойчивость к внешним раздражителям, температура, химический состав и прочее?

— Совершенно неинтересны, — сказал Канцлер, и Сварог согласно кивнул.

— Мне, признаться, тоже, — продолжал Марлок. — Г л а в н о е в следующем. Опять-таки не вдаваясь в научные подробности... Это что угодно, только не дерево. Оно было ж и в о е. В определенном смысле все деревья живые, как и прочая флора, но в данном случае — точно установлено, речь идет как раз о фауне. Мы провели все мыслимые анализы, какие только возможны при современном развитии науки. Вывод

неопровержим: это не дерево, а какой-то организм, аналогичный животному или человеку, — точнее определить не удалось ввиду отсутствия материала для анализа. В этой связи... Лорд Сварог, вы могли бы раздобыть еще несколько деревьев? Чтобы мы провели в первую очередь анализы без уничтожения объекта?

— В кратчайшие сроки, — кивнул Сварог. — Хоть целую сотню. Нужные быстро отыщут либо Канилла Дегро, либо колдунцы, а извлечь их из земли совсем не трудно...

— Заранее благодарен. Итак, одно мы знаем совершенно точно: это не просто деревья, а некие живые существа... рискну предположить, даже разумные.

— Примерно это я слышал от... знающих людей, которым безоговорочно верю, — сказал Сварог. — Меня другое беспокоит: те же люди уверяют, что спавшие неизвестно сколько деревья стали просыпаться. Никто не знает, в чем именно это заключается, но все утверждают — это не к добру. И связывают эти деревья с н е о б ы ч н ы м и волками, то есть с веральфами. Чего нам от этих деревьев ждать, решительно неизвестно. Зато известно другое: как именно их можно уничтожить. Я не думаю, что ваше «излучение пять» способно убийственно действовать только на это деревцо. Логичнее будет предположить, что и на все остальные — как действует огонь на все без исключения деревья...

— Проверить легко, — сказал Марлок. — Как только в нашем распоряжении окажутся другие экземпляры... Собственно, у меня все.

— У меня тоже, — сказал Сварог. — Нечего больше добавить.

— Мне тоже нечего больше добавить к тому, что я услышал от вас и Марлока, — сказал Канцлер. — Резюмируя... Кое в чем мои выводы совпадают с вашими, лорд Сварог. Но я услышал от вас немало нового, интересного и полезного. Так что переходим к следующему этапу: обсудим наши возможные действия. Вот здесь, должен признать, первенство за вами. Вы — профес-

сиональный военный. Разумеется, вы воевали в другом мире, в других условиях, но и здесь провели несколько крупных акций — серьезнейших, важнейших. Это, конечно же, не комплимент, в котором вы не нуждаетесь — констатация факта. У вас есть опыт действий, а у меня, признаю самокритично, такого опыта нет. Тем более его нет у Марлока. А потому в будущих событиях вам и играть роль командующего армией. Вас это наверняка не заставит пыжиться от гордости...

— Скорее уж наоборот, — сказал Сварог. — А куда денешься?

— Вот именно. Нам всем остается одно — драться... Вы ведь не могли не подумать о каких-то вариантах ответных действий?

— Думал, конечно, — сказал Сварог. — Кое-что просчитывал. Выводы таковы... Прежде всего — о веральфах. Они — некая причудливая помесь волка и человека. Возможно, в прошлом были и другие их разновидности, но сейчас осталась только эта. Во всяком случае, именно она и только она действует сейчас против нас. Другие разновидности, даже если они и остались, никак себя не проявили. Так вот, волки... Мы ничего толком не знаем о логике и психологии веральфов. Возможно, и не стоит полностью отождествлять их с обычными волками, но предположения строить можно. Волчья стая — да и собачья тоже — основана на строгой иерархии, во многом похожей на земную феодальную систему в ранний период человеческой истории. Лестница, где каждый занимает строго определенную ступеньку, и на вершине — вожак. От волка зависит очень многое, слишком многое на него замыкается. Тем более когда речь идет о разных волках, о волколюдях. Так что главная наша забота — Дали. Вряд ли кто-нибудь здесь сомневается, что именно она — Царица Волков... (он сделал паузу, но возражений не последовало). Если бы нам удалось ее захватить или прикончить... вот именно, прикончить, гуманизм тут неуместен... Думаю, это бы сработало исключи-

тельно к нашей пользе. Дало бы нам выигрыш во времени. В случае, когда волчья стая лишается вожака, его место вовсе не занимают автоматически те, кто стоял в иерархии лишь ступенькой ниже. Неминуемо вспыхнет соперничество меж «разными по званию», какое-то время царит полная неопределенность, и всем не до насущных забот. Что, если и у веральфов обстоит примерно так? В конце концов, иногда схожую картину мы наблюдаем и на земле у людей. Порой на троне оказывается кто-то, кто его заполучил в обход установленных порядков, — он криво усмехнулся. — Положа руку на сердце, мне ли этого не знать... Вот только никто не может сказать, куда подевалась Дали. Безусловно, она где-то скрывается, вот только где? Руф, обобщив все, что ему было известно о гримальтах, упорно связывал Царицу Волков с какими-то снежными, ледяными краями за далекими морями. Книга Руфа — единственный дошедший до нас серьезный источник. Не стоит полагаться на него безоговорочно, но и отвергать его, думаю, нельзя. Ледяные края... Сильвана под это определение никак не подходит: я потратил на это добрые сутки, но теперь могу с уверенностью сказать: веральфов там нет, они гнездятся исключительно на Таларе. Древние Дороги тоже отпадают. За пять с лишним тысяч лет не встречалось ни одного упоминания о тамошнем снеге или льде. Очень похоже, там просто-напросто не существует времен года, в точности так, как нет их на Таларе. Заводи... Вот с ними определенности нет. Я поручил моему з д е ш н е м у министру тайной полиции с помощью Золотых Шмелей изучить все известные компьютеру Заводи. Что он со всей добросовестностью и проделал. Представил обширный интереснейший отчет — вот только сейчас никак не время на него отвлекаться. Ни снега, ни льда, вообще зимы нигде не обнаружилось. Вообще-то, пользуясь любимым присловьем профессора Марлока, это ни о чем еще не говорит. Можно допустить, что в некоторых Заводах зима все же есть — в конце концов мы мало что знаем о Заводах,

ими никто никогда не занимался всерьез. Возможно, в каких-то и есть — но сейчас не то время года стоит. Точно известно, что в одну из Заводей Дали проникать способна... А впрочем, и это нельзя утверждать с уверенностью. Ее покойница матушка безусловно умела, вы не так давно в этом убедились своими глазами. А вот Дали... Мы, собственно, основываемся на одном: на убеждении, что именно она оставила в Крепости Королей знак Гремилькара. Но она ли одна, мы точно не знаем. Как не знаем, Гремилькар она или попросту сделала все, чтобы мы считали ее Гремилькаром, уведила таким образом в сторону от веральфов. Дали во многом — одна сплошная загадка... Вы хотите что-то спросить, Канцлер?

— Значит, ваши... устройства ее в Заводей не обнаружили?

— Перед ними и не стояло такой задачи, — развел руками Сварог. — Ни мои Золотые Шмели, ни другие наблюдательные устройства попросту не умеют, как способны имперские, искать человека по «ореолу». Такого у них в программах не заложено изначально, а как их перепрограммировать, не знает даже Элкон. Говорит, что это, по некоторым прикидкам, вообще невозможно. Вообще-то возможность внести полную ясность существует. Довольно несложная задача: всего-то отправить в каждую Заводь по н а ш е м у орбиталу.

Марлок, конечно, не смолчал:

— Еще не факт, что они будут в Заводей работать... Заводы в некотором смысле — часть Хелльстада. Здешние порядки...

Сварог с нормальной почти улыбкой развел руками:

— Что поделать, не я эти порядки устанавливал, и не могу их изменить. Попробуем запустить единственный, проверки ради, абсолютно несложная задача. Итак... Остается остров Диори. Чем не «ледяная земля»? Вот только ни нашей Библиотеке, ни земным книжникам о Диори ровным счетом ничего не известно. Ни имперские ученые, ни земные морские экспедиции

никогда остров не исследовали. Разве что туда довольно редко плавали особо отчаянные авантюристы вроде капитана Бугаса или герцога Орка. Что касается Империи... Канцлер, нет ли каких-то засекреченных исследований Диори, о которых мне не полагается знать?

— Никаких, — ответил Канцлер без промедления. — Практически не осталось никаких государственных тайн, к которым вы не можете быть допущены... в нынешнем своем статусе, — добавил он с непонятной, но безусловно не язвительной интонацией. — Просто-напросто никто и никогда, и в самом деле никогда не занимался Диори. Как и Древними Дорогами, и Заводами, — он покосился на профессора и фыркнул почти весело, — даже ярый экспериментатор Марлок с его неудержимой страстью к познанию. Постоянно не хватает людей, сил и времени для более насущных дел. Как и от Древних Дорог и Заводей, от Диори никогда не было ни вреда, ни пользы. Вот и правит бал голый практицизм.

Да, никто до сих пор не в состоянии объяснить, почему на Таларе, где Крепость Королей, как теперь установлено точно, которую тысячу лет обеспечивает отсутствие смены времен года, зимы, снега и льда, Диори остается покрыт льдами. Но мало ли на земле таких загадок? Остров Диори — отнюдь не единственная. В свое время, на заре Империи, на Диори побывала научная экспедиция. Установила совершенно точно, что тамошний лед — самый обычный лед невероятной толщины, этим и ограничилась. На земле, насколько я знаю, обстоит точно так же. Уж вы-то, как земной король, должны знать?

— Знаю, — вздохнул Сварог, — Совсем недавно плотно занимался Диори. Нет, не по какой-то деловой необходимости — чисто от скуки, можно признаться. Незадолго до появления Дали случился период безделья. Ну, относительного, конечно, имелся ворох королевских обязанностей, но именно что рутинных, не отнимавших много времени, часто сводившихся к подписанию документов. Вот и решил заняться Диори. Посадил

за работу книжников с мэтром Анрахом во главе, как уже вошло в привычку, задействовали Интагара и еще нескольких начальников спецслужб. Они недели две старательно работали, составили обширные отчеты, ну, а пару-тройку наиболее известных и интересных книг о Диори я с подачи Анраха прочитал сам. Получилось одно сплошное разочарование. Ни малейшей конкретики, вообще никакой полезной информации, над которой стоило бы подумать. Невероятное скопище жутких легенд, баек, побасенок, в подавляющем большинстве противоречащих друг другу: нечистая сила, чудовища, клады простые и зачарованные, а то и целые города, невероятно древние, вмерзшие в лед, и тому подобное... Не было случая, чтобы хоть однажды кто-то оттуда привез некие «вещественные доказательства». А те, что привозили, якобы оказывались искусными подделками, кстати, на одной такой построил удачную аферу герцог Лемар. И никогда, ни единого раза Диори не связывали с Изначальными. Во всяком случае, моя книжно-полицейская команда ни на что подобное не наткнулась, а искать нужное они умеют. Вы не интересовались, как обстояли дела с Диори в доштормовом прошлом?

— Интересовался мимоходом, мельком, — сказал Канцлер. — Попадалась пара строчек в одном из отчетов с Той Стороны. Собственно, в те времена Диори как отдельного острова не существовало. Он лежал на территории, занятой Полночной Полярной шапкой, вечными льдами. Правильно я запомнил?

— Правильно, — кивнул Сварог. — Именно так в прошлом и обстояло. Вот только никто не выяснял, когда Полярные шапки образовались — на Той Стороне хватает других дел, невозможно распространить научно-исследовательское любопытство буквально на все... Теоретически рассуждая, нет ничего невозможного в том, что на Диори могут оказаться поглощенные льдом города — может быть, людей, а может быть, и Изначальных. Черт знает, что там может оказаться.

Однако... Если о Море Мрака изначально говорили как о месте, где таится зло, и серьезное — что, как мы знаем, оказалось сущей правдой, — то о Диори ничего подобного не рассказывали и не писали. Вся нечистая сила, когда о ней заходила речь, представляла какой-то откровенно м е л к о й. Никаких могучих магов и «черных королевств» наподобие того, что легенды приписывают королю Шелорису. Ничего и никого такого уж с и л ь н о г о. Злые колдуны, снежные ведьмы и прочие черные создания, бродящие по снежным равнинам и во льдах — причем, как говорится в легендах, от них не так уж редко можно оборониться серебром и должны заклятьями — конечно, если ты их знаешь... Да и чудовища, порой отвратные и опасные, тоже не выглядят всесильными. Вообще, за последнюю тысячу лет интерес к Диори значительно упал. Большинство лихих капитанов, приплывавших туда, вглубь острова не удалялись. Ограничивались, сукины коты, тем, что распивали бутылочку-другую на берегу и с чувством исполненного долга убирались восвояси. О ходах в толще льда, по которым можно продвинуться далеко, к кладам и заброшенным городам, говорили и писали много — но и здесь жуткий разнбой в описании их местонахождения.

Вот если бы несколько источников называли одно и то же конкретное место, стоило бы задуматься. А так... Не внушает доверия. Опять-таки теоретически, я допускаю, что подо льдом и могут отыскаться подземные, точнее, подледные полости, в которых что-то есть. И существуют проходы туда. Но это все отвлеченные умствования.

— Т е п е р ь, думается мне, самое время послать к Диори наши орбиталы, — сказал Канцлер.

— Ох, — вздохнул Сварог. — Рубите мне голову, Канцлер, за такое самоуправство, но мне эта идея пришла в голову еще три дня назад. Все средства наблюдения, какими я только располагаю, три дня как нацелены на Хелльстад. Кроме того, над Диори на малой высоте ле-

тают четыреста Золотых Шмелей — всеобщая мобилизация, ага. В конце концов, этим я не нарушил никаких законов и запретов...

— Потому что они принимались в те времена, когда о хелльстадской технике и понятия не имели, — чуть сварливо сказал Канцлер.

Сварог развел руками:

— Что делать, так получилось... Не отзывать же их теперь?

— Конечно, не отзывать, — хмыкнул Канцлер. — Пока-то еще возбудится «общественное мнение» определенного направления... Думается мне, обстановка столь серьезная, что любым общественным мнением можно пренебречь — благо не отменена Угроза Короне, автоматически позволяющая не соблюдать изрядную долю законов и правил...

Усмехнувшись про себя, Сварог мысленно прокомментировал: «Ну да, Канцлер, мы с вами оголтелые демократы, кто бы сомневался...»

— Какие-нибудь результаты есть? — деловито спросил Канцлер.

— Увы, никаких, — сказал Сварог. — На снежных равнинах, среди ледяных торосов так и не засекли ни чудовищ, ни каких бы то ни было злокозненных разумных существ. Равным образом и не обнаружили входов в туннели, ведущих под лед. Правда, работа еще не кончена, остров изучен не целиком. И вот что еще. Есть два интересных свидетеля, побывавших на Диори в последние годы. Всего два, но это лучше, чем вообще ни одного. Один — Ледяной Бугас, капитан знаменитой «Невесты ветра». Единственный пиратский капитан, который всерьез интересуется науками. Конечно, чисто по-дилетантски, но не раз происходило то, что смело можно назвать научным поиском и исследованиями. Собрал неплохую коллекцию диковинок и раритетов. С одной из своих находок даже пытался однажды выступить в ученом собрании одного из ронерских университетов. Ученые мужи его форменным образом

высмеяли, а зря: по отзывам людей, не принадлежащих к «ученой стае», вещичка была крайне интересная, но ученые мужи терпеть не могут дилетантов со стороны, прямо-таки примерно так, как мои гармы — волков. Хорошо еще, публика в мантиях Сословия Совы не располагает возможностью безнаказанно душить оппонентов... Короче говоря, Бугас не на шутку обиделся, но от своих занятий не отошел и по-прежнему пополнял коллекцию. Черт, а я ведь плыл однажды на «Невесте ветра» после истории с Глазами Сатаны! Но тогда в таларских делах разбирался плохо, коллекции не видел и понятия о ней не имел, речь о ней так и не зашла, — он фыркнул. — Бугас не знал, кто я такой, и подозреваю, не увидел во мне человека, способного интересоваться учеными материями. Так вот, что интересно: в отличие от очень многих моряков, он не ограничился распитием рома на берегу. Подробностей никто не знает, Бугас ими ни с кем не делился, но мореходы уверены: какие-то действия он все же предпринял. И потерпел некое поражение — потому и молчит о подробностях. Свои удачные предприятия он редко держал в секрете. Безусловно, стоит с ним поговорить по душам.

— Безусловно, — кивнул Канцлер. — Где он сейчас?

— Пока не знаю, — удрученно признался Сварог. — Вы когда-нибудь интересовались таларскими пиратами?

— В таком случае я сделаю короткий экскурс в недавнюю историю, — сказал Сварог. — Когда я стал королем королей, распространил власть на Ганзу и Балонг, пиратство в прежнем его виде быстро захирело. Более чем наполовину уменьшилось число государств, нуждающихся в каперах, а тем Вольным Манорам, что прежде торговали своим морским флагом, я запретил это делать. Произошли существенные изменения. Некоторая часть пиратов уже с моими каперскими патентами живо интересуется торговыми судами Лорана, Харлана, Горрота и Святой Земли. Ни малейшего душевного дискомфорта это у меня не вызывает — в конце концов,

дело житейское, вековые традиции... Часть бросила прежнее занятие и осела на суше. Немалое число пиратов перебралось на Сильвану — там пиратство и каперство по-прежнему процветают.

Какая-то часть, консерваторы, теперь нападают и на мои корабли. Но мои военные моряки их старательно вылавливают...

— Вешают? — деловито осведомился Канцлер.

— Это было бы весьма непрактично, — сказал Сварог. — Три Королевства отчаянно нуждаются в рабочих руках. А потому смертная казнь у меня применяется очень редко. Сейчас как раз по тем же причинам готовлю разгрузку тюрем... ну, это сугубо мои дела. В общем, Бугас оказался среди тех, кто отправился на Сильвану. Его ищет целая орава агентов, но пока что не нашли. Однако точно известно, что он жив, так что это исключительно вопрос времени...

— Понятно, — сказал Канцлер. — Ну, а кто второй человек, связанный с Диори, я уже догадался. Совсем нетрудно было догадаться. Герцог Орк, верно?

— Совершенно верно, — кивнул Сварог. — Он в свое время устраивал экспедицию к Диори. Наверняка его интересовали не высоконаучные материи вроде городов подо льдом, а в первую очередь клады: молва с незапамятных времен твердит, что там не только вульгарные золото и самоцветы, но и разнообразные магические предметы. В отличие от Бугаса, Орк явно столкнулся с чем-то крайне серьезным — из трех его кораблей вернулся только один. Подробностей он никогда никому не рассказывал, а спецслужбы ими не интересовались — в рамках того же безразличия к Диори. Но теперь... Он безвылазно сидит в горротском королевском дворце, носа из него не высовывает — не без оснований опасается ареста. Прекрасно понимает, что рано или поздно его горротскими шалостами займутся вплотную — пока что до него элементарно не доходили руки, были более важные дела, в конце концов, то, что произошло в Горроте, не направлено вовне, — видя характерное

движение Марлока, он добавил: — П о к а ч т о не направлено. Но теперь Орком следует заняться вплотную. У меня в девятом второй день работают над планом повязать его прямо во дворце и увезти ко мне. Вряд ли он будет запираяться. Как показала история с Радиантом, когда Орк понимает, что влип крепко, он нисколько не играет в гордую нестигаемость, развязывает язык. Есть на чем его прижать и в этот раз. Навьи. Без сомнения, они принадлежат именно Орку. Вот за них ему можно выписать по полной программе. Очень убедительный мотив, чтобы заставить его открыть душу до донышка.

— Как знать, — задумчиво проговорил Канцлер. — В случае с Радиантом против него были веские улики, так что у него были все шансы угодить в замок Клай и тюрьму Лорс, а то и на плаху. Однако в истории с навьями в замке Мораг ему оказалось нечего предъявить. Вообще никто не заподозрил, что он к этому причастен...

Сварог ухмыльнулся:

— Сдается мне, это были времена нездорового либерализма. Сейчас, согласитесь, ничего похожего и в помине нет. Я ведь самодур и сатрап, вы не забыли? Либерализмом и гуманизмом не страдаю ничуть. Вот и теперь не намерен. Если я устрою ему познавательную экскурсию в Глан, вы будете меня упрекать в нарушении Эдикта о вольностях и парочки других основополагающих документов о свободе и демократии?

— И не подумаю, — хмыкнул Канцлер.

— Вот видите, — сказал Сварог удовлетворенно. — У него не будет возможности ни писать, ни отправлять жалобы... да и потом, Угрозу Короне принц Элвар не отменял пока что официальным образом, а это открывает простор для беззакония... законного беззакония, добавлю. Я с превеликим удовольствием выверну Орка наизнанку — слишком часто оказывается у меня на дороге, надоел...

— Касательно Диори у вас все?

— Пожалуй, — сказал Сварог.

— Ну, тогда вернемся к прежней теме. Какие у вас соображения по поводу ответных действий?

— Никаких замысловатых методов, — сказал Сварог. — Я тут кое-что обдумал... Дали мы пока не нашли, но кое-что предпринять можем. Я кое-что просчитал. У нас вполне достаточно сил, чтобы, особенно не напрягаясь, одномоментно арестовать всех до одного веральфов-Аристократов — ударить по верхней ступеньке их иерархической лестницы. Аристократов не так уж много. Точное их число и все до единого имена мне пока что неизвестны, но на основании того, что я знаю, можно с уверенностью сделать вывод: сотни две, в крайнем случае — три. Задача для парочки полков и групп спецназа из разных ведомств. Если в отсутствие Аристократов Знать и Жители и способны как-то самоорганизоваться, выстроить новую иерархию, это должно занять немало времени, а время работает на нас. Вывезти их всех на Сильвану, в Антлан... (он помедлил — в здешнем языке не было понятия «концлагерь», а пускать в ход русский не хотелось из-за неприглядных ассоциаций). ...Поместить под строжайшую сильную охрану. А следующий шаг... Арестовать всех совершеннолетних веральфов-мужчин. В конце концов, их тоже не астрономическое количество. Есть еще один вариант, самый жесткий. Для ситуации, когда вплотную может встать вопрос «Мы или они?». Я допускаю, что такая ситуация может возникнуть... Арестовать только Аристократов, а остальных пока не трогать, присматривать за ними... и в случае нехорошего оборота событий пустить в ход систему «Пожар». Именно так, «Пожар». Конечно, гуманизма и близко не будет, там женщины и дети... но, в конце концов, это женщины и дети веральфов. Меня как-то больше заботит судьба человеческих женщин и детей. Земных, кстати, тоже — из того, что мне известно, следует: в целях веральфов уничтожение не только Империи, но и земного человечества. Вряд ли Дали мне лгала насчет своих планов на этот счет. А поскольку я еще и зем-

ной король, несущий ответственность и за тех, кто на земле. А веральфы притаились и там, несомненно, ждущие тут уж не до сантиментов, как их не было и в случае с Токе-рангом...

— «Пожар»? — переспросил Марлок, ничуть не выглядевший ошеломленным. — Крутовато... Но если действительно будет стоять вопрос «Мы или они?», какие тут, к лешему, сантименты...

— Дайте подумать... — как-то отрешенно сказал Канцлер.

Судя по лицу, он и в самом деле серьезно задумался. Сварог закурил, придвинув по подоконнику массивную пепельницу из цельного аметиста — наследство Фаларена, сам он ровным счетом ничего не менял в Вентордеране, не убирал и не добавлял, разве что обставил для Яны Аметистовую башенку привезенной из большого мира мебелью. Странные какие-то нахлынули чувства, неопределимые словами: боевой азарт? Воодушевление? Готовность драться насмерть, когда все средства хороши? Или все вместе? Мы или они? Может обернуться и так.

Если подумать, система «Пожар» — вещь жуткая. Кроме сети спутников, занятых исключительно наблюдением над землей, есть и другая, отнюдь не мирная: боевые орбиталы на более высокой орбите. Они держат под прицелом все без исключения замки ларов, что на Таларе, что на Сильване, и способны при крайней необходимости уничтожить любой манор — и, предположим самое невероятное, все до одного, сколько их ни есть — теми разновидностями лучевого оружия, что смертельно и для ларов. Ввел эту систему вскоре после того, как лары вновь ушли за облака после Вьюги (и, назовем вещи своими именами, некоего подобия гражданской войны) новый, только что вошедший на престол Император. Возможно, еще и именно поэтому, а не из одного почтения к императорской фамилии так и не случилось ни одного заговора, ни одного мятежа, нацеленного на смену династии. Чтобы пустить систему

в действие, необходимы слаженные усилия крайне ограниченного круга людей — в данный момент это Яна, оба принца короны и Канцлер. Если уж пойти до конца и назвать вещи своими именами, система «Пожар» в чем-то напоминает Машину Последнего Дня токеретов. Что ж, именно она, есть все основания так думать, три с половиной тысячи лет удерживала Империю от серьезных потрясений...

Существование «Пожара» никогда не хранилось в тайне, наоборот. Но так уж сложилось, что о нем помнили только люди, которых можно назвать «серьезными» — военные, чиновники, высокопоставленные придворные, наконец, с е р ь е з н ы е придворные интриганы. Те, кого с полным на то правом можно назвать пустыми великосветскими хлыщами, вертопрахами, бездельниками (а если употреблять определения порезче, придворным планктоном), о «Пожаре» попросту забывали, едва войдя в возраст, позволяющий им с макушкой окунаться в водоворот светских увеселений. Препустой народец, что тут скажешь...

— Ну, что же, — проговорил наконец Канцлер, словно бы з а к а м е н е в лицом. — Если действительно не будет другого выхода, если вплотную встанет вопрос «Мы или они?»... Тут и в самом деле будет не до сантиментов. Что еще... Идея арестовать всех Аристократов и запереть на Сильване недурна. Только, я полагаю, акцию следует провести после того, как мы с вами, лорд Сварог, допросим имеющих в нашем распоряжении веральфов и узнаем что-то определенное о противнике. Как вы полагаете?

— Согласен, — кратко ответил Сварог. — В бой следует бросаться только после разведки и допроса пленных... Профессор?

— Планировать какие бы то ни было силовые акции я не берусь, — сказал профессор Марлок. — По чисто утилитарным соображениям: я в этом ничегошеньки не понимаю, так что способен только напортить. Тут уж вам двоим карты в руки. Вот научно-техническое

обеспечение — другое дело. Это моя стихия, так что готов из шкуры вон вывернуться. В этой связи... Я могу получить в свое распоряжение одного из тех веральфов, что сидят в замке Клай? Я провел бы всесторонние исследования, какие только возможно, чтобы точно установить, чем они отличаются от людей. Пока что мы знаем одно-единственное отличие: в их организме присутствует антиген Р, которого нет у людей, но есть у волков. Вряд ли отличия ограничиваются только этим, — он усмехнулся. — Если в игре вновь гуманизм, постараюсь сделать все, чтобы... чтобы не допустить непоправимой порчи подопытного материала...

«Хорошая у нас компания подсобралась, — подумал Сварог. — Никто не мается абстрактным гуманизмом, никто не боится жестких решений, вещи сплошь и рядом называем своими именами. Отличная компания для серьезнейшего дела, которым предстоит заниматься...»

— Какой тут может быть гуманизм? — усмехнулся Канцлер. — Поступайте, как считаете нужным. Всесторонние исследования — это то, что нужно. Самое время узнать о веральфах побольше. И не бойтесь... непоправимо испортить материал в ущерб исследованиям. Материала у нас предостаточно. У вас есть еще какие-то соображения, лорд Сварог?

— Есть, — сказал Сварог. — Правда, они касаются исключительно земли. Каждый смотрит со своей колокольни. Вас, Канцлер, заботит в первую очередь судьба Империи, и это понятно, глупо, если бы обстояло иначе. Но я-то еще и земной король, так что обязан думать и о своих королевствах...

— Никто не отнимает у вас этого права, — спокойно произнес Канцлер. — Пользуясь вашими же словами, глупо, если обстояло бы иначе. Какие у вас соображения насчет земных дел?

— На земле среди людей точно так же таятся веральфы, — сказал Сварог. — Это бесспорный факт, самолично убедился. Правда, я их наблюдал исключительно в Латеране, но вряд ли они обитают толь-

ко там. Одно существенное отличие, которое играет против меня. Это здесь я могу безошибочно подсчитать веральфов и определить, кто именно ими является. На земле у меня такой возможности нет и не будет. Потому что там нет ни компьютеров, ни видеосвязи, ни фотографии. Поэтому земные веральфы для меня сейчас — что-то второстепенное. На первом месте — «злые деревья». После эксперимента с «излучением пять» не подлежит сомнению, что они служат своеобразными куколками для каких-то живых существ, безусловно имеющих прямое отношение к веральфам. Сколько таких деревьев, неизвестно — но все з н а ю щ и е люди употребляют определение «много». Что гораздо хуже, те же знающие люди не сомневаются, что деревья эти — з л ы е, что они, сколько бы долго ни «спали», начинают «просыпаться». Это-то меня и тревожит больше всего. Что они будут делать, когда проснутся? Каких сюрпризов ждать? Неизвестно. В одном я не сомневаюсь: сюрпризы будут очень и очень недобрыми для людей...

— Логично, — кивнул Канцлер. — У вас уже есть какой-то план?

— Есть, — сказал Сварог. — Откровенно признаюсь: это чистейшей воды импровизация, родившаяся, когда я услышал об «излучении пять». Однако далеко не все импровизации плохи... Что немаловажно, другого плана попросту нет и, сдается мне, быть не может. План простой: если «излучение пять» начисто уничтожает «злые деревья», почему бы не создать сеть излучателей-орбиталов и не обстрелять весь Талар? Технически это, думается мне, несложно. Сеть орбиталов-наблюдателей для Той Стороны изготовили в считанные дни: в Технионе создали образец, а потом синтезаторы быстро наштамповали потребное количество, как на земле чеканщики штампуют монеты, только еще быстрее. Профессор? — вежливо спросил он, хотя угадал уже, что Марлок намерен сказать — въедливой точности ради, конечно.

— Мы провели один-единственный эксперимент с одним-единственным деревом, — сказал Марлок. — Нет никаких гарантий, что «излучение пять» точно так же подействует на другие. Деревья, безусловно, живые существа, а таковым свойственны разного рода индивидуальные реакции, как, например, на лекарства.

— Ну, проверить просто, — сказал Сварог. — Я нынче же распоряжусь, чтобы к вам в Технион доставили двадцать деревьев, ради чистоты эксперимента взятых в разных уголках Талара, в том числе и на островах — некоторые считают, что они и на островах водятся. Двадцати вам будет достаточно?

— Вполне.

— Вот прекрасно, — сказал Сварог. — Если все пройдет успешно, сколько времени вам понадобится, чтобы изготовить потребное число орбиталов?

— Вряд ли много, — почти тут же ответил Марлок. — Учитывая, что они будут предназначены для одной-единственной операции... Сутки на разработку и изготовление образца. Еще столько же на тиражирование. Прибавим еще сутки в качестве запаса времени, хотя я уверен, что оно не понадобится... Вам ведь не нужно предпринимать акцию в пожарном порядке?

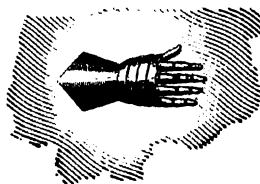
— Не вижу пока такой необходимости, — сказал Сварог. — Что ж, сроки вполне приемлемые... Канцлер, вы не будете возражать, если я возьму орбиталы в девятый стол и буду единолично ими управлять?

— Никаких возражений, — сказал Канцлер. — Я бы дал согласие, если бы вы оставались в прежнем статусе. Земные дела вам гораздо ближе, нежели мне, вы в них разбираетесь гораздо лучше, вам и карты в руки. Ну что же, господа? Думаю, все предположения высказаны? В таком случае поговорим о чисто технических деталях операции... сдается мне, не стоит, вопреки обычному порядку, тратить лишнее время, чтобы придумывать ей название? Все равно она практически не оставит никаких следов ни в бумажном, ни в электронном виде.

Хотя... Раздумывать долго тут не придется. В отличие от многих других операций, акций и проектов здесь — тайна на тайне. И какое-то количество документации, пусть очень малое, все же будет — мы не сможем совершенно обойтись без нее. Предлагаю-таки назвать: «Проект „Тайна“». Возражения будут?

Возражений не последовало.

РАЗГОВОРЫ, РАЗГОВОРЫ...

Когда они наконец вышли из малого кабинета Сварога, у ближайшей к двери колонны обнаружился Мясус (если расценивать все с чисто эстетической точки зрения, неплохо смотревшийся на фоне зеленого с черными прожилками малахита). Это было неспроста: при всем разительном несходстве Мясус и Интагар аккуратно появлялись у дверей комнаты, где в данный момент пребывал Сварог — если у них были какие-то новости.

Разница состояла только в том, что Интагар плохие новости сообщал со знакомым Сварогу скрытым неудовольствием, а Мясус, как роботу и полагалось, сохранял полнейшую бесстрастность, начисто лишенный эмоций.

— Докладывайте, — сказал Сварог.

Мясус браво отчеканил:

— Двадцать восемь минут назад границу Хелльстада с Ямурлаком пересек волк и успел продвинуться вглубь нашей территории на две лиги и триста двадцать восемь уаров. После чего был встречен двумя гармами, совершившими над ним процедуру, известную в человеческом языке как «придушить». Гармы по собственной инициативе ведут патрулирование границы. Обращаю

ваше внимание: последний раз волк появлялся в Хелльстаде две тысячи восемьсот четыреста восемь лет назад. Прикажете дать изображение?

— Давай, — сказал Сварог.

Мяус поднял правую лапу, и над головой у него зажегся большой прямоугольный экран. Среди невысокой зеленой травы рядом с усыпанным мелкими желтыми цветочками кустом каралеяника лежал, вытянув лапы, громадный, если сопоставить с кустом, волк. Выглядел он мирно спящим, разве что с широко открытыми остановившимися глазами — гармы его явно придушили очень аккуратно, как это у них было в обычае, и он ничуть не выглядел растерзанным.

— Интересно, — сказал Сварог спутникам. — Очень интересно... Волк, сами видите, б у р ы й. Все веральфы, которых я до сих пор видел, были как раз бурыми, разве что разных оттенков. Ни одного серого. Среди обычных волков на земле вообще нет бурых. Разведка боем, а? Послали смертника. Не могут же они не знать, что бывает с рискнувшими сюда сунуться волками. Или забыли за две с лишним тысячи лет?

— Непонятно, правда, в чем разведка должна заключаться и как ее осуществлять, — проворчал Марлок. — Но факт остается фактом: среди обычных волков бурых нет, — судя по лицу, его словно бы осенило озарение, и он произнес чуть ли не умоляюще: — Лорд Сварог...

Сварог его понял и кивнул:

— Ну, разумеется, профессор. Я распоряжусь, чтобы волка доставил к вам в Технион.

Легко быть сговорчивым — у него самого здесь не было ни одного специалиста-биолога, одни «технари», то бишь Золотые Обезьяны...

— Еще что-нибудь? — спросил Сварог.

— Ничего больше, государь.

— В таком случае пойдемте, господа?

Оставив Мяуса на прежнем месте, они двинулись по коридору, роскошному, как все в Вентордеране, но эта роскошь отнюдь не выглядела вульгарной: колонны

мраморные, малахитовые и яшмовые, мозаичные стены, ковры на полу (которых никогда не пачкала грязная обувь), узоры из самоцветов на потолке, статуи людей и животных, отчего-то казавшиеся старинными — не удивительно, замку столько же лет, сколько и самому Хелльстаду. Сварог мимоходом подумал, что так никогда и не узнает, как вышло, что Вентордеран получился именно таким: то ли в Фаларене дремали нешуточные дизайнерские таланты, то ли он взял за образец что-то прежде им виденное. Спросить не у кого: Мяс тут ничем помочь не мог, когда он, так сказать, появился на свет, Вентордеран уже существовал...

Канцлер хмыкнул, покрутил головой:

— Оригинальный у вас все же министр тайной полиции, лорд Сварог. Третий раз его вижу, и все никак не могу привыкнуть...

— Ну, в этой должности он выше всяких похвал, — серьезно сказал Сварог. — В отличие от людей, не смахивает в карман казенные деньги, просто-напросто не способен лгать и предавать... Вина не пьет, вообще не ест и не спит...

— В самом деле, несомненное достоинство, — без улыбки сказал Канцлер. — Пожалуй, и я бы не отказался от пары-тройки таких сотрудников — бесценны в некоторых отношениях...

Как часто случалось, и сейчас Сварог не смог определить, шутит Канцлер или говорит серьезно. Сварога до сих пор удивляло то, что в имперских учреждениях при их повальной компьютеризации и кадровом голоде никогда не использовали роботов-сотрудников. Не было никаких запретов, и не случалось в прошлом, Сварог как-то специально интересовался, связанных с роботами печальных инцидентов. Но вот, поди ж ты, не использовали роботов, и все тут. Видимо, работала еще одна пережившая свое время замшелая традиция. С некоторыми Яна решительно покончила — Палата Пэров, Тайный Совет, некоторые отжившие свое время законы и установления. Но архаизмов сохранилось

еще достаточно, и у Сварога до них не доходили руки — в конце концов, они ему не мешали...

И все же он сказал:

— Очень легко поймать вас на слове, Канцлер. Мне ничего не стоит сделать пару-тройку роботов-чиновников и подарить вам. Чтобы окружающие не нервничали, можно замаскировать их под людей. Маскировка будет не стопроцентно идеальная, но кто у вас станет долго рассматривать их вблизи?

Канцлер чуть рассеянно отозвался:

— Надо будет подумать, когда найдется свободное время...

Сварог вновь не сумел определить, шутит Канцлер или говорит серьезно, — но не собирался сейчас заморачиваться такими пустяками. Они замолчали. Молча спустились на зеленый луг — Вентордеран с опущенной лестницей стоял всего-то уардах в пятнадцати от границы Хелльстада, четко обозначенной протянувшимися в противоположные стороны теньями крайних деревьев и оплывшим, глубиной курице по колено, старинным рвом с покосившимися каменными межевыми столбами со стершимися почти надписями-заклинаниями и символами-оберегами. Сопредельные жители их не подновляли которую тысячу лет, а Сварог не собирался убирать — ничему не мешают.

На ямурлагской стороне, так же близко к границе, стояли четыре браганта, и возле двух выжидательно замерло по четверке охранников. Почти сразу же, на первой встрече, было решено передвигаться исключительно с охраной, а совещания проводить только в Хелльстаде — единственном месте в Империи, куда не имели доступа веральфы, а вся аппаратура, которой они располагали в качестве ларов, была бесполезной. Известно ведь: лучше перебдеть, чем недобдеть...

— Ну, что же, — сказал Канцлер, когда они встали на лугу у подножия замковой лестницы. — Обговорили все, теперь осталось работать... Вы твердо уверены, что

императрице нужно оставаться в Хелльстаде, пока хоть что-то не прояснится?

— Уверен, — кивнул Сварог. — Следует исключить любые случайности, даже сейчас, когда Келл Инир полностью контролируют... верные люди. Мы не знаем, как далеко простирается мстительность веральфов, но прекрасно известно, что мстительность волкам свойственна. Императрица с моими доводами согласилась и противоречить не намерена.

— Ну, не буду препятствовать, — сказал Канцлер. — Пожалуй, и в самом деле верное решение. Что же? Мы все обговорили, будем действовать. Удачи, лорд Сварог, вам... и всем нам.

— Поработаем, — сказал профессор Марлок. — Руки чешутся исследовать вашего волка... и юго-то из веральфов.

Оба кивнули Сварогу, не размениваясь на словесные прощания, в принципе, совершенно ненужные, повернулись и быстрым шагом направились к брагантам — как люди штатские, не в ногу, но шагать в ногу от них и не требовалось. Сварог не смотрел им вслед — к чему? Поднялся по лестнице и в темпе провернул парочку неотложных дел: отдал мысленный приказ Мяусу погрузить дохлого волка в один из брагантов (кроме своего обычного, Сварог на всякий случай держал здесь еще парочку) и отправить в Технион к Марлоку. Потом приказал замку на максимальной скорости идти к Веллордерану.

Вернувшись к себе в малый кабинет, где проходило совещание, тщательно собрал в портфель все бумаги, какими очень быстро обрастает всякое серьезное предприятие. Покосившись на свое отражение в высоком, во всю стену, чистейшем зеркале в резной раме из силванской горной березы — так, словно рассчитывал увидеть в собственной персоне какие-то изменения, последовавшие с резкими изменениями в служебном положении. Как и следовало ожидать, таковых не обнаружилось — откуда бы им взяться? Исключительно забавы

ради — даже перед лицом нешуточной угрозы не стоит сохранять смертельную серьезность — добросовестно попытаться придать физиономии чванливо-высокомерное выражение. Разумеется, ничего не получилось. Ну что ж, когда это понадобится, можно будет пустить в ход корольевское выражение лица, освоенное на земле в совершенстве...

Да уж, залетела ворона в высокие хоромы... Три дня назад Яна подписала указ о назначении его вице-канцлером Империи. Ей не пришлось устраивать очередные реформы и посягать на традиции — этот пост в системе государственного управления появился еще в первые годы существования Империи. Другое дело, что последние шестьсот с половиной лет он оставался вакантным по крайне веским причинам: трижды за все это время ярые честолюбцы пытались избавиться от приставки «вице» и плели серьезные интриги — а в самый первый раз честолюбец интригами не ограничился, стал готовить убийство тогдашнего Канцлера, но был уличен, разоблачен и лишился умной головы. В последний раз, можно и так сказать, при «дедушке» нынешнего Канцлера, убийство не планировалось, но все равно долго потаенно бушевала запутанная интрига, затянувшая многих придворных, цивильных сановников и генералов. Нечто похожее на те интриги, что разобиженная французская знать когда-то плела против кардинала Ришелье (а может, тогдашний Канцлер и был его здешним аналогом? Тайна сия велика есть...).

Интригу вице-канцлер проиграл и с треском вылетел в отставку, окончил дни в изгнании на Сильване. Чтобы не плодить лишних сложностей и лишних интриг, нового вице-канцлера правивший тогда Император назначать не стал, хотя и не отменил этот пост — какое положение и сохранялось вплоть до недавнего времени.

Идея принадлежала исключительно Яне, хорошо знавшей историю Империи, — но Сварог, в противоположность иным прежним случаям, ее принял без ма-

лейших возражений. Новая должность дала ему нешуточную власть — и возможность без санкции Канцлера отдавать касавшиеся крайне важных дел приказы, которых он до этого в роли начальника восьмого департамента и директора отдавать просто-напросто не мог. Для чего-то особенно важного каждый раз требовалось согласие Канцлера — Канцлер его давал всегда, но так было гораздо проще и быстрее. Вот и сейчас он мог своей властью распорядиться о создании должного количества орбиталов, бывших «излучением пять» и выводе их на орбиту, — указ об этом уже был готов, осталось только подписать, если эксперимент Марлока со «злыми деревьями» закончится успехом.

Никаких сложностей в ближайшем будущем новое назначение не сулило — ни малейших, и это радует. Канцлер, как опытный и крупный политик, излишним доверием не страдает, но прекрасно должен понимать: кто-кто, а уж Сварог безусловно не станет под него подкапываться, чтобы сесть на его место. Несколько лет назад, когда произошла та приснопамятная история, когда совсем юная Яна хотела разжаловать Канцлера и назначить на его место Сварога, именно Сварог этому категорически воспротивился. Ну, и всего несколько дней назад Канцлер, будем смотреть правде в глаза, сохранил свой пост исключительно благодаря усилиям Сварога. Неизвестно, как обернутся дела в будущем, но в ближайшее время, можно сказать с уверенностью, никаких трений и сложностей меж ним и Канцлером не возникнет...

Он покосился на стол, фыркнул, покрутил головой. Рядом с портфелем лежал знак его нынешнего достоинства: вычурная золотая цепь с массивным золотым медальоном — овальным, с гербом Империи, щедро украшенном самоцветами-алмазами, как и цепь. Медальон Канцлера отличался только тем, что был еще снабжен золотыми ажурными лучами, наподобие орденских, опять-таки в самоцветах. Хорошо еще, что таскать эту байду придется в основном на дворцовых

церемониях, и гораздо реже — при исполнении служебных обязанностей... Некоторые наблюдения дают все основания предполагать, что и Канцлер относится к своей б л я х е как к докучливой повинности, которую вынужден выполнять. Ни Наполеон, ни Сталин гирляндой регалий не щеголяли... Что им нисколько не помешало остаться в большой истории Наполеоном и Сталиным...

Обратясь к полузабытой прошлой жизни — неплохая все же выпала карьера армейскому майору из захолустного гарнизона? Правда, воспринимается все без особых эмоций — прижился здесь, со многим свыкся, порой прошлая жизнь кажется тягостным дурным сном, и уже совершенно неинтересно, что там произошло на Земле за время его долгого отсутствия, неинтересно, с какой разницей течет время в обоих соседних мирах и как они расположены касательно друг друга, в каких пространствах...

Наличествуя и здесь своя ложка дегтя — от нее сплошь и рядом никуда не денешься. Кадры. Аппарат. Бюрократия частенько в разумных пределах, умеренных дозах жизненно необходима. Чтобы полноценно исполнять обязанности вице-канцлера, просто необходима к о н т о р а. Которую на пустом месте создавать будет гораздо труднее, нежели в свое время девятый стол. Помочь ему в этом предприятии некому, придется полагаться исключительно на себя. Ну, предположим, и Яна, и Канцлер обещали, что оторвут от сердца пару-тройку толковых людей из своих кабинетов. Для чисто бумажной работы, требующей главным образом усидчивости и расторопности, можно подыскать людей с упором в первую очередь на способную молодежь, далеко не все, кто не состоит на гражданской или военной службе, — законченные бездари, светские бесполезные пустоцветы. Тут может помочь принц Диамер-Сонирл — порой акулы бюрократии просто незаменимы...

Конечно, контора ему понадобится не такая многолюдная, как Кабинет Канцлера, не говоря уж о Кабине-

те императрицы, но все равно, работа по ее созданию предстоит нешуточная, причем откладывать до лучших времен никак нельзя, несмотря на нависшую угрозу. Что ж, у него уже появилась ничуть не вздорная мысль, кого поставить во главе, — положительно, от этого будет толк. А что до остального... У него уже родилось твердое убеждение: следует срочно изготовить с полдюжины роботов наподобие Золотых Обезьянов, только более разносторонних, что ли. Они положат начало будущему Кабинету вице-канцлера. В конце-то концов, нет законов, запрещающих использовать в имперской канцелярской работе роботов или хелльстадские компьютеры. Из этого и будем исходить. Ну, а что до веральфов... Посмотрим, что получится у Марлока и у него самого в Глане. Ждать и копить информацию — ничего другого просто не остается. Ничего необычного — разведка перед боем, с нее и нужно начинать, любой опытный командир вам скажет...

Еще раз покосившись на дурацкую золотую цепь, за обладание которой иные придворные интриганы дали бы руку на отсечение, он тяжело вздохнул, сам толком не понимая, по какому поводу, вышел в коридор и прямоком направился в Аметистовую башенку.

Оказавшись перед высокой резной дверью в золотых затейливых шляпках гвоздей, образовавших красивые узоры, он, как всегда, коснулся светло-коричневого в черных прожилках завитка, игравшего роль кнопки звонка, — никогда не входил без предупреждения, чтобы Яна чувствовала себя здесь полной хозяйкой. Изнутри не донеслось ни звука, но сейчас во всех комнатах Аметистовой башенки раздался негромкий приятный для уха мелодичный звон, и на стенах размеренно замигали розовые огни, не имевшие ничего общего с сигналами тревоги.

Почти сразу же дверь наполовину распахнулась, тоже не в первый раз — иногда Яна открывала ее сама, а порой, когда бывала занята, как сейчас, так с дверью и поступала. Сварог вошел в прихожую, немаленькую, но

не блиставшую особой роскошью — по замыслу Фаларена Аметистовая башенка оказалась гораздо скромнее прочих дворцовых помещений. Надо полагать, покойного с неведомой прежней обитательницей башенки связывали не такие уж высокие и пылкие чувства. Впрочем, Яна никакой дополнительной роскоши и не возжелала — хотя Сварог ей в свое время и предлагал обустроить башенку согласно ее пожеланиям. Никаких пожеланий у нее попросту не оказалось, сказала, что ей и так все нравится. Разве что обстановку выбирала сама, башенка была — одни голые стены, даже занавесей на окнах не оказалось — не дознаться уже, чем кончился роман Фаларена с неведомой Сварогу женщиной, но король Хелльстада, полное впечатление, старательно уничтожил всякую вещественную память о ней.

Навстречу ему вышли оба Золотых Медвежонка — симпатичные уморительные кудрявчики размером раза в два побольше Мяуса. Как и у Мяуса, глаза у них не горели, а просто неярко светились приятным изумрудным цветом. Они были сущими близнецами, и Сварог не мог определить, кто из них носит мужское имя, а кто женское — у них, как у зверюшек в мультфильмах и на рисунках из детских книжек, не было внешних признаков, позволявших бы это установить. Разве что когда начнут говорить — один выражался о себе в мужском роде, другая, соответственно, в женском. Правда, Яна как-то умудрялась их различать, даже когда молчали.

Оба почти синхронно поклонились, едва ли не хором произнесли приятными голосками:

- Доброе утро, ваше величество.
- Утро доброе, — сказал Сварог. — Где хозяйка?
- Хозяйка в кабинете. Она занята, но никаких приказаний насчет того, чтобы ограничить доступ в кабинет, не отдавалось.

Никто другой здесь никогда не бывал, кроме него, и Яна никогда не «ограничивала» ему доступ, но такова уж была одна из формул набора фраз исправных слуг, заложенная в Золотых Медвежат, по сравнению с кото-

рыми Мяус был светочем интеллекта. Глупо было бы спорить с роботами или делать им замечания. Так что Сварог промолчал, прошел мимо золотых кудрявчиков и поднялся в кабинет.

Яна в простом домашнем платице (ну, простом только на императорско-королевский взгляд) сидела лицом к окну, спиной к двери за большим столом. Услышав шаги Сварога, обернулась, мимолетно улыбнулась ему и сделала извиняющийся жест. Он сговорчиво кивнул, вовсе не желая отрывать ее от серьезного дела, тихонько прошел к боковой стене, уселся на низкий удобный диван, обтянутый вишневого цвета гиперборейским аксамитом с черными узорами. Чтобы не смотреть ей в спину, в затылок, перевел взгляд на стол.

Там происходили интересные вещи. Справа над столом висел в воздухе большой, чуть ли не в уязд диаметр, полупрозрачный шар, голубовато-туманный. Ага, глобус Талара — континенты и острова обозначены белыми линиями. Слева неторопливо сменяли друг друга поразительно четкие многоцветные картинки: поросшие лесами горные склоны (кажется, каталунские), остров посреди безмятежной морской глади (Сварог был не настолько искушен в здешней географии, чтобы с ходу его определить), неправильные квадраты и прямоугольники полей с видневшимися там и сям деревушками, большие и маленькие города (он уверенно опознал одну только Равену), речные берега, какой-то морской порт, большие тракты... Все это словно бы увиденное с птичьего полета.

Яна самозабвенно трудилась. На поверхности глобуса (главным образом на Харуме, но и на иных островах) ненадолго вспыхивали неяркие зеленые огоньки, а картинки, едва возникала очередная, оказывались пронизанными вихрем золотистых искорок. Волосы Яны временами шевелил словно бы неощутимый в комнате ветер, она подняла перед лицом ладони с крепко сжатыми пальцами...

Выглядела она абсолютно спокойной, но Сварог обожанно считал, что она, безусловно, не отошла еще окончательно от обрушившегося на нее жуткого психологического шока. Каково ей было узнать, что она собственными руками едва не загубила не то что Империю — человечество? Врагу такого не пожелаешь...

Не в первый раз за последние дни его буквально прошил л е д я н о й страх — хорошо еще, тут же схлынувший. Если смотреть правде в глаза, они успели в последний момент, все решали какие-то минуты. Если бы веральфам удалось увезти Яну на землю и, никаких сомнений, где-то надежно там укрыть, если бы она стала матерью этого их чертова Разрушителя... Мороз по коже.

В первый день, когда он после совещания на скорую руку с Канцлером и принцем Элваром увез Яну в Хелльстад, дело обстояло совсем плохо. Яна легла на кровать лицом к стене и на окружающее, в том числе и на Сварога, не реагировала совершенно, как будто ее здесь вообще не было. Не на шутку обеспокоившись, Сварог поспешил за доктором Латроком. Тот взял с собой полную сумку своих хитрых диагностических и лечебных устройств и надежных снадобий (в Вентордеране, вообще в Хелльстаде, он оказался впервые в жизни, но отнесся ко всему с профессиональным бесстрашием). Проведя с Яной больше часа (причем Сварог, как и следовало ожидать, был без особых церемоний выставлен за дверь), Латрок все же изрядно успокоил. Конечно, сказал он, потрясение нешуточное, способное бросить в черную тоску и крепкого, битого жизнью мужика — что же говорить о девушке, выросшей в тепличных условиях, в роскоши, которую только могла обеспечить Империя, с детства свыкшейся с мыслью, что она — Высокая Госпожа Небес, Императрица Четырех Миров? И все же, заверил он, нет оснований так уж беспокоиться: психика у Яны здоровая, крепкая, и она никак не оранжерейный цветочек. Кое-какие необходимые процедуры он провел, эффективные лекарства дал и оста-

вил на будущее. И не видит необходимости отправлять ее на «отдых» в «Лазурную бухту» или иное аналогичное заведение. С чем и отбыл, дав Сварогу несколько полезных советов.

Яна и в самом деле из апатии вышла, немного со Сварогом поговорила, даже поела своих любимых жареных пирожков с омарами (кухня Вентордерана с полудюжиной Золотых Кулинаров работала исправно, как при прежнем хозяине) и выпила бокал вина. Решив не ограничиваться высокой медицинской наукой, Сварог на полной скорости слетал в Каталаун, привез оттуда двух знатких старушек и старичка, одного из тех, что в свое время вытягивали у Яны «умственную хворь» после сильванской истории. Как и Латрок, они отнеслись ко всему спокойно — по крайней мере, внешне. Провели с Яной всю ночь и следующий день до полудня. И Яна стала почти прежней, занялась поисками Дали с помощью Древнего Ветра — увы, безрезультатно.

Сварог ничегошеньки не понимал в том, что видел над столом, и не стремился понять — но у него создалось стойкое впечатление, что Яна занимается поисками чисто по инерции, из свойственного всем людям упрямства. Ведь за два с половиной дня — ни малейших успехов... Но лезть со своим мнением он, конечно же, не собирался — по крайней мере, Яну это отвлечет и меланхолии, говорил Латрок, никак не усугубит...

Наконец Яна вздохнула несомненно горестно, положила ладони на светло-коричневую столешницу, изукрашенную инкрустациями из разноцветных кусочков дерева ценных пород, перламутра и шлифованных самоцветов (работа лучших краснодеревщиков из Латераны, как и вся прочая обстановка). Беззвучно пошевелила губами. Растаяли и глобус, и загадочные картинки. Гибко встала, уселась на диван, прильнула к Сварогу и положила голову ему на плечо. Они долго сидели так — молча, не шевелясь. За высоким стрельча-

тым окном проносились знакомые пейзажи Хельстада, сливаясь в разноцветную полосу — при необходимости Вентордеран не уступал в скорости браганту.

Наконец Яна, чуть пошевелившись, сказала:

— Мне ее не найти, теперь совершенно ясно. Перепробовала все, на что только способен Древний Вентер — и никакого толку. Больше не стоит и пытаться... Бесполезно.

— Ну, это не конец света, — сказал Сварог ободряюще. — В конце концов, и Хельстад для наблюдения сверху недоступен, и над Горротом наш заклятый друг Брашеро смог поставить заслон. И ничему это не помешало...

— Ты ее тоже не нашел?

— Увы, — сказал Сварог. — Тоже испробовал все, что мог. Ну да, она как-то умудрялась заслоняться от наших ушей и глаз. Но «ореола» не смогла спрятать, Марлок уверен, что это технически невозможно. Я это сам проверил в Глане. Когда туда привезли Даутверта и тех троих, над городом висел орбитал. Элкон быстро обнаружил, что аппаратура работает исправно: засекала точное местонахождение всех четверых. Так что на Таларе ее нет... разве что укрывается в каких-то подземельях, где ее невозможно засечь. Если так, не просидит же она под землей всю оставшуюся жизнь? Рано или поздно высушется, тут мы ее и прищучим...

— А Заводи?

— Исключено, — сказал Сварог. — Мяус хорошо поработал. В каждую известную нам Заводь мы пускали орбитал, запрограммированный на поиски «ореола». Безрезультатно. Так что и в Заводах ее нет. Вот с Диори — полный мрак...

— У меня тоже, — призналась Яна. — Не смогла ни определить, что там подо льдом, есть ли там вообще что-то, не нашла входов. Ты уверен, что входы есть?

— Ни в чем я не уверен. Точных сведений нет, только страшные рассказы и жуткие легенды. А там полный разнбой: одни уверяют, что лед лежит сплошным сло-

ем и никаких пустот нет, как и входов. Другие — что проходы все-таки есть. Где правда, определить решительно невозможно. Мои Золотые Шмели пока что бесполезны — они способны лишь на визуальное наблюдение, и много времени пройдет, прежде чем осмотрят все. Запасемся терпением и подождем. Вряд ли время работает против нас, скорее уж оно на нашей стороне. Что ты вдруг вздрогнула?

Не пошевелившись, Яна ответила покаянным голосом:

— Я до сих пор не нахожу себе места после всего, что чуть не натворила...

— Это была не ты, — как можно мягче сказал Сварог. — Никто представления не имел о «черном паучке». Так что не нужно себя виноватить. Ни в чем ты не виновата. Неужели не понимаешь?

— Понимаю, только от этого не легче. Опоздай вы хоть на немножко... Подумать страшно, чем могло бы кончиться...

— Но ведь не опоздали же, — сказал Сварог. — Яночка, я тебя душевно прошу: выкинь из головы любые печали. Мы не потерпели ни малейшего поражения. П р о т и в н и к прячется по углам, до сих пор не предпринял попытки как-то посоветоваться, не говоря уже о том, чтобы предпринять какие-то действия. Мы все больше начинаем верить, что никакого плана действий на случай провала у них нет. Главной цели, к которой они, возможно, шли несколько тысячелетий, им нашими трудами добиться не удалось. Очень похоже, у них все было этой цели подчинено. Любая импровизация в этих условиях обречена, мы без особых трудов справимся. П л е н н ы е у нас есть в нужном количестве, Канцлер сейчас уже наверняка кого-то из них допрашивает, а я отсюда прямиком полечу в Глан и займусь тем же самым. Так что гляди веселей...

— Никак не получается, — убитым голосом пожаловалась Яна. — Ужасно жалко Фиалку. Она меня любила, и я ее любила... и сама приказала ее убить...

— Это была не ты, — повторил Сварог. — Я тебе раздобуду другого щенка, великолепного...

— Не нужен мне никакой другой щенок... Так тяжело жить после всего...

— Жить всегда тяжело, — нейтральным тоном произнес Сварог. — Соберись с духом, я тебя прошу, ты же сильная, ты императрица, никак тебе сейчас нельзя раскисать...

Посмотрел в окно. За ним вместо размыто-пестрой полосы виднелись кипарисы дворцового парка — замок остановился возле Велордерана, и никакого торможения, разумеется, не почувствовалось, как обстояло и с летательными аппаратами Империи. Сердце Сварога не на шутку щемило от жалости к Яне, но он не мог позволить себе такую роскошь — тратить время на долгие прочувствованные утешения. Вряд ли от них был бы толк, иногда лучше оставить человека наедине с его горем и предоставить ему самому с ним справляться. Яна — сильная натура, она справится...

Осторожно освободившись от объятий, Сварог встал, пытливо присмотрелся к ней, сказал осторожно:

— У меня масса дел, мне надо идти... Я могу на тебя полагаться?

— Можешь, — сказала Яна, глядя на него огромными сухими глазами. — Я справлюсь, возьму себя в руки... Мы ведь победим?

— Непременно, — сказал Сварог, яростно в это веривший. — Мы всегда побеждаем. Из шкуры вон вывернемся... Не грусти.

Наклонился, поцеловал ее в щеку и быстро вышел. Размашисто шагая, нигде не встретив Мяуса (вот и отлично, значит, нет неприятных новостей), миновал несколько коридоров, залов, переходов. Парадная лестница была уже опущена.

Сбежав по ступенькам, Сварог направился прямо к шатру из хорошо выделанных лошадиных шкур, на вершине которого помещался лазоревый бунчук, увенчанный литым из меди изображением филина —

старинным ратагайским символом шамана, означавшим мудрость и тайные знания. В повседневной жизни шаманы своего хозяйства не имели и придерживались аскетизма, но вот шатры им ставили соплеменники, не роскошные, однако вполне приличные. Шкуры были убедительной пластиковой имитацией, а филин из пластмассы, имитировавшей медь, — но Барзай против этого нисколько не протестовал. Когда Сварог три дня назад привез его сюда, старый шаман, как и ожидалось, мягко, но решительно отказался от комнаты и рабочего места в Велордеране. Сварог был к этому готов, по его приказу Золотые Гномы, пролетарии из хелльстадского подземного завода, в два счета изготовили и шатер со всеми принадлежностями, и котелок для чая, и все кухонные причиндалы. Так что Барзай, отказавшийся пользоваться услугами дворцовых Золотых Кухарей, готовил себе сам на костре. Провизию ему доставлял специально для этого отряженный Золотой Истукан, к которому шаман относился философски — королевский слуга и есть королевский слуга, какая разница, живой он или нет? В немаленьком своде ратагайских неписанных традиций не было запрета на механических слуг. Разрешения, правда, тоже не имелось, но что не запрещено...

В городе степной шатер выглядел бы неуместно, однако здесь, на окраине обширного дворцового парка, с журчавшим рядом ручейком, чужеродным не казался. Слева от входа, как полагается, было кострище с ворохом черно-сизых углей (Барзай вовсе не был упертым консерватором и, в противоположность иным ревнителям старины, не расстававшимся с классическим огнивом, пользовался привозившимися горротскими купцами спичками). Перед входом, на грубой кошме, стояли сапоги Барзая, старенькие, но ухоженные.

Остановившись перед кошмой, Сварог набрал побольше воздуха в грудь и испустил протяжный крик:

— Йоо-ху!

Ответа он не дождался, да его и не следовало ждать. Просто-напросто при полном отсутствии в степи дверных молотков и колокольчиков те же уходящие в седую старину традиции требовали от всякого новоприбывшего (будь он хоть ближайшим соседом по аламу*) извещать о себе таким вот криком.

Итак, правила приличия были соблюдены. Сняв сапоги и поставив их рядом с чеботами Барзая, Сварог откинул полог. Шатер был просторный и опрятный, утоптанная трава застелена кошками, все три оконных полога подняты и прикреплены тесемками к боковым шатра, так что было светло.

Барзай, поджав под себя ноги, сидел за компьютером и трудился вовсю. Подняв глаза на Сварога, он поклонился, не вставая — как и подобает шаману, не встающему для поклона перед кем бы то ни было. Сделав ему знак не отвлекаться от работы, Сварог зашел Барзаю за спину и принялся смотреть.

Старый шаман трудился так уверенно и сноровисто, словно еще в раннем детстве был усажен за компьютер. Правда, все его манипуляции были несложными, так что Канилле, чтобы его обучить, понадобилось не более квадранса (Барзай сам сказал потом Сварогу: гораздо труднее было в детстве учиться взнуздывать коня и седлать его). На пульте имелось всего пять клавиш: одной шаман менял изображения, другой при обнаружении искомого отправлял снимок на компьютер Элкона, с помощью трех остальных клавиш обозначая статус избалованного очередного веральфа. Вот и все, ничего сложного, не было необходимости учить старого степняка хотя бы азам компьютерной грамотности, короткого инструктажа вполне хватило, ум у Барзая, как у всех ратагайских шаманов, был острым, цепким...

Не так давно, за пару дней до решающей схватки (оказавшейся скоротечной и несложной) Сварог обнаружил, что может увидеть синий ореол веральфа

* Алам — ратагайское стойбище.

не только при разговоре вживую или по видео, но и при просмотре снимков, если только о б ъ е к т жив. Тут же родилась догадка: коли уж это умение он получил от Барзая, логично будет заключить, что и шаман на то же самое способен. Догадку он тут же проверил, полетев с фотографиями в Ратагайскую Пушту — где она быстро подтвердилась. Ну, а дальше совсем просто: Барзай без всяких уговоров согласился отправиться с ним в Хелльстад, сказавши:

— Когда горит шатер, все соседи сбегаются тушить...

И, узнав, в чем дело, не выказал удивления...

Сварог смотрел, Барзай сноровисто работал. Слева на экране светились синим два числа — это уже была инициатива Сварога. Пятизначное слева, то и дело увеличивавшееся на единицу, означало просмотренные фотографии. Трехзначное слева — число оставшихся. Горевшее зеленым, четырехзначное, справа — изобличенные веральфы. Уже можно говорить с уверенностью, что их оказалось не так много, как опасались поначалу...

Барзай старался вовсю. Дальнейшее не заняло и квадраса — трехзначное число быстро превратилось в двузначное, а там и вовсе стало нулем. С тихим вздохом облегчения шаман убрал руку с клавиш, оглянулся на Сварога с немым вопросом — сам был неграмотным, соответственно, и цифр не знал.

Сварог посмотрел на экран. Что же, приходилось признать: употребляя лексикон профессора Марлока, процент веральфов в его Золотой Сотне оказался, так уж получилось, статистической аномалией...

— Что ж, все не так грустно, как нам поначалу представлялось, — сказал он с облегчением. — Их всего-то восемьсот с небольшим из примерно тридцати тысяч.

— Это только в о л к и, — сказал Барзай. — Без волчиц и волчат. Все, с кем я говорил, и живые, и тени, сходятся на одном: н а ш и волки женились только на своих, и дочерей выдавали только за своих. Те девуш-

ки, которых они уводили у людей, служили для мимолетной потехи. Ни разу ни одна не родила от волков. Сказки иногда говорят и иное, но на то они и сказки... Я так полагаю, у вас обстоит точно так же, волки женятся и выходят замуж только за своих. И земные, и небесные — они все одной крови...

— Проверить легко, — задумчиво сказал Сварог. — Всего и забот, что просмотреть снимки женщин, а для пущей надежности и детей...

Он замолчал, выжидательно глядя на шамана. Тот понял его моментально, сказал бесстрастно:

— Я останусь у вас так долго, как это потребуется, государь. Не годится отлынивать: это даже не горящий шатер, это гораздо хуже.

Сварог молчал: благодарить Барзая вслух означало бы его оскорбить, шаман делал то, что считал своим долгом. В конце концов сказал, стараясь быть таким же бесстрастным:

— Я так прикидываю, это займет дня три, не больше.

— Сколько потребуется, государь...

— Вот и прекрасно, — сказал Сварог, тоже присел на кошму. — Что же, раз с делами пока что покончено...

По степному обычаю, пришедшему в шатер гостю, даже незнакомому, не спрашивая, с чем он пришел, следовало предложить чаю. Однако гостем в Хелльстаде был как раз Барзай, а хозяином — Сварог. Ему и следовало озаботиться давними традициями гостеприимства.

Не хотелось бы возиться с костром и котелком, это выглядело бы даже чуточку и смешно. Сварог сосредоточился, и меж ними возникла небольшая расшитая скатерка, а на ней — пузатый чайник и две больших чашки, все из каралонского фарфора, желтого со светло-коричневыми узорами. И три таких же больших блюда со сладостями — Барзай не доводил шаманский аскетизм до абсурда и сладкое любил. Чай, как в иных случаях и полагается, был горячим — в знак того, что ни хозяину, ни гостю спешить некуда.

Барзай остался невозмутимым, хотя видел такое впервые в жизни. И все же Сварог поторопился поспешить:

— Это не колдовство, это у м е н и е...

— Я вижу, — кивнул Барзай. — Что ж, на свете много всяких умений...

Первую чашку, как и положено, пили в молчании. Приняв от Сварога вторую, Барзай пригубил — как и Сварог. Этикет соблюден, теперь можно и вести беседу. Первым открыл рот Барзай:

— Государь, если это не тайна... Как вы намерены поступить с волками? (Он постоянно употреблял только это определение.)

— От вас в этом деле не может быть тайн, почтенный Барзай, — ответил Сварог. — Признаюсь откровенно: мы еще не решили. Уже сейчас можно сказать с уверенностью: у нас достаточно сил, чтобы разом арестовать всех... — увидев, как на лице старика промелькнуло какое-то непонятное выражение, продолжал: — Любопытно, а как бы вы поступили на моем месте?

— Вырезал бы всех до одного, — не задумываясь, ответил Барзай. — Так когда-то поступили наши предки, и я имею в виду вовсе не стремление следовать примеру предков... Либо люди, либо они. Так выглядит правда.

— Вообще-то они мне говорили, что и за ними есть своя правда, — сказал Сварог. — Когда-то этот мир был их миром...

— И давно перестал им быть, — сказал Барзай. — Много тысяч лет это мир людей... и вы сами говорили, что они намерены его уничтожить. На этом свете не может быть в одно время д в у х правд. Одна из них должна остаться правдой, а другая обернуться злом, с которым нужно покончить, чтобы и следа его не осталось. — Он пытливо глянул в глаза Сварогу: — И кто-то наверняка сказал или хотя бы подумал про себя: «Там ведь женщины и дети...»

— Такая мысль появлялась, — сказал Сварог.

— Это и есть то, что у вас называют «гуманизм»? Мне о нем рассказывали наши молодые книжники...

Сварог молча кивнул.

— Мне, неграмотному степняку, думается: коли уж вплотную встал вопрос, какому из двух миров уцелеть, не может быть никакого такого «гуманизма». Да, они выглядят, как люди, говорят на том же языке — но они не люди. Они волки. Нет женщин и детей, есть только волчицы и волчата. Волчицы не могут рожать никого другого, кроме — волчат, а из волчат всегда вырастают волки...

Глаза у него были ясные, молодые, умные. Язык не поворачивался хотя бы мысленно назвать Барзая жестоким — просто-напросто за ним стояла незатейливая правда древних времен, когда слишком часто вставала нехитрая истина «Мы или они». Только так, но... Эта истина отнюдь не канула в небытие вместе с седой стариной — Сварог именно ею руководствовался в истории с Токерангом, а Канцлер не так давно всерьез готовился ради спасения Империи (да пожалуй, всего Талара и всей Сильваны) разнести в пыль Нериаду, чтобы уничтожить Радиант. В отличие от подавляющего большинства человечества, королям и канцлерам приходилось ставить вопрос именно так — и не только в этом мире...

Так что Сварог молчал, прихлебывая ароматный крепкий чай. Когда в кармане засвиристел «портсигар», вытащил его без всякой поспешности, прочитал короткое сообщение. Элкон справился за какие-то минуты. Ничего удивительного — он уже ввел все нужные программы в квантовые компьютеры Велордерана, изрядно превосходящие имперские в возможностях. Во всей Империи они были только у Сварога в девятом столе. Давным-давно сконструированы в Магистериуме, но в употребление не пошли — для решения насущных задач хватало и старых. Никто в Империи, даже высо-

колобые из Магистериума и профессор Марлок, которого никак нельзя было назвать ретроградом, отнюдь не спешили с энтузиазмом вводить в широкий обиход новинки научно-технического прогресса. Первое время Сварога это удивляло, но помаленьку он привык, что во многих отношениях Империя больше всего напоминает затхлое болото. И не пытался это изменить — и тяги к великому реформаторству в себе не ощущал, и вообще не знал, возможны ли кардинальные изменения. В конце концов умнейший Канцлер, государственного ума человек, однажды вслух признался Сварогу, что прекрасно понимает: будущего у Империи нет, но выхода из тупика решительно не видит. В конце концов, ларов на Таларе было не больше, чем жителей в обычном сибирском райцентре, где Сварог родился и провел первые шестнадцать лет жизни. А на Сильване — вполосину меньше того...

Отправив Элкону еще более короткий ответ (собственно говоря, сигнал «Роджер», и не более того), он неторопливо встал.

— Спасибо, почтенный Барзай. У меня неотложные дела, нужно идти. Вам сейчас пришлют данные о всех женщинах... волчицах, а заодно и о... волчатах. Может быть, у вас будут какие-то пожелания?

— Ну что вы, государь, — спокойно ответил Барзай. — Какие могут быть пожелания? Есть шатер, чай и еда, чего же еще желать?

Сварог вышел, натянул сапоги и неторопливо направился к опушке, к ближайшей мощеной дорожке, ведущей к Велордерану, — широкой, выложенной плитками из розоватого гранита, украшенной статуями, красивыми скамейками и клумбами по обочинам.

У низенького бордюра из серого камня, окружавшего парк, возле начала дорожки стояли в высокой траве две хельстадские летающих лодки. По цвету и узорам вдоль бортов Сварог с ходу определил, кому они принадлежат: на одной прилетал сюда Элкон, на другой — еще одна старая знакомая родом с земли, в некотором

роде его крестница, как и Элкон, часто навещавшая компьютерный центр Велордерана.

Присел на первую же скамейку ажурного чугунного литья, стоявшую аккурат под статуей какого-то мифологического героя из времен, уже до Шторма считавшихся седой древностью. Внушительный был герой наподобие Геракла — косматый, с буйной бородищей, в звериной шкуре, небрежно опиравшийся на солидную дубину, поставивший левую ногу на уродливую башку неизвестного науке чудища — будьте уверены, собственноручно им ухайдаканного, скорее всего, этой самой дубиной. Статуй — тончайшей или грубоватой старинной работы — хватало и в парке, и в обоих дворцах. Приходилось признать: покойный Фаларен при всех своих недостатках и пороках несомненно обладал врожденным чувством прекрасного. Мэтр Лагефель как-то говорил: сам он, разумеется, при о б у с т р о й - с т в е не присутствовал, его тогда еще и на свете не было, но Фаларен, от скуки любивший поболтать с немногочисленными придворными обо всем на свете, в минуты хорошего настроения рассказывал: осматривал уцелевшие после Шторма музеи, забирая приглянувшееся и сверяясь с каталогами — так что дешевки и китча тут не было...

Достал оба портсигара, и обычный, и компьютер, закурил и внимательно прочитал отчет, составленный Золотыми Обезьянами и подписанный Элконом через несколько минут после того, как Барзай закончил работу. Новости были не плохие и не хорошие, просто-напросто крайне сейчас необходимая подробная информация об избобличенных — а не избобличенных уже в Империи и не было — веральфах, о том, чем изволят заниматься и куда пролезли.

Интереснейшая была информация, дававшая немало пищи для ума... В отличие от благородных ларов, где реальным делом занимался лишь один из десяти, а остальные, светские бездельники, попусту прожигали жизнь в вихре светских увеселений, все до единого ве-

ральфы оказались при деле. Ну, кроме неполной сотни глубоких стариков, уже неспособных по возрасту к серьезной работе.

Вот так и оказалось, что веральфы составляли даже чуть больше половины «деловых» ларов. А в действительности даже добрых две трети. В Российской империи когда-то вполне легально существовала интересная система. Человека «приписывали» к какому-то министерству или ведомству (сугубо гражданскому, у военных такого не было). На службу он не ходил, жалованья не получал, но законным образом носил мундир, поменьку рос в чинах и даже получал награды за выслугу лет. Та же самая система действовала и в Империи — с тем отличием, что в Империи было совершенно неизвестно понятие «жалованье». Зато на Тадаре во множестве имелись и «титульные чиновники», и «титульные офицеры», жалованье как раз получавшие исправно.

Итак, веральфы... В гвардии, армии и ВВС на строевых должностях их не было (исключение — командир одного из армейских полков и командир гвардейского). Сидели по кабинетам — среди таких нашлись и полковники, и генералы. В Магистериуме, Мистериоре, Серебряной и Морской бригадах веральфов не было ни единого — зато их хватало в Корпусе инженеров, Канцеляриях и Коллегиях. Трое обнаружили в Кабинете императрицы, трое — в Кабинете Канцлера.

Закономерность прослеживалась легко. Никто из веральфов не занимал по-настоящему высоких постов, позволявших бы держать в руках рычаги власти. Однако все без исключения оказались в креслах, где копили важную, порой секретную информацию — и легко могли какое-то время скрывать ее от начальства. Чем некоторые и занимались. Даже действуя единым фронтом, они не смогли бы п е р е х в а т и т ь власть у людей — но многие из них имели все возможности саботировать те или иные приказы сверху.

Вероятнее всего, полагал Элкон (в чем Сварог был с ним совершенно согласен), такое положение сложи-

лось оттого, что веральфы вовсе не собирались устраивать «классический» заговор с целью захвата власти. У них попросту не было в этом ни малейшей необходимости — как блестяще доказали недавние события. Став Канцлером, веральф-Аристократ Даутверт получал возможность отдавать какие угодно приказы кому угодно — и все, военные и гражданские, их исправно выполняли бы, ни о чем не подозревая. И все прошло бы, как по нотам. Даже если бы кто-то в конце концов заподозрил неладное, даже если бы отстраненные от реального управления Сварог и Канцлер попытались бы организовать сопротивление — было бы поздно. Учитывая, что на стороне веральфов играла бы одурманенная «черным паучком» Яна, все козырные розы оказались бы в руках веральфов. К чему при таком раскладе свои люди на ключевых постах? Достаточно завладеть креслом Канцлера, чтобы без особого труда добиться успеха...

Отчет ничуть не беспокоил Сварога, не дал ни малейших поводов тревожиться. Наоборот, он почувствовал себя увереннее и бодрее — одним махом сделал нешуточный шаг вперед, узнал много важного о противнике, мог серьезно планировать какие-то контрмеры — уже не на основе предположений, догадок, версий и гипотез, а опираясь на точную информацию. Все «активные штыки», семьсот с небольшим веральфов (три четверти — Аристократы, остальные — Знать, ни одного Жителя), известны наперечет, все под колпаком, на мушке, в пределах досягаемости. В принципе, не составит особого труда в ближайшее же время их всех скопом арестовать и, пока суд да дело, отправить на Сильвану, в Антлан, в уютное тихое местечко с комфортабельными бараками, силовыми полями вместо архаической колючей проволоки, расположившимся вокруг гвардейским полком и повисшими в небе боевыми корветами. А для полной надежности нацелить на этот, с позволения сказать, санаторий что-нибудь убойнейшее, вроде «Белого шквала», «Протуберанца»

или «Голубого смерча» — все это смертельно для ларов, значит, наверняка будет таковым и для веральфов.

Спешить не стоит, нужно сначала понаблюдать за Охотниками-Арбалетчиками, когда они отправятся на Сильвану. Можно уже говорить с уверенностью: противник затаился, залег на дно, возможно, ждет распоряжений от Дали, в скором времени соберется на толковище, так, что любая спешка только повредит делу...

Сварог поднял голову, заслышав звонкое цоканье каблучков по гранитным плиткам. Ну конечно, Бетта — это ее летающая лодка стояла на опушке, когда он прилетел в замок. В светлых волосах посверкивали большие изумруды диадемы, она была в красивом зеленом платье (один из тех фасонов, что Канилла беззастенчиво позаимствовала на Той Стороне), а на плече висела небольшая плоская сумка размером с книгу — компьютер-«неразлучник», с которым она не расставалась, как и Элкон. Веселая, жизнерадостная, крайне целеустремленная, несмотря на юный возраст, особа, уже постановившая для себя, что ей нужно от жизни — компьютеры, компьютеры и еще раз компьютеры.

Остановившись перед ним, сияя улыбкой, Бетта сказала:

— Добрый день, дядюшка Гэйр.

Она его порой так называла по старой памяти, и Сварог не имел ничего против.

— Добрый день, Бетта, — сказал он.

— С вами можно посидеть? — она склонила голову к плечу и лукаво улыбнулась. — Или вы опять озабочены спасением мира?

И ведь угодила в больное место, вундеркиндочка... Как уже случалось прежде, Сварогу пришлось сделать над собой некоторое усилие, чтобы вспомнить: за исключением людей, которых можно по пальцам пересчитать, большой мир ведать не ведает о черной тени, наплывающей на Талар. Главную опасность, способную уничтожить мир, удалось предотвратить, но дело еще не кончено...

Сварог остался невозмутимым — и без труда позволил себе маленькую ложь в благих целях.

— Вздор, Бетта, — сказал он, зная, что со стороны выглядит веселым и беззаботным. — Снова запоем читала рыцарские романы? Мир слишком громаден, чтобы его понадобилось спасать одному-единственному человеку. Мир велик и спокоен... И небо безоблачное.

— Ну, я ж не могла не знать о кое-каких ваших свершениях...

— Ох, да какие там свершения...

— Не кокетничайте, дядюшка Гэйр, как ветреная красotka...

Но Сварог видел, что она совершенно спокойна и ни о чем плохом не думает. Неудивительно: она была компьютерным гением, но во всем прочем оставалась десятилетним ребенком, не знакомым со сложностями взрослой жизни и уж тем более не знавшим государственных тайн.

— Рановато тебе еще знать о ветреных красотках и их повадках, — беззлобно проворчал Сварог.

— А рыцарские романы? — парировала Бетта.

Сварог промолчал. В самом деле, во многих рыцарских романах (вполне благопристойных, какие можно давать детям) ветреные красотки присутствовали в роли неперменных персонажей, и кокетничали они лихо. А ведь вырастет, подумал Сварог. Через пару лет обязательно начнется легкий безобидный флирт с ровесниками, как у всех ее сверстников и сверстниц...

— Присаживайся, — сказал он с искренним радужием.

Бетта присела на скамейку, поправила подол платица, подложила рядом чехол с «неразлучником». Привычно — уже давно привычно — достала из воздуха вафельный рожок с полосатым, бело-розово-коричневым мороженым и обстоятельно за него принялась, так, что Сварогу тоже захотелось мороженого, но он сдержался. А ведь красotka вырастет, подумал он не в первый раз, и снова — с явным присутствием несомненной отцов-

ской гордости. Что наверняка не пойдет в ущерб делу, как не помешала ослепительная красота Каниллы Дегро стать ценным, порой незаменимым сотрудником. Целеустремленный человек растет. Очередное долгое лирическое отступление, без каких в жизни Сварогу не обойтись...

Своего сына от Латойи (уже давно начавшего ходить и говорить) он вовсе не забывал. Не менее раза в неделю, если отпускали дела, к нему прилетал, привозил игрушки и гостинцы, проводил с ним пару часов, два раза брал на землю, чтобы посмотрел на оленей и зайцев, побродил по лесам и цветущим лугам, поплавал по Ителу и по морю. Пацанчик давно привык, что у него есть папа, только вот с ними не живет. Привязался к отцу, и Сварог к нему тоже — но, если, пусть и редко, приходилось покопаться в себе, Сварог самокритично признавал — это именно что привязанность. Ничего похожего на пресловутые отцовские чувства. Возможно, все оттого, что ребенка он не ждал, вообще какое-то время не подозревал о его существовании. Может быть. Он не знал, а к психологам обращаться не видел необходимости...

С Беттой обстояло совершенно иначе. Сварог не мог бы объяснить это словами, но твердо знал, что испытывает к ней именно что отцовские чувства. В какой-то мере так и было: не кто иной, как он забрал ее с земли, обустроил ей новую жизнь, отвел ее на н а с т о я щ е е место в жизни, которого она заслуживала по уму и способностям...

Покосился на Бетту, самозабвенно увлеченную мороженым с кухни Велордерана — и вновь явственно ощутил наплыв самых настоящих отцовских чувств.

Давным-давно не было крестьяночки из фригольдерской деревни Бетты Роуш. Осталась только леди Эльбетта, герцогиня Роуш — незаконным отпрыском принцев короны, забранным в Империю, по стародавней традиции всегда присваивали герцогский титул. В новую жизнь она вписалась отлично, все у нее было:

манор с должным количеством слуг (разве что без дружины — к чему десятилетней девочке эти опереточные пошлости), приличествующий случаю герб, какой опять-таки присваивается незаконным отпрыскам императорской фамилии. Одним словом, все, что только могла дать Империя. А главное — великолепное будущее, как небо от земли отличавшееся от незавидной роли деревенской гусятницы, на которую Бетта была бы на всю жизнь обречена, останься она на земле. В новую жизнь она с превеликим удовольствием окунулась с головой — а прежняя, Сварог давно убедился, стала для нее чем-то вроде зыбкого предутреннего сна, почти забывшегося...

Устроить все в свое время оказалось совсем нетрудно, никаких усилий не потребовало. Выслушав Сварога, принц Элвар, упертый холостяк, принял все с большим энтузиазмом, осушил добрую чарку келимаса и воскликнул:

— Вот пусть так и думают! А то детей у меня нет — и добавил, ухарски подмигнув: — Во всяком случае, в Роментале ни разу не объявились мамыши с младенцем на руках, даже странно чуточку...

Вскоре он официально, согласно стародавним законам, объявил Бетту своей незаконной дочерью, а ее официальным опекуном согласно тем же законам назначил Сварога — конечно, с согласия такового. И все устроилось в наилучшем виде: Сварог часто навещал Бетту, плотно занимался ее воспитанием, вообще жизнью, еще два года назад допустил к компьютерам Белордерана, где она порой проводила день, два в обустроенных для нее покоях, и двух персональных Золотых Истуканов (к ним, как и к Золотым Обезьянам, девчонка привыкла быстро). И так же быстро подружилась с Элваром: принц к ней часто прилетал, не реже раза в месяц Бетта гостила у него несколько дней в Роментале, следует добавить, к грусти собутыльников принца — на эти дни принц объявлял в замке совершеннейшую трезвость (правда не дошел до пол-

ного и законченного садизма, на себя это правило не распространил — что Бетта принимала философски). Как когда-то Яну, возил Бетту по деревенским праздникам, ярмаркам и свадьбам, и Бетта от всего была в нешуточном восхищении. Охотой она не интересовалась совершенно, заявив, что никогда не сможет стрелять в зверюшек и птичек, а вот к рыбалке с легкой руки заядлого рыболова Элвара приистрастилась, в чем добилась нешуточного мастерства.

С образованием и воспитанием тоже обстояло прекрасно. Три года она, как все детишки Империи, провела в Школариуме, где детей учили грамотно пользоваться теми немаленькими знаниями, что им вложили в головы. В следующем году ее должен был принять Лицей — что не было чем-то из ряда вон выходящим, вундеркинды в Империи случались и прежде.

В первый же месяц принц Элвар после вдумчивой консультации со Сварогом определил к ней еще одну свою старую каталаунскую знакомую, лет сорока пяти, которая вывела в люди двух сыновей и удачно выдала замуж дочку, а теперь оказалась чуточку не у дел после того, как умер муж, на котором все немаленькое хозяйство и держалось. Принц был прав: тетушка Таньяж оказалась воспитателем-самородком, и с Беттой у нее сложились прекрасные отношения. Одна маленькая загвоздка: она была совершенно неграмотной, так что не могла проследить за тем, что Бетта читает. Детишки всегда и везде одинаковы (ну, понятно, там, где владеют грамотой) — обязательно рано или поздно начнут потаенно давать друг дружке книги, которые им безусловно рановато читать. Впрочем, Сварог эту проблему решил быстро: определил в помощницы к тетушке Таньяж грамотную антлантку, потомственную камеристку с двузначным номером. Ну, а с телевизором все было удачно решено в те самые «незапамятные времена»: оказавшись перед экраном, дети могли смотреть только те сериалы и передачи, что годились им по возрасту. Правда, компьютерный гений — он и есть ком-

пьютерный гений. Пару месяцев назад чисто случайно выяснилось, что Бетта втихомолку составила довольно сложную компьютерную программу, позволившую ей легко обходить телецензуру. И недели две у нее собиралась теплая компания друзей и подружек. И тетушка Таньяж, и камеристка полагали, что деточки увлечены дозволенными забавами, и к ним не входили. А деточки тем временем смотрели длиннющий сериал «Звезда капитана Корна» — о приключениях, в том числе амурных, лихого пирата, усатого молодого красавца и везунчика, капитана бригаантины «Звезда удачи». В общем, ничего особенно страшного, но легкой эротики там хватало в каждой серии. Бетта получила первую в своей недолгой жизни серьезную взбучку (от Сварога, принца Элвара, тетушки Таньяж и камеристки Луксиор Сорок Пятой, составивших настоящий хор из древнегреческой трагедии). Выводы для себя вроде бы сделала и поучениям вняла. Однако, чтобы подобное не повторилось в будущем, четыре дня над новой программой работали два неплохих компьютерщика из Техниона и восьмого департамента под началом Элкона и при участии Каниллы Дегро. Такие вот гримасы воспитания детей младшего школьного возраста — если пользоваться терминологией покинутого Сварогом мира...

Вот только родные, мать с отцом и старшая сестра... Примерно через месяц после появления Бетты в Империи их, поразмыслив и посоветовавшись, отправили домой, снабдив внушительной по крестьянским меркам финансовой суммой на обустройство хозяйства. А что еще с ними было делать? В отличие от Бетты, в Империи они могли прижиться исключительно в качестве слуг низшего разряда. Разумеется, сначала поинтересовались у Бетты, как она относится к этой идее. Бетта, увлеченно осваивавшаяся в новой роли, отнеслась к идее чуть ли не равнодушно. Ну, и отправили на землю, вручив тяжелый кошель с золотом и нагрузив всякими подарками. Где-то с полгода Бетта их навещала довольно часто, но вскоре, такое впечатление, для нее эти визиты

стали не более чем докучливой обязанностью. Прилетала в родную деревню три, четыре раза в год, всегда проводила в отчем доме не долее квадранса. В этом не было ничего от душевной черствости, Бетте абсолютно не свойственной. Просто родные, как и прежняя жизнь, стали для нее тем же зыбким сном, очень уж в разных мирах они теперь обитали. Ну о чем Бетте было теперь говорить с неграмотными крестьянами, не знавшими ничего, кроме своих гусей, отъезжавших от родной деревни не далее чем на десяток лиг, главным образом на ближайшую ярмарку, где гусей и яйца и продавали? Совершенно никаких точек соприкосновения. Бетта не первая такая и наверняка не последняя. Никто, понятно, не интересовался чувствами и эмоциями родных. Главное, их ничем не обидели, наоборот, стали первыми богачами в деревне. По наблюдениям неглупой и проницательной тетушки Таньяж, всякий раз сопровождавшей Бетту в родную деревню, ее родные до сих пор опомниться не могут от неожиданно свалившегося на голову счастья. То, что младшая доченька внезапно стала Высокой Госпожой Небес, для них сущее чудо, какие обычно случаются только в сказках. Здоровой крестьянской натуре как-то не свойственны интеллигентские метания души. Вот и ладушки, все должны быть довольны...

Единственное, что осталось у Бетты из прошлой жизни, — любовь к гусям. Уже через несколько месяцев после того, как она обосновалась в маноре, завела небольшой птичник — штук двадцать гусей (предварительно посоветовавшись со Сварогом, который эту задумку тут же одобрил). И держала птичник до сих пор, старательно за ним присматривая (основной уход осуществляли, конечно, слуги). Самое смешное: Сварогу от этого происходила вполне материальная выгода в виде свежих яиц и откормленных отборным зерном гусей — сырых, копченых и вяленых. Как всякая крестьянка, Бетта подходила к делу со здоровым практицизмом и не видела ничего страшного в том, что ее питомцы в конце кон-

цов попадают на кухню или в коптильню — с тех пор, как себя помнила, к этому привыкла.

Бетта покончила с мороженым. Совсем собралась было вульгарно облизать пальцы (тут уж не происхождение виной, а типично детские привычки, свойственные и малышне Империи), но вовремя перехватила укоризненный взгляд Сварога, смущенно потупилась и вынула носовой платок.

— Обедала? — заботливо поинтересовался Сварог.

— Конечно, — сказала Бетта. — У вас прекрасная кухня, даже лучше имперской. Я до сих пор еще не все перепробовала. Вот только ваши золотые слуги частенько жадничают.

— Ну, жадничать они не умеют, — усмехнулся Сварог. — Что-нибудь вроде того, как они тебе не принесли вторую тарелку малинового желе с шоколадной крошкой?

— Ага. Только на сей раз — вторую порцию пирога с кремом.

— Помню такой, сам часто на десерт ем, — сказал Сварог. — Это они мой приказ выполняют. Чтобы ты не передала сладостей. Одна порция пирога с кремом такая, что и взрослому вполне хватит.

— Детям всегда нужно больше сладкого, чем взрослым.

— Ну, это тема для дискуссий, — сказал Сварог. — Ладно, я распоряджусь, чтобы добавку сладкого тебе давали, пусть и не полную порцию. При одном условии: ты в с е г д а будешь брать суп. Мне докладывал Кухарь, что ты частенько от супа отказываешься, начинаешь сразу со второго.

— Вот ябеда! — фыркнула Бетта.

— Исправный служака, — поправил Сварог. — Должен же я следить за тем, как и что ты ешь. Опекун я или нет?

— Я, правда, супы не очень люблю...

— Они для здоровья полезны. Не будешь есть суп каждый день — не вырастешь большой и красивой.

— Ага! А сами вы, когда обедаете у меня, через раз, а то и реже, суп приказываете.

Подловила, подумал Сварог, а я и не замечал за собой.

— Ну, я-то уже взрослый, — нашелся он. — Я уже вырос большой и красивый, а тебе это только предстоит. Ну как, договорились? Суп каждый раз — и добавка сладкого.

Тяжеленько все же, оказывается, быть отцом десятилетней дочери.

— Ох, и шантажист вы, дядюшка Гэйр! — наигранно тяжело вздохнула Бетта, послала ему лукавый, чуть ли не женский взгляд. — Ладно, договорились...

И сделала движение, словно хотела достать из воздуха еще мороженое, но в последний миг передумала, опасаясь встретить очередной укоризненный взгляд Сварога. Оба замолчали без тени неловкости — просто говорить было не о чем.

Сварог давно уже зарекся спрашивать ее, чем она занимается в компьютерном центре Велордерана. Она, конечно, ответила бы охотно и обстоятельно, но Сварог не понял бы ни черта — те задачи, что Бэтта щелкала, как орешки, для него оставались китайской грамотой. Даже Элкон признавался, что порой говорить с Беттой о компьютерных делах ему бывало самую чуточку неприятно, что уж говорить о Свароге...

— Милорд Сварог, можно вас спросить?..

— Валяй с моста, как говорят в Латеране.

— У вас великолепные компьютеры, все, как на подбор, квантовые. На несколько порядков выше тех, что есть в Империи. Почему в Империи таких нет? В маноре у меня вы поставили квантовый, спасибо, но вся компьютерная сеть Империи — предыдущего поколения, это иногда тормозит работу...

Ох, вундеркиндочка... Второй раз за время недолгого разговора ухитрилась угодить в больное место, даже более чувствительное...

Сварог стойко выдержал детский взгляд, святой в своей наивности — ну, с детьми так бывает сплошь и рядом, понятия не имеют, что иные их вопросы, с их точки зрения безобидные и естественные, порою вгоняют взрослых в оторопь...

И никак нельзя сказать ей правду: «Потому что — тарлемон...»

Лет триста назад ронерский книжник Гер Мизитар написал юмористический роман «Веселые и грустные похождения графа Тарлемона». Роман стал классикой, с интересом читается и сегодня, и, как порой случается, «тарлемон» с маленькой буквы стало словом нарицательным, наподобие «ловеласа». Только обозначает не человека, а явление...

Граф Тарлемон, ох какой небедный, всю жизнь тратил деньги на всевозможные редкости. Собрал большую библиотеку редких книг и огромную коллекцию антикварных статуэток из разных металлов, янтаря и фарфора, даже силванской слоновой кости. Вот только никогда не прочитал ни одной книги и никого в библиотеку не допускал, а зал со статуэтками посещал только затем, чтобы найти подходящее место новому приобретению. Давно уже тарлемоном именуется собрание чего-то ценного, содержащееся под замком без всякой пользы для людей. Яркий пример — здравствующий и поныне в Снольдере герцог Отарон, несметно богатый ценитель прекрасного. Собрал у себя в поместье больше двухсот картин, рисунков и этюдов старых мастеров и стал этакой собакой на сене. Сам, правда, частенько посещает свою картинную галерею, но за сорок лет не пустил туда никого другого — однако издал несколько роскошных каталогов своего собрания. Герцог стар и дряхл, поговаривают, его наследники, лишённые интереса к прекрасному, давненько уже ожидают, когда за герцогом придет Та, Что Приходит За Всеми Людьми (как выражались средневековые арабы). В чем с ними вти-

хомолку солидарны антиквары и богатые ценители живописи...

Свой классический тарлемон есть и в Империи. Это рассредоточенная по нескольким компьютерным архивам обширная база данных о научно-технических открытиях и изобретениях, процентов на девяносто пять пребывающая в открытом доступе. Однако тех, кто ею интересуется, можно пересчитать по пальцам. Просто некому заниматься всем этим богатством, и совершенно нет нужды в научно-техническом прогрессе. Империи и так хорошо. Точно так же обстоит с квантовыми компьютерами: изобретенные лет полсотни назад, применения они не нашли — для насущных нужд вполне достаточно и морально устаревших. Во всей Империи квантовые компьютеры есть только в Хелльстаде у Сварога — а от него попали к Бетте, Элкону и Канилле Дегро. Все.

Хорошо еще, моментально отыскалась безобидная убедительная ложь, не способная вызвать у Бетты ровным счетом никаких подозрений.

— Видишь ли, Бетта... — сказал Сварог насколько мог убедительнее. — Получилось так, что здесь — что-то вроде исследовательской лаборатории, откуда новинки и распространяются, когда приходит их время. Для квантовых компьютеров время еще не пришло, но обязательно придет...

— Ах, вот оно что... Теперь понятно, — сказала Бетта.

Сварог видел по ее лицу, что она вполне удовлетворена объяснением. И ни малейших угрызений совести не чувствовал: детей следует беречь от некоторых бесспорных истин, грубой прозы жизни. В конце концов, подавляющее большинство взрослых совершенно не интересуются имперским тарлемоном и не читают регулярно появляющихся сообщений о новых открытиях и изобретениях. Вряд ли преувеличением будет сказать о них словами классиков: просто жрущая и размножающаяся человеческая протоплазма. И ничего с ними не

поделаешь, нельзя же насильно вбивать в умы знания о научно-технических новостях...

— Вы снова не спрашиваете, чем я занималась? Вам совсем неинтересно?

Он давно уже зарекся спрашивать. Потому что Бетта всякий раз отвечала охотно и обстоятельно, но вот беда — Сварог ничегошеньки не понимал...

— Ну что ты, — сказал он. — Интересно, конечно. Только я и на этот раз ничего не пойму...

Бетта засмеялась:

— На этот раз как раз поймете. Я взялась не за научную проблему, а за очень интересную земную загадку. Первый раз такое...

Вот тут Сварог моментально насторожил уши. Интересные земные загадки напрямую его затрагивали, и не только в качестве земного короля. Иные были несерьезными, легковесными, интересовавшими всерьез разве что книжников (а порой и тайную полицию), но попадались и совсем другие. Достаточно навскидку вспомнить Туарсон и историю Вердианы...

— Расскажи, — сказал он чуть ли не приказным тоном.

— Потом, — решительно ответила Бетта. — Не стоит раньше времени. Я пока еще не знаю, в самом деле загадка есть или мне показалось. Я только начала. Сегодня слетаю к Брейсингему, он обещал поискать у себя...

Сварог не стал настаивать.

Ничего удивительного, что она собралась к Брейсингему. Год назад Сварог, ободренный успешным опытом с Интагаром и Анрахом, решил провести среди своих ближайших земных сподвижников повальную компьютеризацию. Роздал восемнадцать компьютеров. К некоторому его удивлению, девятнадцатым, причем добровольцем, оказался маршал Гарайла, увидел в компьютер у Старой Матушки. Правда, Черный Князь пользовал новинку крайне утилитарно — часами резался в компьютерные игры-войнушки и разыскивал в Библиотеке Империи старинные книги о военном ис-

кусстве и вообще войнах, не сохранившиеся на земле. Приоритет он, как и следовало ожидать, отдавал книгам о кавалерии и играм непременно с ее участием — и даже сам, представьте себе, создал парочку игр (разумеется, осуществлял исключительно теоретическое руководство, а практику взял на себя Элкон — Гарайла относился к нему с неприкрытой симпатией как к участнику Акобарского похода, в котором Элкон был как раз верхом).

Пользоваться компьютерами обучали кого Элкон, кого Канилла с Томи, кого неплохой компьютерных дел мастер из девятого стола. А вот Брейсингема взяла на себя Бетта, и они подружились — не такая уж большая была разница в возрасте. Бетта была у него в гостях не реже, чем у принца Элвара в Каталауне. А теперь, выходит, на пару занялись интересной земной загадкой. Что ж, флаг им в руки. Пожалуй, не стоит раньше времени расспрашивать Брейсингема — коли уж Бетта еще не знает, есть загадка или ей просто померещилось.

Бетта гибко встала, поправила подол платья, подхватила «неразлучник» со скамейки:

— Ну, я полечу? — на ее личико набежала легонькая тень. — Вот только эти болваны будут опять торчать за спиной...

Несколько дней назад, когда обсуждались повышенные меры безопасности, Сварог собственной волей (на что имел право и как вице-канцлер, и как глава двух спецслужб) приставил и к Бетте двух телохранителей — слишком многое она значила для Империи...

— Что не так? — спросил Сварог. — Мы же об этом уже говорили. Буквально в последние дни внесены изменения в придворный этикет. Всякую герцогиню за пределами манора должны сопровождать двое служителей Келл Инира.

(Чтобы подкрепить эту легенду, придуманную исключительно для Бетты, ее телохранители в отличие от всех прочих носили не обычную одежду, а пышные наряды дворцовых служителей.)

Глаза строптиво сверкнули из-под пушистой челки. Бетта сказала таким тоном, словно показала ему язык:

— Воля ваша, дядюшка Гэйр, но что-то тут не складывается... Две моих подружки — как раз герцогини. Но никакие болваны за ними не таскаются.

— К чему было тебя грузить лишними взрослыми сложностями? — нашелся Сварог. — Ну да, это касалось только тех герцогинь, которые являются дочерьми принцев короны. Ты же давно знаешь, что вся Империя считает тебя дочерью принца Элвара...

— Незаконной, — отрезала Бетта. — Я уже достаточно большая, чтобы понимать такие вещи... гром и радуга, да я еще в деревне узнала, что бывает законное дите, а бывает и незаконное. Какие тут взрослые сложности?

— Ну, это и незаконных касается.

Бетта прищурилась, протянула с расстановочной:

— Интересно... Я вчера как раз улетала из Келл Инира, когда туда прилетела герцогиня Габори. Самая что ни на есть раззаконная дочь принца Диамера-Сонирила. Одна-одинешенька прилетела, никакие болваны за ней не топотали...

Подловила, с неудовольствием подумал Сварог. Точнее, это он сам не все продумал. Ну да, компьютер в первую очередь учит строгой логике...

И тут же нашелся вторично:

— Ну, получай всю правду. Это касается только несовершеннолетних детей.

И ухмыльнулся про себя, зная, что отыскал непробиваемый аргумент. Несовершеннолетний ребенок принца короны в Империи был один-единственный: Бетта. На сей раз ей просто не с кем себя сравнивать.

Похоже, она поняла, что словесную дуэль проиграла — умная девочка. Но постаралась не показать себя побежденной — самолюбивая девочка. Взмахнула рукой:

— Всего доброго, милорд!

— Всего доброго, Бетта, — ответил он невозмутимо.

Своей всегдашней летящей походкой она процокала каблучками по гранитной дорожке, ступила на траву, привычно распахнула выгнутую дверцу в выгнутом борту летающей лодки, уселась. Лодка тут же высоко взлетела над лугом, развернулась и помчалась в ту сторону, откуда Сварог прилетел к ямурлакской границе, где дожидались два браганта — Бетты и ее телохранителей.

Сварог смотрел вслед задумчиво, с нешуточной грустью. Лодка давно скрылась за горизонтом, а он все смотрел.

Если бы только все исчерпывалось маленькой ложью насчет компьютеров! Если бы только...

Проблема представляла во всей своей мрачной грандиозности, больше всего напоминая айсберг, у которого над водой видна только вершина, одна десятая, или даже меньше, а остальное скрыто под водой. Ну, предположим, после Шторма на Таларе не водились айсберги — разве что в те неполные две недели, когда проснулся Великий Кракен и укрывавший его подводный ледовый панцирь стал таять, разваливаться. Но от этого нисколько не легче...

В имперском тарлемоне давно уже лежит мертвым грузом большая база данных, позволяющая хоть сегодня приступить к работе по созданию искусственного интеллекта, причем есть основания ждать, что успех будет достигнут меньше чем через год. Вот только для этого, сказал Элкон, потребуется группа ученых, и, чтобы сосчитать их потребное число, пальцев на руках мало, обязательно придется задействовать ноги. Такую группу неоткуда взять. Империя распрекрасно живет без искусственного интеллекта, подавляющее большинство ее обитателей и обычным-то не обременены. Проживет и дальше, не понеся от этого ни малейшего ущерба.

Точено так же обстоит и с генной инженерией, и с параллельными пространствами, и со многим другим. Нет людей, а главное — нет насущной потребности, жизненной необходимости...

Особый разговор — астронавтика. Сварог, хоть прошел не один год, прекрасно помнил, как в первые дни после того, как он попал на Талар, был прямо-таки ошеломлен, узнав, что может хоть завтра получить во владение звездолет-виману и отправиться к дальним звездам, преодолев гигантские расстояния за считанные дни. Поначалу он так и собирался поступить, махнуть к Бетельгейзе или Фомальгауту, самым памятным из фантастики звездам, пронестись по Млечному пути. Прекрасно помнил советскую песню о Гагарине:

— *Знаете, каким он парнем был?
Как на лед он с клюшкой выходил?
Слышишь дальний гром?
Видишь: это он
вновь идет на космодром.
Он сказал: «Поехали!»
Он махнул рукой.
Словно вдоль по Питерской, Питерской
пронесся над Землей...**

Как заманчиво было промчаться по Млечному пути, словно вдоль по Питерской! Ни у кого не надо спрашивать разрешения, летай меж звезд хоть год, хоть два, сколько душе угодно. Он стал всерьез готовиться к дальнему космическому полету, даже виману заказал и подготовленный экипаж — но однажды захлестнули дела в Хелльстаде, на космос просто-напросто не осталось времени, насущное отвлекало...

Звездолеты появились в Империи двести с лишним лет назад — но на протяжении следующих семидесяти лет состоялись только две экспедиции, не раздобывшие, в общем, ничего интересного. Третья, уже в Дальний Космос, закончилась нешуточной катастрофой: вернувшийся с мертвым экипажем звездолет опустился

* «Знаете, каким он парнем был» — песня из цикла «Созвездие Гагарина», созданного в 1968–1971 годах Александрой Пахмутовой и Николаем Добронравовым.

на земле и открыл Ворота хлынувшим на Талар Глазам Сатаны. На дальнейшее будущее полетов это ничуть не повлияло: состоялись еще четыре экспедиции, уже к дальним звездам, собравшие немало интересного (но ни следа разумных инопланетян не обнаруживших). В шестой и седьмой уже не участвовало ни одного лара, только старательно отбывавшие очередную повинность антланцы. Седьмой полет случился лет шестьдесят назад — а потом астронавтика как-то незаметно и тихо умерла из-за полного отсутствия к ней интереса...

Вполне возможно, небольшую роль сыграло еще и то, что искусство Империи обошло ее стороной. И в Советском Союзе, и в США ко времени первых космических полетов выросло уже второе поколение людей, воспитанных книгами и фильмами о романтике космических трасс. Отсюда и стихийно прокатившиеся по советским городам после полета Гагарина многотысячные восторженные демонстрации. Отсюда и самодельный плакат одного из их участников — «Чур, я второй!».

В Империи ничего подобного не было. Все абсолютно приключенческие и фантастические романы и фильмы (не говоря уже о мелодрамах и любовном чтиве) — и детские, и взрослые — были созданы исключительно на земных материалах, давней и недавней истории. Действие всегда происходило на земле, а героями и героинями всегда были жители Талара. Разве что очень, очень редко появлялись авантюристы-лары, списанные с пары-тройки предшественников герцога Орка, всегда выступавшие в роли отрицательных героев (и правильно, если разобраться). Причины на поверхности: жизнь Империи весьма напоминает скучное бытие заштатного городишки, где никаких приключений не бывает в принципе...

А ведь о космических приключениях можно создать кучу увлекательных фантастических романов и фильмов! Несколько и тех, и других все-таки появились на заре космической эры — но не встретили особенно-

го интереса ни у взрослых, ни, что чуточку странно, у детей.

И новых больше не появлялось. Всему виной и здешняя специфика. Пишущих развлекательные романы (серьезной литературы в Империи попросту нет) насчитывается не более дюжины (включая и анонимного автора «Кровавой Маски» вкупе с многочисленными продолжениями). Кинорежиссеров сыщется немногим больше. И все они озабочены не служением «высокому искусству», а читательским и зрительским интересом. Никто из них попросту не станет заниматься тем, что не встретит интереса широкой публики. Какие уж тут космические приключения? В результате в Империи пару раз в год хватают за шиворот (система отработана) мальчишек, собравшихся сбежать на землю, чтобы стать там пиратами, искателями кладов, гвардейскими офицерами на войне или просто бретерами, вроде героев «Стремительного клинка графа Дорлона» или «Тайн замка Берагаль». А вот к космосу интереса ни малейшего — поскольку не существует о нем ни фильмов, ни книг...

Элкон в свое время признавался: в том, что он мальчишкой сбежал на землю и ухитрился неделю скрываться от всевидящего ока восьмого департамента, в том, что он позже уже легальным образом учился в Латеранском университете, немалую роль сыграли «Фиолетовые береты». Пятьдесят с лишним серий о некоем абстрактном университете, собирательном образе нескольких земных. Самим ученым занятиям там было отведено ничтожно мало места, они служили не более чем фоном, зато подробно, прямо-таки со смаком повествовалось о развеселых приключениях студентов в фиолетовых мантиях и такого же цвета беретях: драки с пожарными, с речными матросами, кабачки, баллады под виолон, амурные истории (показанные очень романтично, с малой долей легкой эротики), ночные проказы вроде перевешивания вывесок и кражи иных...

Что же, вот и выход? Подыскать молодого, начинающего писателя или режиссера, посулить золотую медаль Академии изящных искусств (и пробить таковую в качестве вице-канцлера), заказать романы или телесериал о космических приключениях, а потом с помощью специалистов по обработке общественного мнения (они найдутся в том же восьмом департаменте) обеспечить умелую рекламу, чтобы всерьез заинтересовать космосом молодое поколение? Не самая глупая идея, вполне осуществимая, но где прикажете найти для нее время, особенно сейчас, когда и более серьезные дела и заботы отодвинулись на задний план?

Почувствовав, что посторонних мыслей стало слишком много, Сварог решительно встал со скамейки и размашистой походкой зашагал к своей летающей лодке. Прошла пора совещаний, планирования и тягостных дум, начинался б о й.. А у него, кроме прочего, есть одно ценное качество: когда клубится «горький дым передовой» и завязывается серьезная драка, думать просто некогда. Отлетают прочь все тягучие раздумья, по большому счету, совершенно бесполезные для г л а в н о г о дела. И это только радует...

Дальше все завертелось, понеслось в совершеннейшую неизвестность.

ПОИСКИ НАУГАД

Сварог шагал по широкому коридору замка Морин, главной гланской тюрьмы для особо важных преступников. Отступив на шаг, его сопровождали глэрд Баглю, ворон здешних мест, и двое рослых усатых стражников с жутковатой серебряной эмблемой на рукаве, наводившей страх и на иных смельчаков. Коридор располагался пониже уровня земли, но не наблюдалось излюбленного писателями и режиссерами зловещего полумрака — через каждые три шага на стенах ярко пылали факелы со знаменитой карабальской смолой: одной чаши хватает на несколько часов, пламя ровное и высокое, без копоти и дыма. Было чисто и тихо, так что их шаги по выщербленным временем каменным плитам отдавались гулким эхом. Такое уж местечко — п о с т о я л ь ц е в в спокойные времена всегда было мало, наплыв наблюдался лишь во время больших мятежей и серьезных заговоров — к счастью, за все годы правления Сварога ни того, ни другого не случилось.

По обе стороны коридора темнели одинаковые двери, обитые железными фигурными полосами, с глазками в медной оправе и медными же циф-

рами-номерами, аккуратно прибитыми гвоздями с квадратными шляпками. Наблюдательный человек сразу подметил бы по расположению дверей, что камеры разного размера — а Сварог и так это знал как здешний король. Добросовестный король должен интересоваться самыми разными вещами в своем маленьком хозяйстве.

— Ну, как он? — спросил Сварог, не поворачиваясь к спутнику.

— Только в первые часы д у р к о в а л, — сказал глэрд Баглю. — Колотил в дверь цепями, орал, что всех нас на кусочки порежут за оскорбление Высокого Господина Небес, сулил всякие ужасы. Быстро приутих, видя, что все впустую. В остальном идет согласно вашим приказам: по морде получает аккуратно, со стражниками разговаривать больше не пытается. Тихонько сидит, как мышь под метлой. Только в первые часы от него была куча беспокойства, и стращал всеми мыслимыми карами, и золота обещал в диком количестве, если потихоньку выпустим...

Стандартный условный рефлекс, с некоторой скукой подумал Сварог. Всю сознательную жизнь прожил именно что ларом. И, оказавшись в темнице на земле, первым делом начал качать права. Ничего, из него эти глупые желания быстро выбили...

— Не просил передать на волю весточку?

— А как же, просил. Уговаривал коридорного смотрителя съездить в резиденцию наместника и передать пару слов там кому-то. Имени сразу не назвал и, что передать, не сказал. Я полагаю, словечки были бы совершенно безобидные — просто хотел дать знать, что он здесь. Большой соблазн был сделать подставу — чтобы смотритель согласился. Но, поразмыслив, я не стал рисковать без вашего прямого приказа. Вдруг это какой-нибудь условный сигнал, и его сообщники на воле замутят что-то такое, о чем вы не знаете? Заранее спланированное? Были такие случаи в других тюрьмах, но не в Мориане. Я правильно поступил?

— Совершенно правильно, — серьезно сказал Сварог.

Баглю, сам того не подозревая, только что дал Сварогу ценнейшую информацию о веральфах. Коли уж Даутверт, оказавшись в каменном мешке без связи с внешним миром, пытался использовать столь архаичный способ связи с соплеменниками, как устное сообщение через подкупленного тюремщика, значит, веральфы безусловно не способны связываться друг с другом на расстоянии чем-то вроде телепатии. Больше всего Сварог с Канцлером и Марлоком боялись, что такой способностью волколюди все же обладают, что давало бы им громадные преимущества. Следовательно, ничего подобного нет. Если уж на такое не способен Аристократ, неспособны и те, кто стоят ниже в их иерархии. А это дает людям кое в чем нешуточные преимущества...

Они остановились перед дверью под номером двенадцать, Баглю кивнул одному из стражников, тот проворно отодвинул массивный засов. Засов был хорошо смазан и отошел бесшумно, так же бесшумно отворилась на хорошо смазанных петлях темная дверь. Зловещий скрежет тюремных запоров — это опять-таки для романов и фильмов, в жизни таких красотостей стараются избежать...

Когда Сварог вслед за одним из стражников вошел в камеру, в первый миг показалось, что он ослеп — ничего подобного, конечно, просто после ярко освещенного коридора глаза не сразу привыкли к полумраку. Дневной свет сюда проникал через единственное окошечко размером с две ладони, под высоким потолком, к тому же забранное толстыми железными прутьями.

— Факел, — распорядился он.

Рядом чиркнуло о шершавую терку, с шипением вспыхнула спичка, почти сразу же зажегся факел на короткой деревянной ручке, и в камере сразу стало светло почти как в коридоре. Сварог осмотрелся, не торопясь.

Камера была высотой в два человеческих роста, длинной и шириной уардов не менее пяти. Вся меблировка заключалась в охапке гнилой соломы в углу, на которой за неимением другой подстилки и сидел человек без штанов, в одной замызганной холщовой рубаше до колен, опустив руки меж широко расставленных ног так, чтобы кулаки касались каменного пола — несомненно, для того, чтобы избавиться от тяжести ручных кандалов, соединенных с ножными массивной цепью. Особые оковы для особых случаев, весом не менее полусотни тауров*. Даже сходить в них оправиться в противоположный угол было нешуточным испытанием — а потому узник, судя по запаху, ради «малых дел» и не вставал с соломы. Но судя по запаху из упомянутого угла, ради дел больших туда все же ковылял.

— Осветите его получше, — приказал Сварог.

Тюремщик поднес факел поближе к лицу веральфа, так, что тот инстинктивно отшатнулся, едва не ударившись затылком о бугорчатую каменную стену. Сварог разглядывал его с несказанным удовольствием, ничего общего не имевшим с садизмом. Высокий Господин Небес не один день провел на самом дне незатейливой земной жизни: волосы спутались и растрепались, породистое лицо похудело и осунулось, щеки ввалились, под глазами синяки кулачного происхождения, двух верхних зубов недостает — тюремщики получили приказ особенно не усердствовать, ничего не сломать и не отбить, но и не обращаться с постояльцем, как с хрустальной вазой.

А уж глаза-то, глаза! Они пылали столь лютой злобой, что даже расхожее определение «звериная» казалось слишком слабым. Нечто гораздо более глубокого накала. Под этим горящим злобой взглядом Сварог не ощутил ничего, кроме удовлетворения. Потому что злоба была насквозь бессильной. С такой ненавистью обычно смотрят бесповоротно проигравшие — и осо-

* Таур — расхожая мера веса, примерно 950 грамм.

знавшие это. До того, как сюда попасть, Сварог и не знал, какое это удовольствие — смотреть на исходящего лютой злобой бессильного, проигравшего врага...

В столь большой камере одинокий узник на взгляд со стороны совершенно терялся, выглядел в точности как орех на большой тарелке. На то и был расчет — в видах всестороннего психологического воздействия.

(Большое дело — индивидуальный подход. Ближайшего сподвижника Даутверта контраста ради держали без кандалов, но в крохотной, шага в полтора в длину и в ширину, камере с низким потолком, где невозможно выпрямиться во весь рост. Третьего, «крота» из девятого стола, запихнули в камеру малость попросторнее и с потолком повыше — но пол там с промежутками шириной в ладонь был сплошь покрыт литыми из чугуна полушариями размером с половинку яблока. Чтобы каждый дозревал по-своему.)

— Молчите, Даутверт? — осведомился Сварог. — Даже не пробуете помянуть Эдикт о вольностях и прочие пустые бумажки? И правильно, вы умный, — он опустил слово «человек», — должны понимать, что это бесполезно. Какие здесь, к свиньям собачьим, законы? Закон здесь один-единственный — я. Да и любые законы писаны людьми для людей, а не для тварей вроде вас...

Молчание и ненавидящий взгляд. Усмехнувшись, Сварог заговорил уже деловым тоном:

— Пора подвести некоторые итоги, сдается мне. Я уже знаю, кто вы такой, знаю, сколько вас в Империи. Ваш замысел провалился полностью, вашего «черного паучка» извлекли из сознания Яны, так что Разрушителя у вас никогда не будет. Ваша... царица скрывается где-то на Таларе, но мы ее непременно найдем и уничтожим. Без нее вы и сейчас, такое впечатление, не стоите ни черта, вместе взятые. Очень скоро мы вас перебиваем всех до единого, при том, что вы, безусловно, не способны на серьезное сопротивление, — он улыбнулся почти по-человечески. — Знаете, что забавно, Даутверт?

Вы поставили уникальный рекорд — пробыли Канцлером Империи всего несколько часов. Рекорд и для Империи, и для земных королевств. Я специально справлялся. Прежний рекорд сто пятьдесят лет удерживал герцог Нелуан, первый министр лоранского короля Та-табо Второго. Сутки пробыл на высоком посту. Потом король его сместил, и герцога повесили. Но вы установили новый рекорд, и вряд ли он будет скоро побит. Мои поздравления...

Веральф молчал, не отводя от него пылавшего лютой ненавистью взгляда.

— Внесем кое-какую ясность, — сказал Сварог тем же насмешливым, прямо-таки издевательским тоном, чтобы собеседник понимал: к нему здесь относятся как к дерьму. — Кого вы хотели известить в канцелярии наместника, я уже знаю. Лорд Фольтерн, граф Патарест, верно?

Он бил наверняка и нисколько не врал. Вчера он прилетел в резиденцию наместника и попросил собрать «личный состав» под самым что ни на есть благовидным предлогом: новоявленный вице-канцлер знакомится с делами. Веральф там обнаружился единственный — только что помянутый граф. Вполне возможно, в каждой резиденции наместника имелись такие вот «резиденты». Веральфы обитали и на земле, а значит, наверняка приглядывали и за земными делами, как делали это в Империи.

— Да, вот что еще, — тем же тоном превосходства сказал Сварог. — Патареста мы, разумеется, взяли. Сейчас он грустит неподалеку от вас, и обращаются с ним столь же гостеприимно. Вполне возможно, он окажется гораздо словоохотливее вас — уж мои мастера постараются на совесть...

Вот тут веральф не выдержал, глядя Сварогу в глаза, натурально прошипел довольно длинную фразу на незнакомом языке, в котором гласных было гораздо больше, чем согласных. Надо полагать, это был язык Изначальных, услышанный Сварогом впервые в жизни.

Сварог удовлетворенно улыбнулся:

— Перетолмачить на понятный язык не прошу, и так все ясно: отнюдь не желаете мне здоровья и счастья, наоборот. Что ж, это позволяет сделать вывод: эмоции вам так же свойственны, как и людям. Ну, давно известно, что волки способны на самые разнообразные чувства.

Итак, Патареста мы взяли, и он сидит неподалеку от вас...

Вот это уже был высокопробный блеф, расхожая полицейская ухватка. На совещании «тройки» было постановлено: чтобы не всполошить веральфов раньше времени, пока не узнают о них достаточно, новых арестов не производить. Но откуда Даутверту знать, как в реальности обстоят дела? Самое интересное: Сварог не чувствовал в нем ни тени магии, как когда-то было и с Дали. Впрочем, нельзя исключать, что свои особые способности у веральфов все же есть — только магия и Империи, и Талара не способна их усмотреть. Зато сведущие кое в каких искусствах земные книжники сразу усматривают черную магию в иных текстах Изначальных...

Сварог резко поменял тон, заговорил холодно, деловито:

— Ну, хватит. Не будем разгонять метлой облака (старая здешняя поговорка, аналог русской насчет толчения воды в ступе). Поговорим лучше о вашем положении. Оно у вас насквозь безрадостное и печальное. Безнадежное. Никто не знает, что вы здесь, никто не выручит. И никто здесь с вами не станет церемониться. Могу вас хоть на куски изрезать, никто не узнает и не накажет. Не сомневаюсь, что ваше поганое племя к боли относится так же, как люди. Ну, а если вы все же переносите любую боль, простите за невольный каламбур, безболезненно... Увезу вас в Империю, чтобы испробовали на вас т а м о ш н и е средства... Будете говорить или станете молчать? Повторяю, вы в безвыходном положении. Иначе не сидели бы здесь, не ссали под себя и не ругались в бессильной злобе. Итак?

Веральф молчал, посверкивая глазами.

— Ведите его, — распорядился Сварог.

Стражники, крепко сцапав веральфа за локти, вывели его в коридор. Следом шли Сварог и Баглю. Идти пришлось недолго, через какой-то десяток уардов остановились перед капитальной дверью в торце коридора. Стражник проворно распахнул ее свободной рукой...

Как всегда перед работой, пыточная пребывала в безукоризненном порядке. Разнообразнейшие инструменты для добывания истины (Сварог не знал предназначения многих и не хотел знать) аккуратно разложены на столах, металлические предметы начищены, веревки не разлохмачены, кожаные ремни без единой дырочки. Чисто и подметено, постарались ходившие под подпиской уборщики (правда, здешние подписки были незатейливыми и сводились к одной фразе: «Будешь болтать, башки лишишься»). В воздухе витал неповторимый запахок смерти, крови, страданий и страха — но Сварог к нему давно притерпелся и перестал замечать.

Как Сварог и ожидал, рядом с большими клещами с наточенными до бритвенной остроты концами лежала пухлая растрепанная книга в захватанном грязными пальцами бумажном переплете и с соответствующим завлекательным названием. На многоцветной обложке усатый красавец в белоснежной рубашке с пышными кружевными манжетами пылко обнимал сомлевшую красотку в богатом дворянском платье, всю в кружавчиках и самоцветах. Потрошило нежно обожал подобную изящную словесность — сентиментальные, полные роковых страстей любовные романы. Вот и сейчас Сварог привез ему два творения прытких и плодovitых имперских виртуозов пера, еще не успевших попасть к таларским печатникам.

Потрошило, Потрошитель и малость заматеревший Потрошонок приветствовали его с радостным оживлением — работающие были люди.

— Кто к нам приехал, кто нашу бабушку зарезал... — зловеще протянул Потрошило (приговорку эту он

услышал как-то от Сварога, и она ему очень понравилась). — Я так понимаю, к нам опять залетело Бывшее Небесное Великолепие? Знакомы уже с такими, ага. Я так кумекаю, государь, вы ему честь по чести предлагаете душу облегчить от грехов и вранья, а оне запираются?

— Молчит, стервец, — сокрушенно сказал Сварог. — А мне очень нужно с ним по душам поговорить.

— Понятно. Ну, у нас тут и немые хором поют, до того обстоятельно и усладительно...

Потрошило обошел вокруг веральфа с вдохновенным видом скульптора, обозревающего нетронутую глыбу мрамора, ухмыльнулся:

— Хороший постоялец, л е г к и й. — Повернулся к Сварогу. — Сытенький, жизнью забалованный. Такие быстро петь начинают, как птичка квезаль, не дожидаясь чего-то серьезного, а то и вообще ничего не дожидаясь. Не привыкли к суровому обращению, поганцы. Как обычно поступим, государь? Сначала пустячки — нос и пальчики в тиски, уши калеными щипцами прижечь, под ногти иголок понапихать. А уж потом, если в согласие не войдет, чего посолиднее, — он широким жестом обвел пыточную. — Вон сколько здесь всякого добра...

— Как всегда, на ваше полное усмотрение, мастер, — ответил Сварог, как обычно в таких случаях.

— Может, первым делом раком поставить? — осведомился Потрошило. — В два счета его шлюхой заделаем. Никто еще от этого не помер.

— Кто его знает... — ответил Сварог. — А вдруг у него привычки такие, что ему это только понравится?

Они привычно перекидывались деловитыми репликами так, словно веральфа здесь не существовало вовсе. Еще один отработанный метод, чтобы дать понять клиенту: человеческого существа в нем не видят нисколько. Конечно, он краем глаза следил за веральфом и видел: как тот ни старался сохранить невозмутимость и гордую нестигаемость, в лице что-то изменилось, яв-

ственно промелькнула тень страха. Ну, это понятно: он не только человек, но еще и волк, а у волков однополая любовь не встречается совершенно. В отличие от человеков, царей природы...

— Так ведь проверить проще простого... — рассудительно заметил Потрошило.

— А если он из тех, кто исключительно иначе блудит? — сказал Сварог, с радостью заметив на лице веральфа тень возмущения. — Есть и такие, сами знаете.

— Тоже не загадка из хитромудрой науки математики, — тут же откликнулся Потрошило. — Сразу будет видно...

— Убедили, — сказал Сварог. — И это на ваше усмотрение.

— У меня все готово, государь, — заверил Потрошило, кивнув в сторону стоявшего в двух шагах Потрошителя.

Тот, прекрасно знакомый с этой своей ролью в процессах добывания истины, держался соответственно: тарачился на веральфа, шевеля усами, благостно улыбаясь и похлопывая себя пониже пряжки...

В жизни все обстояло совершенно наоборот. Потрошитель нежно и трепетно любил всех на свете женщин, исключая дурнушек и толстух. А поскольку к тому же овдовел несколько лет назад, на личном фронте все у него обстояло прекрасно. Не раз случайные подружки пытались его окрутить — мужик видный, при солидной профессии и неплохих заработках, лично известен королю, — но Потрошитель всякий раз уворачивался с помощью какой-то нехитрой, но эффективной отговорки. Кажется, вкручивал, что его должны избрать старшиной цеха палачей, а некая секретная бумага запрещает занимать эту престижную должность женатым — ради пущего соблюдения служебных тайн. Женщины, понятно, и не пытались проверять, есть ли такая бумага — да и возможностей к тому не имели...

Увы, была и оборотная сторона. По живости характера Потрошитель порой, хотя и не часто, влипал

в конфликт с законом. Обычно его вытаскивал из неприятностей глэрд Баглю, но пару раз приходилось вмешиваться и Сварогу. Последний случай произошел не далее как на прошлой неделе. На ярмарке в столице Потрошитель взялся ухлестывать за смазливой крестьянской молодухой, торговавшей живыми и битыми гусями. Объявился конкурент, настроенный столь же решительно. Слово за слово — схватились за ножи, не утруждая себя поиском укромного местечка. До смерти Потрошитель ривалья* не убил, благодаря чему избег клановой мести, но порезал качественно. Переполох, женский визг, собрались зеваки, нагрянула городская стража, Потрошителя повязали и отволокли к квартальному судье, до разбирательств определившего дуэлянта-победителя на нары. В некоторых отношениях Глан был страной ничуть не патриархальной. Как и в других королевствах, в здешнем Карном кодексе была статья о запрете на дуэли для благородных, статья «буянство с употреблением белого либо огнепального** оружия». Как и в других королевствах, дуэлей это не искоренило, разве что оттеснило в местечки поукромнее. Специфика Глана состоит только в том, что в других странах простонародье выясняет отношения на кулаках (а крестьяне еще порой кольями-вилами — но не топорами; того, кто в драке схватился за топор, автоматом судьи отправляют на каторгу). Ну а в патриархальном Глане и людям простого звания зазорно выйти на улицу без внушительного ножа на поясе. А поскольку вспыльчивый нрав гланцев давно вошел в поговорку, распространенную по всем Талару, ножи частенько выпархивают из ножен, словно испугнутые воробьи...

Потрошителю грозило года три за решеткой — а то и на каторге, если порезанный умрет. Тут уж пришлось вмешиваться Сварогу, пустившему в ход кое-какие обычаи, ставившие короля над писаными законами (в Гла-

* Риваль — соперник (с франц.).

** Белое оружие — холодное. Огнепальное, как легко догадаться, огнестрельное.

не они были особенно сильны): победителя-дуэлянта выпустили на волю, бумаги изничтожили, проигравшему дали некоторую денежку и посоветовали по судам в поисках правды не бегать — как-никак он не злодейскому нападению подвергся, будучи безоружным, а сам махал ножом, так что попадает под ту же статью (впрочем, он, будучи до мозга костей коренным гланцем, к такому и не стремился, хотя по роже видно было — выздоровев, попытается отыскать обидчика). Ну, в конце концов, это тоже была старинная традиция, на которую Сварог и не пытался покушаться — пусть Потрошитель сам выпутывается.

Получив от Сварога нешуточный разнос, Потрошитель, живое олицетворение скромности и раскаяния, клятвенно пообещал больше так не делать (правда, как сказал потом Сварогу присутствовавший при этом Баглю, приносил исключительно те клятвы, которые не грех и нарушить, — а заодно прочитал Сварогу краткую лекцию о гланских «алмазных клятвах», нарушитель которых становился изгоем, которому оставалось либо бежать из Глана, либо, чтобы далеко не ходить, без затей утопиться в ближайшем колодце. Очень познавательная оказалась лекция, раньше до таких вещей как-то руки не доходили, и Сварог твердо решил эти познания в будущем непременно учесть). Самое занятное во всей этой истории — по точным донесениям людей Баглю, молодушка, из-за которой разгорелся весь сыр-бор, была безусловно польщена тем, что из-за нее вспыхнула прилюдная поножовщина, но в тот же вечер нашла себе солидного воздыхателя в лице ронерского гуртоправа. Ох уж эти женщины, о которых хорошо сказал в свое время неизвестный здесь Вильям наш Шекспир...

— Вот! — с одухотворенным видом сказал Сварогу Потрошило. — ...Грех упускать такой случай...

И точно, короткая кожаная юбка Потрошителя спреди изрядно оттопырилась. Но никто, разумеется, не спешил сообщать веральфу, что под юбкой топорщилась умело прикрепленная деревянная палочка...

Вообще-то все страсти, которыми пугал Потрошило, отнюдь не были пустым запугиванием. Имелся в полном распоряжении живой инструмент для таких дел. В Глане однополая любовь, как меж мужчинами, так и меж женщинами, преследовалась так сурово, как нигде больше на Таларе. Изобличенных надолго посылали на каторгу, в рудники, а особо закоренелых могли отправить на костер — и отправляли (как обстояло и в неведомом отечестве Бади Магадаль). Тип, о котором шла речь, был как раз из закоренелых, ему уже вынесли приговор и собирались примотать к обложенному поленицей сырых дров столбу — но тут он попал в поле зрения Баглю, пришедшему с этим делом к Сварогу. Сварог согласился с мнением Баглю, что необходим его многотрудной работе и такой инструмент, — и, кривясь от безгливости, отдал должные распоряжения.

На свободу его не выпустили, конечно. Держали в этой же тюрьме, неподалеку от пыточной, чтобы всегда был под рукой — ну, разве что камера была обставлена поуютнее, и по воскресеньям давали бутылку пикета. ...Дважды этот инструмент уже пускали в ход против заслуживших и не такое обращение субъектов.

...При всем при том к троице своих мастеров Сварог с самого начала относился с симпатией. Ни в ком из них не было ни малейшей склонности к садизму и извращениям, просто-напросто такая уж им досталась работа, необходимая королевству, и они ее исполняли с мужицким прилежанием. Никак не лучшие люди на земле, но, безусловно, не самые худшие. Потрошило помогал деньгами многочисленной родне, которая была гораздо беднее его, старательно пристраивал вошедших в зрелый возраст племянников, племянниц и более дальних родственников, регулярно подкармливал бездомных собак и захлеб читал любовные романы. Потрошитель регулярно жертвовал на сиротский приют (единственный в Глане) отнюдь не медные денежки, четыре года после смерти жены воспитывал семилетнего сынишку, души в нем не чаял и тратил на него изрядную часть

немаленького жалованья. Потрошонок едва начал хорошо зарабатывать, без всяких просьб со стороны матери купил ей вместо хибарки на окраине вполне приличный домик и построил там крольчатник — немалое подспорье в хозяйстве — и нанял для него помогавшую матери служанку.

Опомнившись от посторонних мыслей, он распорядился:

— Начинайте. Когда этот нехороший человек будет готов беседовать со мной по душам, позовете.

И вышел в коридор — он никогда не присутствовал при активном следствии. Присел на удобную скамейку, поставленную здесь специально для него, оправил тартан и закурил — специально для него тут стояла большая пепельница из кованой меди. Заранее поморщился с неудовольствием — дверь была сработана капитально, но из-за нее часто доносились звуки помянутого следствия. Однако не уходил подальше — по его глубокому убеждению, то было бы ханжеством и излишним чистоплутьством.

Вскоре из пыточной выскочил стражник, быстро прошел по коридору и вернулся, подталкивая перед собой кулаком в спину верзилу в помятом чиновничьем мундирчике с оторванными гербовыми пуговицами, споротыми знаками различия — тот самый живой инструмент. ...Как всегда, инструмент попытался задержаться и поприветствовать светлого короля. Как всегда, успел что-то вякнуть, но получил от стражника смачный подзатыльник, заткнулся. Как всегда, Сварог сделал вид, что перед ним — пустое место.

Оба скрылись в пыточной, дверь захлопнулась, и настала тишина — пока что. Сварог задумчиво пускал дым, и голова была занята самым главным и неотложным — веральфами. Точнее, теми из них, кто притаился среди людей на Таларе.

Как легко и просто оказалось выявить в Империи всех до одного притаившихся под безупречными масками совершеннолетних веральфов-мужчин! Три дня,

проведенных Барзая даже не перед компьютером, а за примитивным электронным устройством — и дело сделано. А вот на Таларе проделать то же самое, Сварог прекрасно это понимал, было совершенно нереально. На Таларе не было ни компьютеров, ни видео, ни такой базы данных. Веральфов он мог опознавать одним-единственным способом — встретив их на улице, в каком-нибудь министерстве, в королевском дворце. И только. Никаких детекторов, способных помочь, не существовало. Марлок теоретически допускал, что такой детектор создать можно — но для этого придется долго изучать пленных веральфов всеми средствами, какими только располагает наука. Сколько времени это отнимет (и сколько времени займет само изучение), никто не брался предсказать...

В Глане Сварог, будучи в столице, видел очень мало веральфов и, в отличие от Латеранского дворца, в своем ближайшем окружении не высмотрел ни одного. Вполне может оказаться, что патриархальный Глан людей-волков интересовал меньше всего — с точки зрения большой стратегии. В Латеране веральфов оказалось больше, хотя и не в разы. В других своих владениях он пока что с полученным от почтенного Барзая умением еще не бывал — и уж тем более по чисто техническим причинам не мог бы изучать проблему в Лоране, Харлане, Горроте и Святой Земле.

Автоматически возникает крайне серьезный вопрос: опасны ли затаившиеся на земле веральфы в той же степени, что в Империи? Пожалуй что, да. Именно на земле произрастают в немалом количестве «злые деревья» — выражаясь более современным языком, кадровый резерв веральфов. И этот резерв, как утверждают знающие люди, от бабушки Каниллы до каталаунских колдунцов, начинает просыпаться. Значит, они уже в ближайшее время намерены предпринять что-то серьезное. Даже если у них нет проработанного запасного варианта, создать какой-то масштабный план в краткое время вполне возможно. Не исключено, что

именно этим займется в ближайшее время на Сильване Лига Охотников-Арбалетчиков. Глупо и недальновидно думать, что у веральфов нет своих светлых умов, существа глупые и ограниченные не смогли бы столько лет...

Он встрепенулся, отбросив тягостные раздумья. Никакой ошибки — в пыточной завопили во всю глотку сразу несколько голосов. Несколько, а не один — это было насквозь неправильно...

Швырнув в пепельницу недокуренную сигарету, Сварог встал, но не успел сделать к двери и шага: дверь распахнулась настежь, с грохотом ударившись о стену, и в коридор вымахнул огромный бурый волк. Кое-где на нем еще держались клочья грязной холстины. Не потеряв ни секунды, не успев осознать увиденное, Сварог выхватил меч, нацелил клинок на зверя, моментально прикинул, куда ударит, если тот бросится. В пыточной кто-то громко ахнул, шумно упало что-то тяжелое, но Сварог туда не смотрел, сосредоточившись на волке, чтобы предупредить возможный бросок.

Волк на него не бросился. Пару мгновений, показавшихся нескончаемо долгими, не сводил со Сварога налитых кровью глаз, потом, звучно скребнув когтями по каменному полу, опрометью бросился по коридору.

Сварог, опять-таки не потеряв ни секунды, кинулся следом. Веральф уже исчез за поворотом. В коридоре, у входной двери, стояли с этой стороны трое стражников с мечами и пистолетами, но могли и растеряться, потерять время...

Не оплошали усахи в тартанах! Не успел Сварог добежать до поворота, как за ним гроыхнули пистолетные выстрелы, оглушительные в тесном пространстве. Не поможет, подумал он, наддав, это все-таки лар...

А ведь помогло! Выбежав из-за поворота, он с одного взгляда оценил увиденное. Под сводами коридора еще клубился сизый пороховой дым, двое стражников стояли, опустив курившиеся дымком разряженные двуствольные пистолеты, третий еще держал наготове меч...

А перед ними на полу вытянулся веральф, неподвижный, только лапы еще конвульсивно подергивались, и из-под него медленно выползали струйки крови. Лица у стражников были бледные, но решительные — молодцы, орлы... Сварог восторженно выругался про себя. Он только что вновь получил ценнейшую информацию о веральфах — как бы искусно они не одну тысячу лет прикидывались ларами, метательное оружие, в данном случае пистолетные пули, распрекрасно их убивают. Вряд ли эта зверюга — уникум. Проверить, впрочем, нетрудно, кроме веральфа, которого просто необходимо допросить, здесь же в камере есть еще и гораздо менее ценный, на котором можно поставить эксперимент. Правда...

Спохватившись, он сделал стражникам одобрительный жест здешнего происхождения (поднял перед лицом правую ладонь), проворно повернулся и кинулся в пыточную.

Увидел там зрелище, какого в пыточных обычно ни за что не встретишь. Баглю и оба стражника стояли по углам, все еще держа наизготовку клинки (стражники от растерянности забыли о торчавших за поясами пистолетах). Потрошитель с видом мрачной решимости стоял возле дыбы, заслонившись огромными клещами. Живой инструмент лежать навзничь в луже крови с перехваченным горлом, и глаза уже остекленели. Рядом с ним на корточках сидел Потрошило, зажимая ладонью левое плечо. Не хватало только Потрошонка, но и его Сварог, оглядевшись, быстренько обнаружил — парень присел на корточках за ближайшим столом с инструментами, так что одни глаза виднелись. Ну, что поделатъ, не воин, т а к о е и бывалого вояку в ошеломление приведет...

— Всем успокоиться, — сказал Сварог. — Выстрелы слышали? Сдох зверюга, валяется мертвее мертвого... Ах ты ж черт!

Меж пальцев Потрошилы полили обильные ручейки крови.

— Руку убери! — прикрикнул Сварог, опустившись на корточки рядом.

Провел ладонью над жуткой раной, произнес про себя нужные слова. Как и следовало ожидать, рана моментально затянулась, вытекшая кровь пропала.

— Ух ты! — восторженно выдохнул Потрошило, впервые в жизни столкнувшийся с лечебной магией ларов. — Слышал я о бабках, которые умеют этак вот, да своими глазами ни разу...

— Мастерство не пропьешь, — сказал Сварог, выпрямляясь. — Это сапоги — запросто... Ну, что? Ввиду благоприятного исхода разрешаю всем по стаканчику вина, включая мою персону. Что смотрите? Думаете, я не знаю, что вы в кладовой всегда пару-тройку бутылок прячете, и не пиркета какого-нибудь? Славный король Сварог соколиным взором на уард в землю зрит... Эй, молодой! — повернулся он к Потрошонку. — Живо слетай в кладовую за бутылками и либарами*...

Опамятававшийся Потрошонок вылез из-за стола и кинулся в кладовую. Потрошило покаянно потупился.

— Ладно, — сказал Сварог. — Винишко в кладовой — это я готов простить. А вот недавно был случай... Один обормот повадился в неслужебное время очередную полюбовницу таскать прямо в кладовую при пыточной. Супружница у него была мало того, что ревнивая — еще и чуть ли не с колдовским нюхом. Все местечки в городе, куда он таскал своих симпатий, очень быстро отыскивала. Ну, в тюремную пыточную, сами понимаете, ей ни за что не попасть. Вот тут уж пришлось забыть о всякой мужской солидарности и взыскание наложить строгое — посторонних в пыточной быть не должно ни при какой погоде. На этот счет есть писанные регламенты — а вот насчет вина писанных запретов нет, так что

* Либар — деревянный уард с окованными железом концами, каким торговцы отмеряют ткань. В разговорной речи имеет то же значение, что русское «аршин».

пользуйтесь прорехой, проныры, лишь бы на службу не влияло... А то осерчаю не на шутку.

Он и сам чувствовал, что ударился в пустую болтовню, но ничего поделать с собой не мог — порой именно такая разрядка необходима после промелькнувшей рядом нешуточной опасности. Или, к сожалению, не промелькнувшей. Ладно, все обошлось, и хорошо, что так обернулось, могло кончиться и похуже.

Вернулся Потрошонок, ухитрившийся сгрести обеими руками в охапку полдюжины пузатых бутылок темного стекла, штопор величиной чуть ли не с локоть и высокую стопку вложенных друг в друга глиняных стаканов. Издали торжествующе объявил:

— Дядюшка, я либары вымыл, в той лохани, что с чистой водой...

Положительно, повзрослел парень.

— На это-то у тебя ума хватает, — беззлобно проворчал Потрошило. — Вот если бы ты так справно научился «кошачьей лапой» виртуозить, а то ведь до сих пор не набрался мастерства. Ладно, выдергивай пробку. Сам, я так полагаю, догадаешься первым его величеству поднести...

— Не беспокойтесь, дядюшка, сам догадался, — браво откликнулся Потрошонок.

Проворно выдернул с чмоканьем вылетевшие осмоленные пробки трех бутылок, установил в рядок стаканы на краю стола с инструментами и наполнил их до краев. Первый почтительно поднес Сварогу, второй глэрдугу Баглю, к остальным не прикоснулся, должно быть, полагая, что те, кому они предназначались, сами их возьмут — невелики баре. Очевидно, палачи и страдники тоже осознали эту нехитрую истину и мигом разобрали либары. Сварог в два приема осушил свой — да, не из дворцовых винных подвалов, но и никак не пиркет — и повелительно сказал:

— Ну, раз осталось, не назад же уносить... Разлей еще по одному, — и доброжелательно улыбнулся Потрошонку: — Снова разбогатеешь малость, отрок?

Потрошонок таращился на него обожающе. Юмор таился в том, что на Таларе принимали пустые бутылки в точности так, как это обстояло в Советском Союзе. Экономика, понятно: даже изготовленные не в стеклянных мастерских прошлого, а на стекольных фабриках бутылки стоили недешево, и виноделы прекрасно понимали это. По точным донесениям агентуры, осушенные в пыточной бутылки переходили в собственность Потрошонка: для людей более солидных сдавать бутылки было столь же неприлично, как в Советском Союзе...

— Ну, все, — решительно сказал он, когда со вторым стаканом было покончено. — Делу время, потехе час. Уноси стеклянную монету, малый, займемся делом, — повернулся к Баглю и обоим стражникам. — Глэрд, распорядитесь... Пусть принесут приличный кусок холстины или мешковины, веревки и хорошо упакуют волчью падаль. Я ее возьму с собой. А вы отправляйтесь за вторым и волоките его сюда. Только сначала слушайте приказ...

Баглю так и не показался — несомненно, решил проследить за упаковкой до самого конца. Зато стражники быстренько приволокли сообщника Даутверта, Высокого Господина Небес лорда Кармиолера, графа Омбера — при любом исходе дела теперь уже бывшего лорда и графа, оставшегося исключительно в роли веральфа-Аристократа.

На этот раз решено было психологических спектаклей не устраивать. Разве что Сварог не велел пока утаскивать дохлого живого инструмента — неплохая декорация, она же наглядная агитация. Судя по одобрительной физиономии Потрошило, он этот нюанс моментально просек и молчаливо одобрил.

Веральф встал перед ним, как лист перед травой — в таком же грязном холщовом рубище, словно пророк старых времен, нечесаный и с синяками на роже. Но старался, сволочь, как и Даутверт, сохранить в осанке подобие гордой нестигаемости, смотрел столь же

ненавидяще. Нимало этим не задетый — иные тут поначалу чванились и почище, но их быстро приводили в разум, — Сварог сказал напористо:

— Некогда мне с вами рассусоливать и устраивать театр с психологическими подходами. Либо вы сразу будете отвечать на мои вопросы, как на исповеди, либо обязательно сделаете это потом — но к тому времени будет достаточно изъянов в организме. Итак?

Веральф молчал, глядя с бессильной злостью.

— Понятно, — пожал плечами Сварог и, не повышая голоса, распорядился: — Приступайте.

Потрошило с Потрошителем, проворно уцапав веральфа за локти, толкнули его в массивное кресло из некрашеного дерева — его широкие поручни и толстые передние ножки были по замыслу столяра — вернее, тех, кто делал ему заказ, — снабжены прочными широкими ремнями с пряжками, способными надежно зафиксировать руки и ноги (со спинки свисали такие же шейные). Сварог напрягся. Потрошило и Потрошитель друженько взялись за ремни для рук...

Беззвучный взрыв! Облако неяркого желтоватого мерцания, на миг полностью закутавшее сидящего! Когда оно рассеялось, ч е л о в е к а уже не было — из кресла выпал, неуклюже рухнул на четыре лапы здоровенный бурый волк.

На сей раз не было ни паники, ни даже растерянности — Сварог на случай именно такого оборота дела заранее проинструктировал остальных, как им поступать. Все шестеро проворно отскочили подальше — причем Потрошитель в дополнение к полученным инструкциям сцапал со стола те самые клещи, которыми можно было зашибить волка смертельно. Сварог выхватил из кармана золототканого кафтана торч. Оружие не понадобилось, слева гроыхнули двустольные пистолеты стражников, и волк (на котором еще кое-где держались холщовые обрывки) с коротким тоскливым воем повалился набок, шумно грянулся на пол, вытянулся, конвульсивно суча лапами...

Потрошило от избытка эмоций затейливо выругался, сообщил:

— Слышал про таких оборотней, но своими глазами первый раз вижу... второй, уж если точно...

— А мне вот уже доводилось... — сквозь зубы сказал Сварог, вспомнив давнее дело в Ямурлаке. Откашлялся — в воздухе плавали клубы лезущего в глотку порохового дыма, повернулся к стражникам: — Холстину и веревки, живо!

Оба опрометью кинулись за дверь. Сварог неторопливо убрал торч в карман. Следовало поспешать, потому что делать здесь больше нечего. Марлок въедливой точности ради непременно сказал бы, что двух случаев маловато для с е р и и — но, на взгляд Сварога, и двух вполне хватало. Так что не стоит терять время, тащить сюда еще и третьего веральфа — все равно здесь единолично распоряжается он, а не отсутствующий профессор.

А впрочем... Касательно третьего у него появилась интересная идея. Нежного душой гуманиста она могла бы ужаснуть, но таковых среди присутствующих не водилось.

Кривя губы, он разглядывал на экране компьютера Канцлера незатейливые картинки — запечатлевшие с разных сторон и ракурсов валявшийся на черно-золотистом ковре в красивых узорах труп здорового бурого волка, в точности такой, как те два (из трех), что он только что привез в Технион. Пасть оскалена, язык вывалился, рядом — какой-то опрокинутый научный агрегат, блистающий никелем и разноцветными стеклянными полушариями...

Все. Выключив компьютер, Сварог поднял глаза на сидевших напротив Канцлера и профессора.

— Вот так обстоят дела, — точно так же, кривя губы, произнес Канцлер, — мы с Марлоком, конечно же, там присутствовали. Его хотели пристегнуть к креслу, аппарат для глубокого ментоскопирования был наготове. И вдруг...

— Дальше я и сам могу рассказать, — натянуто усмехнулся Сварог. — Словно бы беззвучный взрыв, облако неяркого непроницаемого желтоватого мерцания — и в следующий миг вместо человека появляется бурый волк...

— Именно так, — кивнул Канцлер. — В точности так, как это было у вас. Разве что мои парни стреляли не из пистолетов, а из скримингов, оружия лучевого. Но результат был тот же...

— Я бы предпочел, чтобы у них были пистолеты, — серьезно сказал Сварог. — Впрочем, и без того ясно: на веральфов действует любое оружие, основанное на метательном принципе — пистолеты, скриминги, торчи, надо полагать, и шауры. Это дает нам некоторые дополнительные преимущества, думается мне. И три подряд превращения волка. Три... Профессор, не кажется ли вам, что оно способно сойти за с е р и ю...

— Пожалуй, — после короткого раздумья отозвался Марлок. И поторопился добавить: — Я бы сделал оговорку: для данного конкретного случая...

И на том спасибо, подумал Сварог. А вслух сказал:

— У меня уже появились некоторые соображения, потому что м о и случаи по обстоятельствам отличались от вашего. В вашем можно и предположить, что он обернулся волком, так сказать, осмысленно, по собственному побуждению. В моих двух случаях как раз очень похоже на то, что превращение произошло спонтанно, самопроизвольно. Оба могли обернуться волками и в таком виде попытаться бежать, едва покинули камеры и оказались в коридоре. Какой им был смысл медлить? Оба должны были прекрасно понимать, что их ведут не напоить кофе с пряниками. Однако оба стали волками не раньше, чем к ним подступили палачи. Это, конечно, мои домыслы, но... Что если это у них такой условный рефлекс? Перед лицом неотвратимой угрозы автоматически превращающий человека в волка?

Какое-то время стояло напряженное молчание.

— Проверить нельзя, но и исключать нельзя... — проворчал наконец Марлок.

— Совершенно верно. Согласен с такой именно формулировкой, — кивнул Канцлер. — Но ведь это означает, что мы оказались в скверном положении. Лорд Сварог, вы в прошлой жизни — профессиональный военный. Может, вы уже поняли, о чем я?

— Конечно, — сказал Сварог. — Если я прав и такой условный рефлекс у них есть, это означает, что мы не сможем никого из них допросить. И война, на которой невозможно допросить пленных, — настолько для меня дика, что слов не подберу... Такую войну можно вести одним-единственным способом... — он умолк, но тут же закончил твердо: — Это должна быть война на полное уничтожение.

— Вот даже как? — воскликнул Марлок с некоторым эмоциональным выплеском, довольно, впрочем, слабым. Продолжил тоном ниже: — Ну, конечно, если вопрос стоит именно так, «мы или они»...

— Боюсь, он именно так и стоит, — сухо сказал Канцлер.

— Помилуйте, я и не думаю протестовать, — сказал Марлок и улыбнулся как-то застенчиво. — Просто никогда и подумать не мог, что в Империи возможна война на уничтожение. С токеретами обстояло именно так, «мы или они», но токереты были в н е ш н е й угрозой. А когда вдруг обнаруживается, что среди нас, притворяясь... нами, обитают такие существа...

— Счастье еще, что это вообще обнаружилось, — на невозмутимом лице Канцлера появилась тень улыбки: — Подумать только, нас спас от краха, сам о том не ведая, безграмотный шаман из ратагайских степей...

Лорд Сварог, мы можем сделать для него... что-нибудь хорошее?

— Боюсь, что нет, — сказал Сварог не без некоторого злорадства. — Ему просто-напросто ничего не нужно, все, что нужно, у него уже есть...

— Счастливцев... — хмыкнул Канцлер.

— Профессор, — сказал Сварог, — насколько я понимаю, дохлого волка уже исследуют?

— Конечно! — с тем самым своим научным энтузиазмом вскинулся профессор. — Исследовать будут на молекулярном уровне — такой трофей... Просто прекрасно, что вы привезли еще двух. В данном конкретном случае это уже серия...

— Я вам привез и кое-что поинтереснее, — сказал Сварог. — Труп веральфа, оставшегося в человеческом облике.

Как он и предвидел, Марлок вскочил так, словно вместо мягкого кресла у него под сиденьем оказалась раскаленная сковорода:

— И молчали!

— Решил, что лишний квадранс роли не играет, — пожал плечами Сварог.

— И все равно! Где он?

— Уже в лаборатории номер семь. Я сказал доктору Галиору, он подогнал погрузчик...

— И не связался со мной, шалопай! Господа мои, я вас покину! — профессор, едва не опрокинув кресло, метнулся к двери и исчез.

— Великолепно, — сказал Канцлер. — Серьезный трофей. Как это получилось?

— Ничего особенного, — пожал плечами Сварог. — Стража пристрелила при попытке к бегству...

Конечно же, он врал. Стражник, исполнив приказ, распахнул дверь камеры «крота» и, не заходя, с порога выпалил в него из обоих стволов. А как иначе было заполучить материал для исследований? Снова не тот случай, когда надлежит маяться гуманизмом и вообще вспоминать это слово. Судя по довольному лицу Канцлера, он и не собирался докапываться до правды. Наоборот, почти беззаботно усмехнулся.

— Марлок так себя не помнил от радости, что забыл свою обычную присказку насчет въедливой точности...

— Ну что поделать, если второго неоткуда взять... знаете, о чем я подумал, пока летел в Технион? Когда

я смотрел на мертвых волков, характерного ореола вокруг них уже не видел. А вот у третьего веральфа «волчий ореол» остался и после смерти. И мне пришло в голову: а что, если тот первый министр, что лет через девятьсот после основания Империи придумал и ввел в обиход Огненное Погребение, был веральфом? И не хотел оставлять никаких следов для пущей надежности?

— Гипотеза интересная, — медленно сказал Канцлер. — Вот только ни подтвердить, ни опровергнуть ее невозможно. И потом... даже если бы мы совершенно точно установили, что первый министр был веральфом и заботился о том, чтобы замести следы, это ничего бы нам не дало и ничего не изменило.

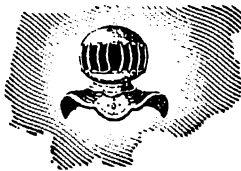
— Я и сам понимаю, — сказал Сварог. — Так, игра ума... Чтобы отвлечься, думаю о посторонних вещах...

— Завидую вашему хладнокровию, лорд Сварог, — усмехнулся Канцлер. — А я вот, не стыжусь признаться, сижу как на иголках. Сколько осталось времени? Четыре часа?

Сварог посмотрел на часы и тоже усмехнулся:

— Как сказал бы непременно Марлок — введливой точности ради... Четыре часа и четырнадцать минут. Секунды, я думаю, для нас несущественны...

Через четыре часа и четырнадцать минут на Той Стороне должен был разразиться Шторм. Через четыре часа и четырнадцать минут там в верхние слои атмосферы войдет Багряная Звезда...

ЛИЦОМ К ЛИЦУ СО ШТОРМОМ

Сварог застегнул куртку на все пуговицы, снизу доверху, поднял воротник. День стоял солнечный, в небе безмятежно проплывала лишь парочка белоснежных кудрявых облачков — но на Той Стороне подходила к концу осень, близилась зима, гулял зябкий ветерок, и росший неподалеку старый раскидистый клен лишился всех листьев. Зима здесь так никогда больше уже не наступит — все без исключения старинные хроники, хотя и написаны гораздо позже событий, едины в одном: «После Шторма зима исчезла». А сегодня вот-вот должен был наступить День Шторма...

Элкон стоял в трех шагах от него, подняв к лицу крохотный, вмещавшийся в ладони компьютер. Экран, понятно, был включен, но его обратной стороны Сварог, конечно, не видел, так что оставалось впечатление, будто верный сподвижник сосредоточенно таращится в пустое пространство.

Ага! Элкон встрепенулся, спокойно доложил:

— Последний самолет на полете.

Жить этому миру в прежнем положении оставалось двадцать восемь минут. Здесь же стоял граф Ченорд, один из трех планировщиков проекта «Изумрудные тропы», а чуть поодаль — замершая в готовности кучка

людей. Сварог их не считал, но знал, что их ровно четырнадцать — по числу контейнеров, которые должны были прибыть с последним самолетом...

Вот он! В ясном небе показался белый самолет — точнее, замаскированная под него вимана, — пронесся над равниной, выполнил недоступный обычным самолетам маневр: остановился в прозрачном осеннем воздухе, вертикально опустился вниз уардах в десяти от ожидавших его людей. Оживившись, прекрасно знавшие свою роль техники кучкой пошли к нему. Великолепная имитация здешних частных самолетиков среднего класса: сине-красная полоса от носа до хвоста, турбины по обе стороны кия, за овальной дверью девять иллюминаторов аккуратным рядком.

Выгнутая дверца распахнулась, закипела работа без лишней суеты и поспешности: из самолета подавали светло-синие цилиндры контейнеров-антигравов, их проворно подхватывали по двое и без труда, словно воздушные шарики, уносили, лишенные веса, за угол замка, к балкону.

По другую его сторону все было в порядке. Сварог давно уже приказал чуть перестроить крыло дворца, в котором располагались его личные покои. В одном из коридоров сложили широкую каменную лестницу, ведущую на плоскую крышу, где когда-то размещались большие голубятни, страстное увлечение тогдашнего короля. Туда и садились, взлетали оттуда невидимые окружающим виманы. Что позволило незаметно для обитателей дворца доставить немаленькие грузы и провести сначала туда, а потом обратно три с лишним тысячи человек (в подавляющем большинстве специально обученных для Проекта антланцев). Видели все это только гланские гвардейцы и ратагайцы — но они были накрепко приучены держать язык за зубами, знали, что интересоваться загадочными королевскими делами им категорически не положено, и ничуть не комплексовали по этому поводу.

Назойливый крепчавший ветерок высекал из сигареты Сварога длинные искры. Сделав пару шагов, он

посмотрел на экран через плечо Элкона. На экране светились в столбик семь фамилий. Ага, Шернат Таго-даро, знаменитый здешний поэт, писавший и для Тарины Тареми (с первым самолетом трудами Брагерта отправленной на Эту Сторону), автор стихов для песен к доброй дюжине самых популярных фильмов. Такого творца непременно надо было спасти. Остальные шесть фамилий, конечно же, родные и близкие поэта.

Унесшие контейнеры люди назад, понятное дело, не возвращались. Вот пронесли последний... Пилот и двое бортмехаников вылезли на землю, вопросительно глядя на Сварога. Он показал в сторону балкона и, когда они без особой спешки туда направились, кивнул Элкону. Тот привычно нажал клавишу — и красивый белый самолет вмиг растаял тучей, тут же исчезнувшей искрящейся пыли, как и не бывало.

До конца Проекта оставались считанные минуты. Завершается он как нельзя более успешно: все три с лишним тысячи агентов отсюда выведены. Прошло без сучка, без задоринки: всякий из них, оставив вместо себя убедительного призрачного двойника (как когда-то Сварог с Марой в Ронеро), уходил в новой личине на один из десяти сборных пунктов. Их доставляли сюда уже другие виманы, замаскированные под огромные пассажирские авиалайнеры, при подлете врубавшие невидимость, так что не было случайных свидетелей, заметивших, как шестимоторные гиганты совершают несвойственные им маневры. О неотвязном шпионе, суточном спутнике, повисшем на орбите над гостиницей и замком, давно позаботились — выражаясь вульгарно, забили памороки посредством хитрой электроники. Его объективы, способные с жуткой высоты прочесть название газеты в руках у Сварога, исправно гнали хозяевам утешительную картинку: возле гостиницы — никакой суеты и многолюдства, ровным счетом ничего интересного не происходит, разве что время от времени к воротам подъезжают и отъезжают редкие машины, заходят и выходят ничем не примечательные люди,

одетые по здешней моде. Даже если в последние часы Следственный Департамент генерала Гарна и заподозрит что-то неладное (что полностью исключено), никаких действий предпринять попросту не успеет. Еще и оттого, что с утра обезглавлен — полтора часа назад и самого Гарна, и его близких (бесчувственных, как все спасенные) переправили на Эту Сторону. Гарн был фигурой, которую требовалось убрать с доски в самую последнюю очередь...

— Ченорд, — распорядился Сварог, не поворачиваясь.

Граф направился к балкону.

— Рубите орбиталы, — приказал Сварог, по-прежнему глядя на экран.

Элкон нажал клавишу — и в правом углу экрана зажглось двузначное число, цифры замелькали, с неуловимой быстротой сменяя друг друга в сторону уменьшения. Орбиталы самоуничтожались один за другим. Какое-то время горела единичка: последний оставшийся орбитал прилежно докладывал о неотвратимом приближении Багряной Звезды. Траектория расчетная, время подлета расчетное... Пора и с ним кончать.

— Элкон, рубите и его...

Нажатие клавиши — и единичка сменилась нулем.

— Кончайте. Уводите людей.

Нажатие клавиши — и высокая резная дверь гостиной распахнулась, волчьей цепочкой к замку побежали — не со всех ног, впрочем, размеренной трусцой — два десятка спецназовцев в своих диковинных марсианских доспехах, увешанные серьезным оружием. Планировщики, просчитавшие все мыслимые и немыслимые варианты развития событий, допускали и тот, по которому что-то пойдет наперекосик и сюда нагрянет, скажем, орава здешних десантников следом за танками или просто куча полиции. В этом случае драка получилась бы примечательная, с кучей световых и звуковых эффектов, которые здесь видели исключительно в фантастических фильмах — но незваные гости попросту не успели

бы ничего никому рассказать, а если бы и успели, это не имело уже ровным счетом никакого значения...

Следом за спецназовцами уже обычным быстрым шагом прошли к балкону четверо компьютерщиков Элкона, никого больше, кроме них двоих, здесь не осталось.

— Здание, — сказал Сварог.

Нажатие клавиши — и за всеми окнами гостиницы поднялось залившее здание неяркое голубоватое сияние. Простояло десять секунд и растаяло, оставив лишь пустые коробки комнат. Все материальные следы их затянувшегося пребывания на Той Стороне уничтожены напрочь. Ручаться можно, вся техника и так либо оказалась бы уничтоженной во время Шторма, либо рассыпалась в хлам в течение следующих столетий и тысячелетий, но все равно, следов оставлять не стоило, к чему плодить необъяснимые археологические находки? Их и так имеется изрядное количество, и ученый мир давно перестал ломать над ними голову — с тех пор как историков осталось мало, а археологи, не считая редких энтузиастов, перевелись вообще...

— Элкон, — сказал Сварог.

Элкон задергался на пару секунд, но сам, должно быть, понял, что это бессмысленно. Спрятал компьютер в карман, в последний раз оглянулся вокруг, повернулся по-военному и решительно направился к замку.

Когда он скрылся за углом, Сварога пронзило ни на что не похожее чувство, осознание невероятного о д и н о ч е с т в а. Он остался единственным обитателем мира далекого будущего на Той Стороне, которой предстояло через считанные минуты обрушиться в жутком катаклизме Шторма. Ну да, в последние минуты здешние жители — ничтожная их часть — спохватятся, поднимут истребители, пустят зенитные ракеты — но это уже ничему не помешает и никого не спасет... миллионы людей так ничего и не узнают, пока их мир не рассыплется в невиданных корчах. И ничего нельзя было для них сделать...

Сварог закурил новую сигарету. Оглянулся вокруг с непонятым ему самому чувством, казалось, не глазами, а всей душой вбирая последние минуты исчезающего мира, далекого прошлого — белоснежные облака в прохладном голубом небе, голый раскидистый клен, гостиница и замок, крохотные отсюда, крайние разноцветные дома Саваджо... Казалось, он п р и с н и л с я здесь, и уходить было невыносимо тяжело, но что поделать, прошлому суждено однажды исчезнуть навсегда, как сон или мираж...

Не было ровным счетом никакой необходимости оставаться здесь в полном одиночестве, разыгрывая пресловутого капитана, покидающего корабль последним — но Сварог ничего не мог с собой поделать, отчего-то ему это было необходимо, в конце концов, он абсолютно ничем не рисковал и ничему не мог помешать, навредить. Проект «Изумрудные тропы» благополучно завершен в полном соответствии с планами и расчетами. Он подумал мельком, что по итогам не одного человека следует представить к наградам, в первую очередь планировщиков, Элкона и Каниллу. Вполне ожидаемая мысль для вице-канцлера, короля и главы двух спецслужб. Не смог удержаться от улыбки, хотя она наверняка получилась грустной: его высочество Диамер-Сонирил, к бабке не ходи, вновь представит дело так, будто это успех в первую очередь Канцелярии земных дел и восьмого департамента в лице Сварога. Чем бы дитя ни тешилось... Как и во всех предшествующих случаях, безобидная блажь принца короны безобидной блажью и останется, аминь. Это принц Элвар, как-то из любопытства выбравшийся на Ту Сторону (разумеется, под присмотром четырех оперативников Сварога), вернулся уже через полчаса и, выхлебав в кабинете Сварога пару бутылок келимаса, зябко поеживался:

— Жутковатое чувство: ходишь, смотришь вокруг, а в голове назойливо зудит, что все вокруг давным-давно мертвые. Как вы все там часто бываете, в толк не возьму...

А вот ни Диамер-Сонирил, ни Канцлер так ни разу и не навестили Ту Сторону — в отличие от Марлока, несколько раз пропадавшего на неделю (ну, пропадавшего в переносном смысле, его всякий раз бдительно охраняли люди Сварога)...

Все. Осталось девять минут. Нелепо, смешно и глупо было бы торчать тут до последнего — и Сварог, отбросив сигарету, ускоряя шаг, направился к балкону. На ходу расстегнул куртку, стащил ее и отбросил не глядя. Куртка принадлежала э т о м у миру, куплена для него в Саваджо и должна была остаться здесь — все равно она не преодолела бы до сих пор остававшийся загадочной незримый барьер.

Поднявшись на подъемнике, оглянулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как подъемник рассыпается тучкой серебристой пыли, тут же растаявшей в прозрачном воздухе. Вот и все, на Той Стороне не осталось ничего, сделанного на Этой, — окурки сигарет не в счет...

Вошел в комнату, аккуратно притворив за собой балконную дверь. Комната была ярко освещена полудюжиной карбамильских ламп — здесь, как всегда в эту пору, стояла глубокая ночь. Кресел хватало, но никто не садился, люди стояли, не сводя глаз с балкона, — Яна, Канцлер, профессор Марлок, Элкон, Канилла Дегро. Именно таким составом Сварог с Канцлером решили и ограничиться. Сидели только два научника из Техниона — единственные здесь люди, которым предстояло быть не просто зрителями, а работать с аппаратурой, не отвлекаясь на происходящее за окном. Один управлял генератором защитного поля, второй — гораздо более сложными и разнообразными электронными устройствами, скопищем детекторов и датчиков, готовых собрать информацию о происходящем за балконом — все, чем только располагала современная наука, что-то и прежде было в употреблении, что-то извлечено из парочки тарлемонов. Марлок настаивал, чтобы для наблюдений за Штормом мы оставили несколько орбиталов, но большинством голосов решили не рисковать...

— Четыре минуты, — громко сказал Сварог.

Яна выступила вперед, простерла руки к балкону, да так и осталась в этой напряженной позе. Золотистые пряди ее волос стал пошевеливать легкий ветерок, которого больше никто из присутствующих не ощущал, с ее поднятых ладоней срывались и тут же гасли длинные, медленные синие искры. Поставила защиту посредством Древнего Ветра, уверяла, непроницаемую, и приходилось ей верить — Яна оказалась единственным человеком в Империи, владевшим Древним Ветром. Как она объяснила, защита эта невидимым занавесом проходила посередине балкона — а у самой стены, окна и двери только что включилось силовое поле, самое, так сказать, прочное и непроницаемое из всех, какими располагала техника Империи. Тройная защита — это обнадеживает, хотя невозможно погасить волнение и тревогу: если Шторм прорвется в этот мир, подумать жутко, что может произойти.

Минуты ползли медленнее ленивой улитки — три, две... Сварог вдруг обнаружил у себя во рту сигарету, машинально поднес огонь на кончике пальца и жадно глотал дым, стряхивая пепел на пол.

Счет пошел на секунды...

Сварог невольно вздрогнул — за окном потемнело, как бывает при сильной грозе. Темные клубы то ли пыли, то ли дыма вплотную подступили к внешнему незримому барьеру, заколыхались перед ним, словно отгороженные высокой стеклянной стеной. Пока что барьер держался. То ли дым, то ли пыль стусились, стало еще темнее, клубы слились в непроницаемую пелену, в ней вдруг зажглись длинные ветвистые зеленые и алые молнии, опять-таки медленные, они становились все длиннее и разветвленнее, сплетались причудливой паутиной... Послышался и окреп странный глухой рокот, не похожий ни на один привычный звук, — барьер исправно пропускал все звуки, раздававшиеся на Той Стороне.

Кто-то за спиной Сварога непроизвольно охнул. Меж ветвившимися молниями стали вспыхивать клубки неяркого желтого пламени, иные быстро гасли, иные мерцали, словно спятившие светофоры, рокот остался, но более не усиливался, а вот темнота стала угольно-черной, казалась осязаемой...

Неизвестно, сколько прошло времени, — Сварог, не глядя, притоптал подошвой окурок и стоял в каком-то оцепенении — как, надо полагать по напряженной тишине, и остальные, — даже не пытаясь взглянуть на часы.

Понемногу стали гаснуть неведомые огни, их становилось все меньше, а там они и совсем пропали, зелено-алая паутина стала истаявать, на Той Стороне становилось все светлее, и наконец вернулся ясный солнечный день, уже, надо полагать, не осенний — вместе со слишком многим исчезли и времена года...

Мир за окном изменился. От густого соснового леса остались даже не голые стволы — остатки толщиной примерно в руку, иные покосились, иные рухнули, иные остались вертикальными — никогда раньше не виденная, чем-то отвратительная картина. Вот и все доступные взгляду изменения.

— Защитное поле выдержало, — бесстрастно доложил техник.

Второй столь же бесстрастно произнес:

— Все параметры вернулись к норме. Абсолютно никаких отклонений.

Яна ничего не сказала, но медленно опустила руки, ее волосы больше не колыхались. Сварог подумал: подстраховка оказалась ни к чему, незримый барьер и так выдержал. Он слышал, как за его спиной люди задвигались, переступая с ноги на ногу. Словно избавившись от некоего наваждения, он поднял руку и взглянул на часы. Ощутил лишь вялое удивление при полнейшем отсутствии других чувств и эмоций. Все продолжалось семь минут. Семь минут — и прежний мир провалился в небытие...

Техник столь же бесстрастно доложил:

— Радиопередач нет. Телесигналов нет. Более не фиксируется каких-либо излучений искусственного происхождения.

Чего и следовало ожидать — высокоразвитая техническая цивилизация перестала существовать. Только на орбите все так же кружат с дюжину станций, и на борту одной из них — герцог Тагераш, которому наверняка еще не пришла в голову мысль провозгласить себя Императором...

Сварог не удержался — подхватив со стола бинокль, бросился на балкон. Никто ему, конечно же, не препятствовал, не произнес ни слова.

Вытянул руку — незримый барьер, совершенно как прежде, пропустил ее на Ту Сторону. Встал у каменных перил слева, поднял к глазам бинокль и привычно покрутил рубчатое колесико.

Саваджо больше не было. На месте крайних домов Сварог увидел лишь бесформенные кучи обломков, над которыми курились многочисленные высокие дымы. Автострада пуста, ни одной машины, кое-где бетон зияет ямами и глубокими трещинами, хаотично разбросанными там и сям. Гостиницы он отсюда не видел, но замок, естественно, уцелел — или та его часть, где располагался балкон. Подступавший к нему густой кустарник исчез начисто — а вот широкий, медленный Ител как и прежде струился безмятежно и величаво. Увидев там какое-то движение, Сварог нацелил бинокль в ту сторону. Течение несло кормой вперед лежащее на боку, кажется, неспешно погружавшееся, белое суденышко с широкой зеленой полосой по борту и начищенными буквами у форштевня — «НАЯДА, САВАДЖО». По виду — дорогая роскошная игрушка, яхта какого-то толстосума. Ничего живого вокруг.

Вернувшись в комнату, Сварог со стуком отложил бинокль на столик. Все, кроме техников, смотрели на него так, будто ждали некоего откровения — а откуда ему взяться?

Сварог лишь молча пожал плечами.

ОСКОРБЛЕНИЕ

Прием пищи, казенно выражаясь, для татарских королей с давних пор превратился в скучную церемонию, для взгляда Сварога чуточку противоестественную. Он еще мог понять Большие Королевские Обеды, проходившие ровнехонько пять раз в год, по торжественным дням. Этакие праздничные кремлевские банкеты. В огромном роскошном зале со статуями по углам, фресками и мозаикой (исключительно на гастрономические темы) за три длиннющих стола усаживалось человек двести. Играли музыканты, после каждого тоста палили холостыми пушки дворца, порой появлялись плясуньи и акробаты. Протокольное мероприятие, говоря языком покинутого им навсегда мира, докучливое, но необходимое — как военные парады и торжественные шествия Гильдий в дни больших цеховых праздников.

Однако и повседневные завтрак, обед и ужин пышно именовались Королевскими Трапезами — Утренняя, Обеденная, Вечерняя — и проходили по устоявшемуся ритуалу. Малая Трапезная, конечно, значительно уступала размерами «банкетному залу», но сути дела это не меняло.

За стол, кроме Сварога, усаживалось человек двадцать — выражаясь спортивными терминами, половина постоянного состава, удостоенная такой чести либо за заслуги на гражданском, военном или ученом поприще, либо просто по желанию короля. Это считалось нешуточной честью, не уступавшей по значению иному высокому ордену.

Едва вступив на свой первый престол в Равене, Сварог эту замшелую традицию поломал — и потом поступал так в других благоприобретенных королевствах. Что оказалось не таким уж и потрясением основ — многие короли до него так и поступали, в том числе и названный отец Конгер Ужасный, не терпевший, чтобы ему смотрели в рот за едой. Правда, к делу Сварог подошел творчески: не стал отменять Королевские Трапезы вообще, чтобы сохранить возможность поощрять отличившихся, не разбрасываясь орденами, дворянскими званиями, землями и золотом. Всякий раз на минутку заходил в Малую Трапезную, любезно приглашал гостей откусать и уходил в свои покои, где накрывали стол для него одного, а с некоторых пор и для Яны. По донесениям вездесущего Интагара, не обходившего вниманием все бытовые подробности Латеранского дворца, гости за столом нимало не огорчались его отсутствием — главное, они сохраняли вызывавшую лютую зависть многих привилегию («постоянный состав» гордо носил на левой стороне груди особый золотой медальон).

Правда, он не всегда сидел за накрытым столом либо бирюком, либо в обществе Яны. Часто приглашал на обеды и ужины гостей по собственному выбору: Каниллу, Томи (без Лемара!), Интагара, Гарайлу, Старую Матушку, Брейсингема и Элкона (когда последние трое приезжали по делам в Латерану). Чтобы это смотрелось не королевской прихотью, а частью придворного этикета, он объявил такие застольные посиделки Малыми Королевскими Трапезами, о чем издал соответствующий указ. Первое время п о с т о р о н н и е всячески

пытались на них попасть, интригуя и кланча, — но быстро поняли, что мечта это несбыточная, и смирились с неизбежностью. Один маленький нюанс: Сварог взял пример со Сталина. Очень часто его обеды, а особенно ужины превращались в деловые совещания, чтобы совместить приятное с полезным. Так что за его столом оказывались и Гаржак, и другие люди дела из числа ближайших сотрудников или вызванные для срочного решения какого-нибудь неотложного вопроса.

Сейчас он готовился завтракать в полном одиночестве — Яна должна была прилететь только к обеду. Попыхивая одной из первых утренних сигарет, неторопливо прохаживался по комнате, пока его камердинер Фолькош привычно и сноровисто, как делал уже три месяца, накрывал на стол.

Фолькош, плотный мужчина средних лет с расчетливыми движениями и первой сединой на висках, ему определенно нравился, дворцовый служитель в третьем поколении, он, подобно слугам из английских романов, был услужлив и предупредителен, но не подобострастен — а это, по убеждению Сварога, ценное в людях качество.

Вот только... Последнюю неделю Фолькоша явно что-то угнетало.

На расспросы Сварога он всякий раз ссыался на легкое нездоровье и отрицал, что у него что-то случилось. Причем всякий раз врал. Это было чуточку неправильно. Как и то, что Фолькош ни разу не попросил помощи — а уж ему-то было прекрасно известно, что Сварог всегда решает мелкие проблемы лично ему близких дворцовых служителей — тех, к кому благоволит. Порой в отношении той или иной персоны приходилось проявлять регулярную заботу. Как, например, обстояло с одним из поваров королевского стола Картешом. Была у жизнерадостного толстяка одна маленькая страстишка: обожал в вольные часы не просто шляться по кабакам, а затевать там драки, желательно с применением всевозможной посуды и скамеек. Часто приходи-

ло и до полиции. Сварог его всякий раз вытаскивал из неприятностей: в конце концов, Картеш не бросался на всех подряд мирных посетителей, а схватывался с такими же, как и сам, обожателями кабацких потасовок. Что важнее, Картеш лучше кого бы то ни было на дворцовой поварне готовил пельмени, жареного поросенка, перепелов с брусничным вареньем и кучу других яств. И был вообще непревзойденным в стряпанные пироги — поджаристых, пышных, таявших во рту. Яна особенно любила пироги с омарами — маленькие, величиной с палец (Сварог и сам воздавал им должное под выдержанный келимас). Ну как тут было не вызывать регулярно из узилища кулинарных дел искусника? К тому же, соблюдавшего наказ Сварога — никого не калечить и расплачиваться с трактирщиками сполна за причиненный мебели и посуде ущерб?

В конце концов, чтобы не увязнуть в мелких дрязгах, Сварог отыскал неплохое решение. С помощью придворного художника и опытных мастеров-чеканщиков быстренько изготовил байзу на цепочке на манер полицейских блях. А Интагар моментально отправил полиции протектора строгий циркуляр: задержанных с таксой байзой немедленно отпускать, если их прегрешения хоть и подлежат Карному кодексу, но не вышли за рамки обычных кабацких драк, если обошлось без смертоубийства и серьезного членовредительства. С тех пор бляха пару раз сработала. О том, что единственным ее обладателем стал Картеш и король не намерен число счастливиц умножать, полиции, разумеется, никто не сообщил...

Исподтишка наблюдая за камердинером, Сварог окончательно уверился: что-то не в порядке. Накрывая на стол, Фолькош три раза подряд сделал промахи, недопустимые для опытного слуги, тем более в третьем поколении. Сначала бутылка громко стукнула о край тарелки, потом Фолькош уронил вилку и едва успел подхватить ее на лету, и наконец, едва не опрокинул один из соусников, ставя его на стол, многовато, даже

для начинающего непозволительно... В чем тут может быть дело?

Дети, быть может? Вдовец Фолькош воспитывал сына и дочь, в которых души не чаял — по докладу Интагара, при поступлении его в должность просветившего Фолькоша получше, чем рентгеном, о котором представления не имел. Сыну одиннадцать, может быть, связался с дурной компанией уличных мальчишек, каких в Латеране хватает?

Неубедительно. В этом случае камердинер, пожалуй, сумел бы справиться своими силами, в крайнем случае, прибегнув к помощи кума, служившего в квартальном полицейском участке. Гораздо вероятнее, дочь — ей пошел шестнадцатый год, как говорят люди Интагара, красоткой растет...

Именно в этом возрасте иные девицы начинают доставлять массу хлопот родителям. Появляются первые вполне взрослые желания, а в голове — ветер. Брачный возраст на Таларе как раз и начинается с пятнадцати лет. На деле крестьяне женят сыновей и (гораздо менее охотно) выдают замуж дочек и в четырнадцать, и в тринадцать. К легкости нравов, а уж тем более распущенности это не имеет ни малейшего отношения. Работает извечный крестьянский рационализм: жена сына — лишняя пара рабочих рук в хозяйстве (соответственно, отдать дочь замуж — лишиться пары рабочих рук). Эта традиция тянется в деревне с незапамятных времен и приобрела такой размах, что с ней совершенно не борются. Разве только староста, сельский стражник и сельский писарь усматривают прекрасную возможность получить мелкую мзду — и получают, строго оговоренную той же традицией.

Пожалуй, это версия, вполне имеющая право на жизнь. У пятнадцатилетней горожанки свободно может появиться не просто воздыхатель, а любовник, дело вполне житейское и не такое уж редкое. Любимая доченька завела кого-то, кто папе пришлось категориче-

ски не по нутру — быть может, вполне справедливо. Можно пойти дальше и предположить, что дочкин амант не по зубам ни Фолькошу, ни его куму, допустим, гвардеец или даже дворянин, мало ли таких парочек? Вот и оказался верный камердинер в расстройстве чувств, а к Сварогу обращаться по каким-то своим причинам не хочет.

И Сварог наугад спросил:

— Как дети, жамый Фолькош? Как дочка, хлопот не доставляет?

Ага! При упоминании о дочке камердинер явно з а м я л с я и постарался не встречаться взглядом со Сварогом. Ответил не сразу, глядя в сторону:

— Никаких, ваше величество. Откуда хлопоты?

К сожалению, вопрос Сварога был сформулирован так, что ответ на него не позволял определить, говорит Фолькош правду или же врет. Более конкретных Сварог по размышлению задавать не стал. Была очень простая возможность одним махом разгадать загадку: поручить все Интагару, а уж его люди постараются, уже к вечеру раздобудут ответы на все загадки. Точно, дать такое поручение сразу после завтрака. Сварог терпеть не мог, когда у кого-то из его ближайшего окружения возникали тягостные проблемы. А уж бытовые сложности своего камердинера король в состоянии решить на счет «раз»...

Ну все, Фолькош закончил сервировать стол, не допустив больше никаких промахов. Отступил на шаг от стола, оказавшись совсем близко к Сварогу, но вместо того, чтобы и по этикету, и просто по обычаю пожелать «доброго аппетита», уставился через плечо Сварога куда-то под потолок с таким видом, словно узрел привидение самого злокозненного облика.

— Что такое? — спросил Сварог без всякого недовольствия.

— Ваше величество... — чуть запинаясь, сказал камердинер. — Извольте взглянуть... Гардина плохо приколочена, вот-вот отвалится...

Пожав плечами, Сварог повернулся к стене, оказался спиной к Фолькошу...

Сильный удар ниже левой лопатки, противный скрежет металла о металл!

Сварог не потерял ни секунды — рефлексы сработали. Поймав запястье камердинера, выкрутил его так, что кинжал с глухим стуком упал на пол. Ничего еще не понимая, чисто машинально ударил, закрепляя успех, провел не самый хитрый прием, и покушавшийся головой вперед улетел в угол столовой, опрокинув по дороге легкое кресло. Не теряя времени, распахнул дверь и крикнул особенно громко:

— Ко мне!

Моментально влетели Барута и один из его племянников, с одного взгляда оценили обстановку — перевернутое кресло, кинжал на полу, скорчившийся в углу злоумышленник, начавший уже оживать, шевелиться и охать. Без команды кинулись к нему, подняли шитый золотом широкий воротник ливреи, установили на ногах, крепко держа за локти. В дверях стоял второй племянник, положив руку на эфес сабли, а за его плечом маячила озабоченно хмурая физиономия вездесущего Интагара. Больше никого в прихожей не было — это все же не приемная королевского кабинета.

Парочка выразительных жестов Сварога — и племянник отступил, а Интагар, наоборот, вошел в столовую, тихонько прикрыв за собой дверь.

Сварог поморщился: под лопаткой ощутимо побаливало. Мерзавец бил во всю силу, наверняка набухнет приличный синяк, но нет времени его лечить. Что ж, не зря он последние годы не выходил из своих покоев без кольчуги тройного плетения из толладской стали. Лучший на Таларе доспех — легкий, но идеально держит любой холодняк и даже пулю, если выстрел сделан не в упор. Стоит дорого, но такие кольчуги, как горячие пирожки, расхватывают военные, пираты и купцы, разъезжающие по небезопасным местам. Ни одна живая душа во дворце, за исключением Яны, о кольчуге не

знала. Искусный портной, правда, определенно догадывался — он с некоторых пор шил для Сварога кафтаны, камзолы, мундиры с неуловимыми на глаз дефектами, надежно скрывавшими твердые складки кольчуги. Вот игодились и кольчуга, и дефекты...

Подняв с пола кинжал с коротким широким лезвием, Сварог после недолгого осмотра хмыкнул и pokrутил головой: чересчур роскошное оружие для рядового наемного убийцы: лезвие знаменитого картагайского булата, синеватое с черными разводами, рукоятка искусной работы, черканная с позолотой, три крупных рубина в наверху и на концах крестовины. Обычно именно такие игрушки предпочитают злоумышленники из благородных, считающие, что и в покушении на короля следует соблюдать определенный этикет... На лезвии ни следа яда — то ли не нашлось под рукой, то ли, что вероятнее, знает: против лара такие пошлости бессильны...

Похлопывая лезвием по левой ладони, Сварог распорядился:

— Посадите этого скота.

Ратагайцы вмиг подняли кресло и забросили на него камердинера. Встали, крепко держа за локти Фолькоша — хотя тот не делал ни малейших попыток вырваться.

Вот теперь можно было рассмотреть злоумышленника обстоятельно, не торопясь. Очень быстро Сварог почувствовал нешуточное изумление: и здесь что-то было не вполне правильно. Платные убийцы не делают свое дело без всяких эмоций и, оказавшись схваченными, неважно, удалось покушение или нет, впадают в лютую угрюмость — хорошо понимают, что их ждет вместо пригоршней золота.

Камердинер не устал на Сварога со жгучей ненавистью, бессильной злобой, даже нижнюю губу прикусил от избытка чувств. Похоже, что деньги тут ни при чем. Именно так держатся люди и д е й н ы е, главным образом из благородных, схватившиеся за кинжал не

ради презренного металла, а ради той цели, что представляется им высокой. Если вспомнить два прошлых покушения, когда злоумышленников удалось сцапать уже во дворце... Один, коридорный лакей, как раз соблазнился золотом Лавинии Лоранской, а вот второй, придворный гвардеец, именно что был в некотором роде идейным — дальний родственник прежнего королевского дома, горевший желанием отомстить узурпатору за свержение династии. Дохленькая, но все же идея. И держался он, будучи скручен, в точности так, и кинжал у него был гораздо шикарнее надежного, но простого ножа того лакея...

Интагар развел руками, сокрушенно сказал:

— Ваше величество, ведь по три раза проверяли каждого, кто получал доступ в ваши покои. Ничего, он у меня быстренько признается, у кого брал золотишко...

— Думаю, и на сей раз золотом и не пахнет, — сказал Сварог уверенно. — Присмотритесь к нему внимательнее, Интагар. Кроме прочего, яростная уверенность в собственной правоте, ни капли раскаяния или сожаления... Идейный, точно, — он сделал шаг вперед, остановился перед взъерошенным камердинером и прикрикнул: — Ну! Что там за высокая идея тобою двигала? Вы же, такие, никогда о своей высокой идее не молчите, наоборот. Так что там у тебя? Бабушку посадили за контрабанду? Незаконный отпрыск покойного короля, и тебе стало обидно за папеньку? Или просто обошли золотом на плечо, и виноват в этом исключительно я? Ну, валяй, откровенничай!

Камердинер усмехнулся криво и словно бы даже безглаголиво, протянул:

— Сами все прекрасно знаете, ваше величество...

Вот что значит вышколенный дворцовый слуга, вдобавок в третьем поколении — даже в такой ситуации не тыкает своему королю и не может обойтись без титулования. Тот дворянин Сварогу и тыкал, и площадным матом крыл от избытка чувств и бессильной злости...

— Что я такое должен знать? — пожал плечами Сварог. — Представления не имею, о чем ты... — И крикнул: — Отвечать, когда король спрашивает!

Он прекрасно знал, что именно такой приказной окрик отлично действует не только на военных, но и на вышколенных слуг — иные рефлексy крепенько вбиваются в подсознание. И не ошибся: Фолькош, не отводя ненавидящего взгляда, довольно спокойно ответил:

— Я не для того растил и воспитывал дочку, чтобы она стала вашей постельной игрушкой, да еще таким вот манером...

Вот теперь Сварог был не просто удивлен — ошеломлен. Но растерянность длилась недолго. Решив не тянуть кота за хвост, приказал р а т а г а й ц а м:

— Отпустите его.

Те повиновались, хотя и зло посверкивали глазами на пленника.

— Интагар, подайте чарку келимаса, — распорядился Сварог.

Едва ли не моментально получив требуемое, сунул чарку в руку камердинера, ничуть не дрожавшую, крикнул:

— Пей до дна!

Тот, чуть помедлив, осушил чарку до дна, не пролив и капли, с отчаянной решимостью человека, знающего, что это последняя чарка в его жизни. Забрав у него пустую чарку, Сварог, не глядя, сунул ее Интагару. Крепко ухватил камердинера за жесткую от обильного золотого шитья ливрею на груди, поднял из кресла как куклу и, уставясь ему в глаза, произнес насколько мог убедительнее:

— Королевское слово: я в жизни твоей дочки не видел, только слышал, что она есть на свете. Королевское слово при трех свидетелях — как, по-твоему, убедительно? Не станет размениваться на ложь король, особенно перед мелюзгой, вроде тебя. Что скажешь?

На лице камердинера появилось безграничное удив-

ление, весь он как-то обмяк. И, заполошно уставясь на Сварога, протянул совершенно другим голосом:

— Но как же так...

Сварог ощутил себя взявшей свежий след охотничьей собакой — положительно, тут что-то интересное и уж никак не рядовое... Взял стул, присел, бросил через плечо:

— Присаживайтесь, Интагар, чует мое сердце, разговор будет долгим. Но сначала налейте-ка и мне... и себе тоже.

Уже ясно было, что пройдет гладко — на лице камердинера злость и ненависть быстро сменились нешуточным ошеломлением. Он произнес растерянно:

— Что же они со мной так...

Неосознанное орудие в чужих руках? Очень на то похоже.

Ободренный этой репликой Сварог прикрикнул:

— Вот и выкладывай все быстренько! Так посмотрим, что с тобой делать. У тебя ж двое детей без матери...

Камердинер заговорил — сначала взвешивая каждое слово, потом гораздо более охотно.

Любопытнейшая оказалась история!

Камердинер жил неподалеку от дворца — только широкую улицу перейти. Там с давних пор располагался район, официального названия не носивший, но давным-давно прозванный горожанами Золотогалунным Кварталом. Примерно в полусотне небольших, но приличных каменных домиков обитали старшие слуги обоего пола и всех разновидностей, так сказать, сержантско-старшинский состав. Домик купил еще дед Фолькоша.

В один далеко не прекрасный день Фолькош, вернувшись домой до ночной темноты, к своему удивлению узнал от сына, что дочку Танету полчаса назад увезли в кабаре «господа из дворца». Ничего не понимающий Фолькош, сначала хотел броситься за полицейской помощью, но быстро передумал: «господами из замка»

оказались двое коридорных лакеев, прекрасно сыну знакомых — они к Фолькошу не раз приходили посидеть за кружкой пива, сыграть в карты или в кости. Не то чтобы закадычные друзья, но, безусловно, добрые приятели. То, что Танету увезли в неизвестность именно они, лишь прибавляло недоумения и растерянности...

Неизвестностью Фолькош терзался недолго. Уже примерно через квадранс к его домику подкатила карета, без гербов, и вошел совершенно неожиданный гость, маркиз Чатар, первый гофмейстер дворца, то есть согласно табели о рангах второй после министра дворца сановник. Такое в Золотогалунном Квартале случалось раз в сто лет. Переводя на армейские мерки — как если бы гвардейский генерал по-простецки заглянул в гости в казарму, к рядовому из простых...

Нежданный визитер сразу взял быка за рога: уведя хозяина в заднюю комнату, с ходу выложил все самым благожелательным, даже дружеским тоном, каким генералы с рядовыми обычно не разговаривают. Оказалось, юная красавица Танета удостоилась благосклонного внимания светлого короля Сварога Барга. Как-то его величество, проезжая по Золотогалунному Кварталу, увидел во дворике одного из домиков девушку — и живо ей заинтересовался. О чем сказал своим спутникам... Любые королевские желания (если только речь не идет о стремлении, скажем, достать звезду с неба или повернуть Ител вспять) исполняются быстро и качественно. Карета за Танетой приехала в тот же вечер...

Значительно воздев указательный палец, маркиз говорил веско:

— Уж вы-то, жамый Фолькош, должны такие вещи понимать гораздо лучше многих других — во дворце служили еще ваши отец и дед... Желаниям его величества подчиняются и люди неизмеримо выше вас. Что уж о вас говорить? Вы не первый и не последний. Вам от этого будет только выгода, и вашей доченьке тоже, так что очень надеюсь, что вы себя покажете благодарным человеком...

И уехал, оставив на столе тяжелый мешочек, в котором оказалась сотня золотых и высший знак отличия для дворцовых слуг — золотой нагрудный медальон особого вида...

Фолькош отправился на кухню и нанес изрядный урон винному шкафчику. Танету привезли домой ранним утром. На пальце у нее красовалось золотое кольцо с большим бриллиантом — по-королевски щедрый подарок. Упав лицом в подушку, девушка так и лежала, не отвечая на расспросы отца. Фолькошу пора было на службу, и он быстро отыскал неплохое решение: рассказал под величайшим секретом все соседке. Соседка, сорокалетняя вдовушка, тоже из породы потомственных дворцовых слуг, когда-то была женой не простого дворцового фонарщика — смотрителя за фонарями целого этажа. С жизнью он расстался три года назад отнюдь не по своей воле. Был большим любителем заложить за воротник, в том числе и на службе. Долго как-то обходилось! Но однажды лейб-фонарщик чувствительно перебрал по случаю дня рождения, грянувшись с довольно крутой Изразцовой лестницы. Доложили Сварогу все, как есть. Пребывая в хорошем расположении духа, Сварог велел шума не поднимать, а списать все на несчастный случай — на той же лестнице точно так же закончил дни трезвехонький благородный герцог преклонных лет. Чуть ханжески произнесся тираду о вреде алкоголя и узнав, что у бедолаги осталось двое детей, Сварог распорядился назначить вдове обычный пенсион по случаю утраты кормильца.

Фолькош и вдовушка считались просто добрыми соседями, но многие знали, что они втихомолку поддерживают гораздо более нежные отношения, о чем стало известно людям Интагара (ни он, ни Сварог, в общем, не посчитали это компроматом, помешавшим бы Фолькошу стать королевским камердинером). Вот уже три года вдовушка по мере возможности помогала соседу воспитывать детей, была с ними в прекрасных отношениях, особенно с Танетой. Вот Фолькош и решил, что с ней

Танета будет гораздо более откровенной, нежели с родным отцом.

Оказалось, он рассчитал все правильно. Вернувшись вечером из дворца, он первым делом направился к соседке. Поначалу Танета и с ней отказалась разговаривать, но понемногу вдовушке удалось ее разговорить...

Перепуганную Танету, проводя с ней по дороге откровенную «разъяснительную беседу», привезли в домик на незнакомой ей улице, где за богатым столом восседал не кто иной, как король Сварог — Танета уже год служила помощницей одной из дворцовых белошвеек и короля видела несколько раз, так что узнала его моментально.

«Король Сварог», не размениваясь на ухаживания, отпустил пару дежурных комплиментов и пошел на штурм. Танета, еще девушка, стала сопротивляться. Тогда «король», как написали бы авторы любовных романов, бесцеремонно воспользовался ее благосклонностью, а называя вещи своими именами, изнасиловал и промучил до утра, невзирая на ее слезы и робкие протесты...

Так оно с тех пор и повелось — вечером за Танетой приезжала одна и та же карета, а утром девушка возвращалась всякий раз с новым роскошным украшением: серьги, браслет, кольцо... С неизбежным она быстро примирилась — но часто плакала в подушку. Дело в том, что кандидат в воздыхатели у нее имелся — старший сын означенной вдовушки, ее ровесник, как и она в силу семейных традиций служивший младшим помощником конюха в одной из тех дворцовых конюшен, где содержались верховые кони Сварога. Заметив, что меж молодыми людьми определенно что-то завязывается, камердинер и вдовушка, люди практичные, подумывали их через годик поженить. Но теперь Танета в крайнем расстройстве чувств перестала с парнем общаться, он ничего не понимал и злился, подозревая на горизонте более взрослого и удачливого соперника. Оберегая его от излишних сложностей жизни, взрослые

ни во что не посвящали. Однако он каждый вечер видел карету своими глазами и, будучи неглупым, сделал правильное, в общем, заключение: о «короле Свароге» он, понятное дело, ничегошеньки не знал, но решил, что его симпатия завела себе любовничка из благородных — дело в Латеране обычное. Что только подлило маслица в огонь: все свободное время юнец торчал во дворе, подстерегая девушку, чтобы устроить то ли решительное объяснение, то ли закатить сцену ревности в лучшем стиле юных сопляков. Видевшая его из окна Танета безвылазно сидела дома, а перехватить ее на улице пылкому Ромео никак не удавалось — в разное время уходили на службу, в разное время возвращались. Что лишь прибавляло напряженности и житейских хлопот...

Фолькош оказался в сложном положении. Несмотря на семейные традиции и вышколенность, он по характеру оставался горячим и беспокойным. Однако вынужден был сидеть смиренхонько. Сознавал, что маркиз говорил чистую правду: и герцоги, и графы, оказавшись в схожей ситуации, безропотно повиновались желаниям венценосцев. Более того — за редчайшими исключениями, только радовались, стараясь извлечь из ситуации максимум выгоды. Что многим удавалось как нельзя лучше...

Фолькош не искал ровным счетом никакой выгоды — но и особой злобой поначалу не исходил. Откровенно признался: скорее всего, он — в конце концов — запрягал бы чувства поглубже и примирился бы с происходящим. Выше головы не прыгнешь, плетью обуха не перешибешь, против лома нет приема... И так далее. В конце концов, происходящее было вещью давно известной и где-то даже обыденной. Так этот мир устроен, что простолюдинам частенько приходится служить игрушкой богатых и знатных сильных мира сего, тем более королей.

Одно немаловажное уточнение: Фолькош повел бы себя так, окажись отношения короля и Тане-

ты о б ы ч н ы м и. А они таковыми безусловно не были. Несколько дней назад Танета приезжала с припухшими глазами. А потом все стало еще хуже. Вдовушке все труднее становилось ее разговорить — но все же удавалось. И она встречала Фолькоша все более мрачной...

Было от чего помрачнеть. Очень быстро «король Сварог» оставил далеко позади «Фонтан наслаждений», чуть ли не все, что он с девушкой вытворял, было чистейшей воды извращением. Сама Танета это не всегда и понимала по недостатку опыта (в точности как когда-то Вердиана), но Фолькош со вдовушкой, люди взрослые и лучше знающие жизнь во всех ее проявлениях, ошибаться никак не могли — пышный букет извращений, и никак иначе...

В последний раз было совсем худо. Танета приехала зареванная, с богатым ожерельем на шее, достойным герцогини. Ожерелье она тут же зашвырнула в угол, форменным образом рыдала, так что вдовушке удалось поговорить с ней по душам лишь после пары часов мягких, ласковых уговоров...

В самом деле, это уже вылезло за всякие рамки...

Когда Танета в ужасе забилась в угол, кликнул трех дюжих лакеев...

Мало того, со змеиной улыбкой заявил, что на будущее придумал кое-что «еще более интересное». Что это может оказаться, Танета боялась и гадать. Сквозь слезы говорила вдовушке, что всерьез подумывает о самоубийстве, что не видит другого способа развязаться со всем этим ужасом.

И Фолькош, и вдовушка, не на шутку обеспокоенные, боялись, что это не пустые слова. Осуществить свой замысел Танете удалось бы легко: на кухне стояла бутылка уксусной эссенции — давно известной таларской кулинарии и, как случалось и на Земле, не раз служившей тем, кто решил свести счеты с жизнью, не озабочиваясь мучительностью процедуры...

Вот это было уже совсем серьезно. Ни Фолькош, ни вдовушка не могли надзирать за девушкой кругло-

суточно. Убрать бутылку из кухни, вообще из дома — не выход. Возможностей остается немало: повеситься, перерезать вены отцовской бритвой, утопиться в Ителе, броситься с высокой башни, наподобие Звездной — одним словом, пустить в ход немалое число излюбленных самоубийцами способов. И ведь не усмотришь за ней! Хорошо еще, что последние три ночи «король Сварог» карету за девушкой не присылал — но вряд ли собирался оставить ее в покое...

На службу камердинер ходил исправно, но Сварог именно тогда впервые заметил: что-то с ним не то. А потом дело приняло неожиданный оборот...

Фолькош честно признался: именно тогда у него появились первые мысли убить короля. Сначала мысль эта просто мелькнула, испугав не на шутку, улетучилась, какое-то время не возвращалась, но вскоре стала возвращаться чаще, оставалась надолго, становилась все более устойчивой, даже привычной, крепла... Фолькош понял, что р е ш и л с я...

И тут к нему подошел чин, во дворце немаленький — барон Батарес, смотритель одного из этажей, командовавший немалым числом коридорных лакеев и слуг, уборщиков, фонарщиков и прочего служивого народа. Держась как с равным, позвал к себе в покои, выставил бутылку хорошего келимаса. Камердинеру он не был непосредственным начальством, но все равно, разница в положении чересчур велика. Поначалу Фолькош почувствовал себя крайне скованно, но барон держался со всем расположением, и камердинер, конечно, не вел себя с ним на дружеской ноге, но держаться стал свободнее...

Барон раскрыл карты, когда в бутылке еще не успело показаться дно. Сказал, что узнал от знакомых из дворцовой стражи, обязанных знать все, связанное с королем и даже немного больше, как король обошелся с дочкой камердинера. Разлил по новой и признался с неприкрытой тоской: несмотря на разницу в положении, они оказались собратями по несчастью. Третью неделю

король Сварог обходится так же с его дочкой, которой едва минуло четырнадцать. Разве что в роли первого гофмейстера у барона выступил Интагар. Барон еще поклялся честным дворянским словом: положила руку на сердце, мы все — живые люди с присущими роду человеческому изъянами и недостаткам. Барон ничуть не пытается казаться лучше, чем он есть, а потому не стыдился признаться: очень возможно, он смирился бы с происходящим, а то даже и попробовал бы извлечь для себя какую-то выгоду... окажись отношения короля и его дочери о б ы ч н ы м и. Но в том-то и печаль, что таковыми они, безусловно, не были. Сам он просто-напросто не смог расспрашивать дочку либо поручить это жене — и все взяла на себя доживавшая век в его доме старая нянька девушки, знавшая ее с колыбели и пользовавшаяся ее полным доверием. От рассказов старухи у барона волосы встали дыбом: не обычные любовные свидания, а изнасилование в первую же ночь, продолжившееся чередой неприкрытых извращений, о которых он и рассказывать не хочет (камердинер прекрасно понял и с вопросами не лез).

Дело не ограничилось девичьими рыданиями в подушку и неприкрытой тоской, все обстояло гораздо хуже. Настолько, что домашний лекарь барона, знавший юную баронессу с пеленок, стал всерьез опасаться за ее умственное здоровье. В причины он, конечно, не был посвящен, а откровенничать с ним барон не мог, хотя и знал медика больше двадцати лет и был в нем полностью уверен. Просто-напросто что-то останавливало. Фолькош и тут барона прекрасно понял — он сам не смог рассказать о случившемся даже тем, в ком был полностью уверен, — останавливало что-то, чему он, как и барон, не мог подобрать точного определения. Т а к о е с ним случилось впервые в жизни, весь прошлый жизненный опыт категорически не годился...

Барон располагал неизмеримо большими возможностями, чем камердинер, а потому два дня назад отправил дочку в свое дальнейшее имение, подставив убеди-

тельный предлог, что лекарь нашел у нее какие-то нехорошие симптомы в легких и категорически рекомендовал деревенский воздух. Но душевного спокойствия это барону отнюдь не прибавило, рано или поздно ей предстояло вернуться в Латерану. Могло обернуться и похуже: король, которому игрушка пришлось крайне по вкусу, мог провести об истинных причинах отъезда девушки и послать за ней людей, которым никто не посмеет дать отпор. На что-то подобное он и в разговорах с баронессой уже намекал, прямо говоря, чтобы не вздумала от него каким-либо образом сбежать — из-под земли достанет (с Танетой он подобных разговоров никогда не заводил, видимо, прекрасно понимая, что бежать ей некуда, не было у Фолькоша родни за пределами Латераны, и уж тем более поместий не имелось, ни ближних, ни дальних).

Оба отца прекрасно понимали: положение дочерей самое бедственное, и выхода нет. Так уж и нет? Барон в конце концов назвал вещи своими именами; сказал: по его глубочайшему убеждению короля следует убить, пока он не превратился в сущее чудовище. Возможно, сказал он, Фолькоша это поразит до глубины души, но это трезвое, продуманное решение. В истории такое не раз случалось — когда корона (в данном случае не одна, а несколько) бесповоротно портила людей даже добрых и прекраснодушных. Примеров достаточно. Король Сварог начинал хорошо, но незаметно (может быть, и для себя самого) превратился в мелкого тирана и законченного развратника. Есть даже заслуживающая полного доверия информация от надежных людей: обещанным девушкам король приказывает ставить на плече клеймо в виде королевской короны. Одним словом, удар кинжалом будет не чем иным, как высшей справедливостью, карой стоящему над законами самодуру — а может быть, и волей господ (оба принадлежали к церкви Единого, барон даже процитировал строки из трактата Катберта-Молота «О небесном одобрении кары за пороки человеческие»).

Должно быть, Фолькош вовсе не выглядел изумленным такими откровениями: барон продолжал еще задушевнее и доверительнее, уже о вещах насквозь практических. Он с превеликой готовностью взял бы эту благородную миссию на себя, но после долгих размышлений пришел к выводу, что шансы на успех у него ничтожны. В отличие от Фолькоша, у него нет доступа в королевские покои, а при разговоре в дворцовом коридоре он обязан согласно этикету стоять в двух шагах от короля — которого с некоторых пор безотлучно сопровождают двое хватких телохранителей и, конечно же, его схватят, едва барон примется неуклюже доставать из-под камзола кинжал. Есть и более важные соображения: барону уже за шестьдесят, нет должного проворства, к тому же, ему в жизни не случалось и курицу зарезать. Это всегда делали слуги, отнюдь не в его присутствии. На войне он не был, никогда не охотился, так что трезво оценивает свои невеликие возможности. Фолькош — другое дело, он молод, ловчее, может вплотную подойти к королю, не вызвав ни малейших подозрений, — причем в отсутствие телохранителей.

Барон был кругом прав. Фолькош тоже не был на войне, никогда не охотился, но крови как раз не пугался, был к ней привычен, как очень многие простолудины. Его жалованье позволяло держать кухарку (она же домоправительница и служанка), но вот крови она боялась панически. Много лет камердинер резал кур и кроликов (живые на базарах продавались дешевле, чем битые, ощипанные и ободранные, что немаловажно для человека, вынужденного считать каждый грош), порой и овец, когда ездил в пригородные деревни купить мяса, а пару раз приходилось и телят забивать. Наконец, он был почти на двадцать лет моложе барона, силу и ловкость сохранил...

Фолькош, не раздумывая долго, сказал, что чувствует себя готовым, и уверен — рука у него не дрогнет. Обращенный этим барон заговорил о конкретике. Достал из шкатулки и положил на стол этот самый кинжал, по

его словам, наточенный до бритвенной остроты, сказал: посоветовавшись со знающими людьми, он считает, что лучше всего и надежнее ударить в спину, прямехонько в сердце... Столь мерзкий человек, как Сварог, честного удара в грудь не заслуживает (с чем Фолькош был полностью согласен). Сказал еще: он вовсе не желает, чтобы собрат по несчастью принес себя в жертву и пошел на казнь — кто тогда позаботится об осиротевших детях? Объяснил, как, по его разумению, лучше всего покинуть дворец незаметно, а затем скрыться из Латераны. Рядом с кинжалом легли замшевый мешочек, где, по словам барона, лежало пятьсот золотых и незаполненный печатный лист, позволяющая уехать за границу, подорожная со всеми подписями и печатями. Подорожную грамотный Фолькош мог заполнить сам на столько людей, сколько понадобится — например, и на вдовушку, если она согласится, и на детей. Вдобавок вот еще рекомендательное письмо к лоранскому знакомому барона, который непременно поможет устроиться на новом месте, получить лоранское подданство. Из Лорана, где к Сварогу не питают не малейшей любви, никто Фолькоша не выдаст.

На том и расстались, больше добавить и нечего...

Сварог не выдержал: встал, подошел и остановился над незадачливым убийцей, зло выдохнул:

— Зла не хватает!.. Взрослый человек, неглупый... Ты у меня не первый год служишь, должен был меня немного узнать... Похоже это на меня или нет?

— С одной стороны, никак не похоже, — растерянно сказал Фолькош, — а вот с другой... Вы выглядели как доподлинный, уж госпожа баронесса-то вас не раз видела. В жизни не слышал про колдунов, что умеют облик другого человека принимать. Вот оно все и сложилось...

Остыв от минутной вспышки, Сварог вернулся на свое место. Фолькош протянул покаянно, с грустной покорностью судьбе:

— Рубите мне голову, ваше величество, кругом виноват, только, я вас умоляю, детей не трогайте, они ни

в чем не виноваты. Я один на удочку попался, я один и ответчик....

— Помолчи, — резко сказал Сварог. — Все молчат, король, думать будет...

Раздумывал он недолго. Все было как на ладони. Нет необходимости и на этот раз искать лоранский след. Он прекрасно знал, что и первый гофмейстер, и барон — веральфы. Где-где, а во дворце веральфов удалось выявить легко. Не далее как шесть дней назад был с обычной пышностью отмечен ежегодный Праздник Верности, когда на торжественную церемонию в большом тронном зале собираются не только все придворные, но и мимо короля на троне проходят процессией все без исключения дворцовые слуги, вплоть до самых незначительных, и у всех красная лента на плече — геральдический цвет верности. Так что задача была несложная: воссесть на троне, внимательно присматриваясь к каждому и делать отметку в памяти. Никого из избалованных он не спешил арестовывать — никуда не денутся, дождутся своего часа. Оказалось, крупно их недооценил...

Надо сказать, задумано было неплохо, где-то даже изящно. На Таларе давным-давно перевелись умельцы, способные надевать чужую личину, этим умением владеют лишь лары, так что нет сомнений: «король Сварог», охально избидевший двух непорочных девиц, — Высокий Господин Небес, наверняка тоже веральф. Ничего удивительного, что Фолькош — точнее его дочка (насчет баронессы, конечно же, гадский папа врал, как сивый мерин) искренне приняла самозванца за настоящего короля Сварога...

Один серьезнейший вопрос оставался пока что без ответа. Покушение — лишь часть более обширного плана, или веральфы пошли на это от безнадежности, не в силах ничего более предпринять? Окажись истинной второе, было бы хорошо, да что там, просто прекрасно. Но истины сейчас не доискаться...

Камердинер замолчал с видом человека, которому больше нечего сказать. Интагар уставился на Сварога вопросительно, со своим обычным хищным азартом.

— Представьте себе, он не врет нисколько, — сказал Сварог. — Значит, так все и было. Хорошенькую же свинью мне подложили эти господа...

Интагар вскочил, словно пружиной подброшенный:

— Прикажете... обоих?

— Ну, разумеется, — сказал Сварог. — Оба уже должны быть во дворце. Только сначала для пущей надежности объявите «Гром и молнию». Отправьте в дома обоих воинские команды и сыщиков. Как обычно в таких случаях, тщательный обыск. В таких делах обходятся без писанных бумаг, но вдруг да и отыщется что-то интересное... Идите.

Интагар покинул столовую почти бегом, все же притворив за собой дверь аккуратно и бесшумно, Фолькош снова завел свое:

— Ваше величество, умоляю, детей не трогайте...

— Помолчи, — сказал Сварог сквозь зубы. — Не трогу. Когда это я в подобных случаях детей трогал, уж тебе-то следовало бы знать...

Подошел к невысокому стрельчатому окну и, заложив руки за спину, бездумно смотрел вниз — отсюда прекрасно видна была сквозь редкие сосны опушки огромного дворцового парка каменная стена дворца, высокая, с вычурными старинной работы зубцами.

Прошла каких-то пара минут, и показалась редкая цепочка гвардейцев, бегущих трусцой вдоль стены. Она была очень длинной, появлялись все новые гвардейцы, а движение не прекращалось. Меж зубцами, отстоящими друг от друга уардов на двадцать, появились стражники с мушкетрами наизготовку. «Гром и молния», введенная еще предшественниками Сварога и ввиду совершенства оставленная без малейших изменений, работала как исправный, хорошо смазанный механизм. Не было ни колокольного набата, ни рева, вообще не

было шума, суеты, переполоха. Начальник дворцовой стражи, глава отвечавшего за дворец отдела тайной полиции и командир дворцовых гвардейцев, получив приказ Сварога или немногих уполномоченных на то людей, действовали хладнокровно и деловито. У всех ворот и калиток дворца встали дополнительные караулы. Внутрь пускали всех, а вот из дворца не выпускали никого. В считанные минуты дворец превратился в огромную мышеловку...

Если веральфы здесь, у них нет ни малейшего шанса ускользнуть... Вот только как быть дальше? Есть сильное подозрение, что и они, оказавшись в гланской пыточной, обернутся волками, которых останется только пристрелить... или нет? Что, если этот рефлекс присущ только заоблачным веральфам, но никак не «земным»? Славно, если предположение верное, это означало бы нешуточный шаг вперед...

Он стоял так, глядя вниз (гвардейцы уже распределились вдоль стены редкой цепочкой), когда едва слышный шум распахнувшейся двери возвестил о возвращении Интагара. Нетерпеливо обернулся. Бульдोजья физиономия отнюдь не светилась радостью...

— «Гром и молния» прошла до конца, — прилежно доложил Интагар. — А вот с двумя прохвостами обстоит гораздо хуже. Оба с утра вообще не появлялись во дворце...

— Ну, понятно, — сказал Сварог. — Решили не рисковать. Прекрасно понимают, что этого гуся лапчатого могли схватить — неважно, удалось ли ему меня зарезать или нет, — быстренько расспросить ратагайскими методами, патриархальными, но надежными... Пожалуй, «Гром и молнию» можно отменить, ясно, что она ни к чему...

— А с этим обормотом что прикажете делать? — Интагар повел подбородком в сторону понурого камерди-нера. — В «золотую гостиницу»?

Сварог подумал, прикинул. Хозяйственный Интагар давно уже обустроил на первом этаже уединенно-

го крыла дворца, где располагались его люди, четыре камеры. По сравнению с обычными тюремными стандартами это были сущие царские хоромы: матрацы на лежанках набиты свежей соломой, имеются прикрепленные к полу стол и стул, воду в глиняном кувшине регулярно доливают, вместо обычной парашы устроены отгороженные деревянной перегородкой сортиры, подключенные к дворцовой канализации. Сиживали там взаправдашние государственные преступники — те двое покушавшихся, и натуральные заговорщики, чьи дела были отнюдь не липовыми. Но большую часть времени камеры пустовали — и Сварог не менее хозяйственно приспособил их к делам насущным. В сугубо воспитательных целях. Своей сатрапской волей, в обход всех и всяческих законов сажал туда провинившихся придворных вертопрахов и гвардейцев — за дуэль, буйство в дорогих кабаках, шалости с молодыми горожанками, повлекшие за собой жалобы родителей, проказы в студенческом стиле вроде перевешивания вывесок, битья и кражи уличных фонарей и тому подобные мелочи.

Сварог бывал безжалостен — трое суток там повела Канилла Дегро, когда в очередной раз для пользы дела безбожно превысила служебные полномочия (никакой пользы для дела на сей раз не получилось, и Сварог припомнил проказнице аналогичные прошлые прегрешения, за которые следовало бы вклеить ей гауптвахту, но всякий раз как-то обходилось). Неделью там отсидел Гаржак — за выходявшее за рамки своеволие, проявленное на очередном задании (вот там как раз польза для дела проявилась нешуточная, но все равно Сварог решил, что своеволие слишком долго сходило графу с рук). Наконец, классические пятнадцать суток, о которых здесь прежде и не слыхивали (за мелкие грешки сажали на нечетное, но никогда не равное пятнадцати количество дней), огреб герцог Лемар — когда, несмотря на постоянное и бдительное наблюдение шпионов Интагара, из лучших, все же ухитрился уйти из-под надзора

и мастерски провернуть очередную аферу. Загреб кругленькую сумму в золоте, а веских улик не оставил.

Самое занятное — никто из наказанных, по точным данным, не затаил на Сварога злобу. Канилла и Гаржак прекрасно понимали, что получили поделом, с Лемара как с гуся вода — он вышел из камеры, высоко держа голову и сохраняя на лице отрешенно-гордое выражение страдальца, обвиненного облыжно. Все остальные тоже распрекрасно знали: лучше отсидеть не в самых скверных условиях несколько дней, чем угодить под суд или быть выставленными из полка без мундира и с «волчьим билетом», навсегда закрывавшим доступ в гвардию. Эти обормоты даже потаенно организовали Ассамблею Кандальников, куда принимали всех, отсидевших в «золотой гостинице» не менее трех дней (кандалы там никогда не применялись, но так, надо полагать, было красивше). Лемар, даром что отсидел самый большой срок, вступать в подпольную Ассамблею высокомерно отказался — в отличие от Каниллы с Гаржаком. Само название «золотая гостиница» пустил в обращение, отсидев неделю, один из придворных остряков, и оно, как часто бывает с жаргонными словечками, вполне себе прижилось, так что его употребляли и Сварог с Интагаром...

— Пожалуй, не стоит, — наконец сказал Сварог. — Он нам не так уж и нужен, нет необходимости держать под рукой. Отправьте в «Медвежью берлогу», в наш флигель. Подождите! Раздобудьте военный плащ побольше, заверните и вынесите под видом трупа. Ноги, ладно уж, пусть торчат, но лицо закройте. У этих двух могут оказаться сообщники, пусть думают, что он мертв. Ваши барабаны пусть быстренько распускают слух: было покушение, но неудачное, камердинера сгоряча полоснули саблями ратагайцы. Он прожил достаточно, чтобы назвать первого гофмейстера и барона... собственно, так и есть, кроме этих двух он, сами слышали, никого больше не знает. Никто во дворце ничуть не удивится — далеко не первое покушение на меня, дело мож-

но сказать, житейское. Только об обстоятельствах пусть помалкивают, а то опять расползутся дурацкие пересуды. Очередной привет от Лавинии Лоранской — ну, предположительно. Тоже дело житейское, проглотят... Идите.

Не прошло и пяти минут, как Интагар вернулся со свернутым серым плащом под мышкой. Фолькоша надлежащим образом упаковали, и Барута, склонившись над свертком, напутствовал:

— Лежи смиренхонько, как покойнику и подобает, потрох сусличий. А то враз настоящим покойником заделаю, чтоб мне волка во сне не увидеть...

Сварог распорядился:

— Несите не главными коридорами, но и по закоулкам не прячьтесь. Чтобы видели...

Все трое покинули столовую. Оставшись один, Сварог швырнул кинжал в ящик комода, подсел к столу. Королевские яства радовали глаз, приятные запахи щекотали ноздри, но после происшедшего только что кусок не лез в горло. Обычно Сварог не пил с утра натощак, разве что умеренно лечился нэльгом после прилета в гости принца Элвара или отца Грука, но сейчас был особый случай. Налил добрую чашку келимаса, похрустел пирожком, откинулся на спинку кресла. Неспешно уходило напряжение. Его снова прошил знакомец старый, но оттого и нисколько не ставший приятным — запоздалый, к о р о т к и й страх.

В очередной раз избежал верной смерти. Не окажись на нем кольчуги, или полосни Фолькош по глотке отточенным до бритвенной остроты лезвием... Камердинер выскользнул бы из столовой, сказал ратагайцам, что король не велит входить к нему без зова, и никто ничего не заподозрил бы — подобное не раз случалось. Яна, на которую никакие запреты не распространялись, сказала, что прилетит не ранее полудня. К тому времени никакая имперская медицина, никакой Древний Ветер не смогли бы вернуть покойника с перерезанным горлом к жизни.

И никаких гарантий, что веральфы не успокоятся. Средство одно — заменить службу личных покоев анланцами и не покидать их без пары телохранителей, стерегущих спину. Никто во дворце не удивится и уж тем более не полезет с расспросами — с пониманием отнесутся к тому, что король, видимо, получив точные сведения о готовящемся новом покушении, принял меры предосторожности...

Еще он коротко подумал: свободного времени достаточно, чтобы нынче же вечером провести нехитрый эксперимент. Арестовать кого-нибудь из обосновавшихся во дворце веральфов, отвезти в Глан и посмотреть, что с ним будет в пыточной. Чтобы далеко не ходить — граф Саувар, гофмаршал, он и раньше был Сварогу неприятен, казнокрад и любитель принуждать к любви молодых смазливых служанок из безответных, а уж теперь, когда вокруг него сиял остроухий ореол веральфа-Аристократа... Прекраснодушных гуманистов такой эксперимент способен ужаснуть, но их близости не имеется. Простая и жестокая истина: всякий веральф заведомо виноват в том, что он веральф. Вряд ли среди них есть гуманисты, которых ужаснул бы план Дали истребить человечество. Так что на войне, как на войне...

Не прошло и квадранса, как объявился понурый Интагар — Сварогу уже все было ясно по его удрученному лицу. Верный бульдог сокрушенно развел руками:

— Упорхнули птички, ваше величество. Оба особняка стоят пустыми, ни хозяев, ни слуг — значит, и все слуги были из э т и х... Ближайшие соседи говорят, что кареты, и не одна, отъезжали уже поздним вечером. Розыск, конечно, объявили, но надежды мало — у них наверняка подорожные на новые имена, а внешность изменить недолго. Очень это хлопотливое, сплошь и рядом провальное занятие — искать по приметам, недолюбливают такое занятие и полиция, и пограничная стража. Еще и за то, что на любом заслоне или заставе накопится куча неповинных, имевших несчастье быть

похожими на персонажей розыска. Все, конечно, будут ревностно бдить, но шансов мало

— Не огорчайтесь особенно, Интагар, — сказал Сварог, не раздумывая, — если рассуждать, не так уж они нам и нужны. Зато двумя тварями во дворце будет меньше... Присаживайтесь и налейте себе чарочку.

Интагар, не раз бывавший здесь за столом Сварога, уселся без церемоний. Налил чарку келимаса, отломил кусочек пышной ратагайской лепешки. Вид у него был опечаленный — и уж явно не тем, что двое веральфов ускользнули. Как и Сварог, он впервые в жизни столкнулся с унылой ситуацией, когда арестованных невозможно допросить...

Интагар знал все о веральфах — разве что о прошлом Яны Сварог ему рассказал крайне скупое, а сильванской истории не касался вовсе... Кроме министра тайной полиции, в тайну были посвящены только Баглю, Брейсингем, Старая Матушка и Арталетта. Советов на сей раз Сварог у него не просил. Пока что...

ПОДОПЕЧНЫЙ

По роскошной лестнице главного здания «Лазурной бухты», трехэтажной лечебницы, спустился и направился в поселок г е н е р а л Сварог. Именно так: он сейчас был в мундире девятого стола, разве что без кортика, прилагавшегося к парадной форме, — а он сейчас надел повседневную.

Четверо прилетевших с ним телохранителей остались на посадочной площадке. Среди врачей и персонала санатория веральфов не оказалось (их вообще не было среди медиков), но это еще ни о чем не говорило — следовало учитывать и вполне вероятное наличие сообщников-людей. Впрочем, во мнении, что здесь таких нет, укрепляли недавние события, точнее, полное и х отсутствие: пристукнуть Сварога за время его двухнедельного лечения в санатории, оставшись никем незамеченным, было бы крайне просто. Как бы там ни было, беспечностью он ничуть не страдал и меры принял. Перед прилетом сюда он властью вице-канцлера закрыл для полетов изрядный кусок воздушного пространства над санаторием. Мало того, на изрядной высоте, где темно-синее небо сменяется черным, дежурили три драккара с приказом остановить любой летатель-

ный аппарат, а в случае неповиновения — расстрелять к чертовой матери. После покушения в Латеранском дворце вполне объяснимые меры предосторожности, ничего общего не имеющие с болезненной подозрительностью или манией преследования. Береженого Бог бережет...

Поселок увеличился вдвое. К маленьким домикам, рассчитанным на одного человека, добавилась аккуратная шеренга других, побольше, двухэтажных — за редкими исключениями, люди с Той Стороны попали сюда с родными и близкими, вместе их и поселили в «Лазурной бухте» и в двух других силванских санаториях.

Самым несчастливым числом, как на Земле обстояло с «чертовой дюжиной», здесь считалось одиннадцать — и в Империи, и на Таларе. А потому везде, где только были нумерованные помещения — присутственные места, гостиницы и так далее, — сразу за десятым номером шел двенадцатый, и так же обстояло с номерами домов в городах (деревенские дома испокон веку не знали номеров и названий улиц). Многоэтажных домов тут не строили — иначе, никаких сомнений, и в них за десятым этажом шел бы двенадцатый...

На пляже на разноцветных покрывалах загорало человек шесть — как говорили медики, осваиваются, привыкают... Сварог издали увидел: на верхней ступеньке широкой лестницы семнадцатого номера с затейливыми чугунными перилами сидит человек, перебирает струны виолона. Сварог его моментально узнал по фотографиям: Шернат Тагодаро, один из лучших поэтов того мира, по отзывам искусствоведов. Талантливый поэт — вовсе не обязательно subtilный персонаж с кудрями до плеч. Вот и этот напоминал скорее скульптора-каменотеса, а то и портового биндюжника: здоровенный широкоплечий мужик с густой бородкой, которую на Земле звали «шкиперской», а на Таларе «морской», потому что там она была неотъемлемой принадлежностью одних моряков, как клиновидная — врачей, коротко подстриженная — книжников, а окладистая

бородища — пушкарей и кирасиров. На Той Стороне такого четкого разделения не было.

Рядом с лениво музицировавшим поэтом стояла бутылка «Драконьей крови» из светло-розового стекла, сразу видно, пустая — и никакой посуды рядом не наблюдалось. Творческий человек творчески отдыхал — вот и ладушки...

Сварог остановился и сказал:

— Добрый день, далет Тагодаро.

— Добрый день, — ответил поэт. — Я смотрю, моя скромная персона и в этой глуши пользуется некоторой известностью...

— Вас здесь хорошо знают, вам ведь уже говорили, — сказал Сварог. — Что там далеко ходить, я, когда летел сюда, слушал Тарину Тареми, «Кибитку» и «Осенние листья»...

Равнодушным поэт не остался — нет творческого человека, абсолютно безразличного к комплиментам. Однако, глядя на Сварога с затаенной иронией, спросил с едва уловимой ноткой задиристости:

— А вы не здешний ли почтальон будете? Похожи...

Придуривался малость знатный виршеплет. На Той Стороне почтальоны ходили в скромных светло-зеленых мундирчиках, где единственным украшением была серебряная нашивка на левом предплечье, эмблема почты. Повседневный мундир Сварога, конечно же, был не в пример скромнее парадного, но все равно смотрелся неплохо, кое в чем напоминая генеральские мундиры Той Стороны: золотые погоны с алым генеральским орлом (Сварог их-таки ввел в девятом столе), золотые дубовые листья на груди и обшлагах, затейливое золотое шитье на воротнике. На козырьке фуражки золотые дубовые листья, такие же на околыше с обеих сторон кокарды. Одним словом, не оторванный от жизни (а поэт таким и был) ни за что не принял бы человека в этом мундире за простого письмоносца.

Сварог и не подумал обидеться или рассердиться. Знал, где собака зарыта. Поэт и с медиками держался

так же — плохо скрытое ерничество, всякие подначки, напускная бравада. Доктор Латрок говорил: по его глубокому убеждению, это всего лишь своего рода защитная реакция, попытка самоутвердиться в новом мире, так что следует отнестись с пониманием и никак не реагировать. Вот Сварог и не реагировал. Тесное общение с поэтом его ничуть не интересовало. Достаточно песен Тарины Тареми. Никто из взятых с Той Стороны его всерьез не интересовал — за исключением Гарна...

И все же он не собирался уходить просто так — пребывал в хорошем расположении духа, хотелось легкого озорства. Протянул перед собой руку, сжал пальцы надлежащим образом, произнес нехитрое заклинание, и в руке у него оказалась большая бутылка фиолетового стекла — силванский «Золотой ремень» того высшего сорта, что на Таларе подается на стол исключительно королю и жалуется придворным в виде особой милости (ну, и пользуется большой популярностью у жителей Империи).

Протянул бутылку поэту и сказал с самым простецким видом:

— Неизвестная мне почитательница вашего таланта послала. Расписываться не нужно...

Ручаться можно, что поэт впервые в жизни столкнулся с имперской магией, пусть и чисто бытовой ее разновидностью. Легкая оторопь безусловно присутствовала, но виду творческий человек не подал, ответил как можно более спокойно:

— Душевно благодарен.

Сварог лихо козырнул ему и пошел дальше. У крыльца нужного ему дома стояла красивая молодая женщина, светловолосая и темноглазая, в легком пляжном платьице по моде Той Стороны, белом в синюю полоску. Существующая исключительно в голове картотека исправно щелкнула: Айла Тодиаш, двадцать четыре года, до самого последнего времени в чине лейтенанта служила связисткой в кардотальском отделении Следственного Департамента, потаенная любовь

Гарна и мать его четырехлетнего сына. Каковой присутствует тут же: карапузик сидит на корточках перед старой знакомой Сварога, толстой рыжей белкой, и чешет ей за ушами, что белка принимает благосклонно, однако, сразу видно, нетерпеливо ждет очередной подачи.

Подняв глаза на Сварога, карапузик с детской непосредственностью сообщил:

— А мы каждый день играем. У нас дома белки так не ходили. Она совсем не кусается.

— Она очень воспитанная зверушка, — кивнул Сварог. — Только за хвост ее не таскай, зверушки этого не любят...

— Не таскаю. Мама с папой говорили, чтобы не таскал. Я ей гостинцы даю, каждый день.

— Что-что, а гостинцы она любит, — сказал Сварог с большим знанием дела. — Ну как, нравится тебе здесь?

— Осень нравится. Здесь мне класивее и теплее, чем дома. Дома у меня была только мама, а здесь есть и папа, он холесий.

Белка живенько подбежала к Сварогу и встала на дыбки, как привыкла за две недели его пребывания здесь. Он поступил как обычно: усмехнувшись, достал из воздуха большее яблоко и, опустившись на корточки, вручил его попрошайке. Она приняла подачку и проворно упрыгала на задних лапах в кусты цветущего столетника возле дома. Не без грусти посмотрев ей вслед, карапузик спросил:

— А ты генелал? Я видел кино про генелалов. И папа, когда еще был не папа, а дядя, один раз плиходил в генелальской одежде, почти как у тебя.

Интересно, подумал Сварог. В досье Гарна нет никаких упоминаний, что он однажды появлялся в Кардотале в генеральском мундире. А впрочем, в досье таких мелочей нет. Гарн, как и многие его коллеги — да и сам Сварог, — в форме появлялся исключительно по немногим торжественным дням. Должно быть, какой-то праздник — или попросту вручал награды, что

опять-таки согласно тамошним регламентам требовало появления в парадной форме — как и виновникам торжества. И в этом регламенты обоих миров были схожи...

Проворно поднявшись с корточек, малыш сказал Сварогу:

— А когда я вырасту, буду генелалом, как папа.

Почему бы и нет? Решительно невозможно предсказать, кем станет забавный карапузик, когда вырастет. То же и сына Сварога касается.

Сварог посмотрел на молодую женщину и спросил насколько мог любезнее и непринужденнее:

— На пляж собрались или идете с пляжа?

— На пляж, — ответила Айла. — Здесь великолепный пляж и не нужно ничего платить...

— Ну, вы, наверное, уже знаете, что в Империи нет денег?

— Да, я знаю, — она улыбнулась не без робости. — У нас о таком будущем говорили только коммунисты, но я им как-то не верила. А оказалось, что так оно и есть, по крайней мере, з д е с ь...

Залягай меня крошка, подумал Сварог, а ведь я прежде об этой стороне дела и не задумывался! В некоторых смыслах Империя и впрямь похожа на пресловутое коммунистическое общество: ни денег, ни пролетариев с капиталистами, каждому по потребностям. Сущий коммунизм, разве что без малейшей идейной подоплеки. Правда, Империя этим обязана исключительно апейрону, а не единственно верному учению, которого здесь просто-напросто не существует. Ну, разве что, как в свое время и на Земле, вожаки иных крестьянских мятежей высказывали смутные идеи, которые с натяжкой можно назвать «первобытным коммунизмом». Однако эти идеи так и не оформились в некое учение, и коммунистов здесь даже в проекте нет. Вот и славно, а то, чего доброго, пришлось бы с чувством некоего внутреннего неудобства рассовывать их по тюрьмам...

Айла смотрела на него без малейшего страха, но с некоторой тревогой. Как он и думал, не удержалась, сказала с деланным безразличием:

— Лорд Сварог, вы прилетели в форме...

Сварог с ней никогда раньше не встречался, но ничуть не удивился, что она знает его в лицо и по имени. Гарн часами просиживал у компьютера и перед телевизором — и наверняка не ради пустых развлечений. Ну, а Сварог мелькал в здешней придворной хронике довольно часто, и как государственный деятель Империи, и как земной король — единственный из земных королей, удостоившийся такой чести, — что он воспринимал спокойно и ничуть не чванился. Он вообще никогда не чванился, несмотря на все усилия подхалимов и льстецов Латеранского дворца...

— Лишний раз убеждаюсь, что вы умница, — сказал Сварог и преспокойно солгал. — Так уж получилось, что я был на крайне серьезном совещании и не стал переодеваться. У меня небольшое дело к Гарну, только и всего...

Она удивленно подняла брови:

— Д е л о?! Вот уж не подумала бы, что у него могут быть з д е с ь дела. Он ведь здесь всего неделю.

— Ну вот, так получилось, — сказал Сварог и улыбнулся как мог беззаботнее. — Айла, вы знаете его гораздо лучше меня. Как, по-вашему, он отнесется к перспективе прожить жизнь светским бездельником?

— Придет в нешуточное уныние, — не задумываясь, ответила она. — Он страшно деятельный человек, суший трудоголик...

— Вот видите, — сказал Сварог. — Так уж сложилось, что собираюсь ему предложить серьезную работу, которая, теперь я совершенно уверен, ему как нельзя лучше придется по вкусу. Он дома сейчас или на пляже? Может быть, гуляет по парку?

— Нет, он дома. За компьютером.

— Отлично, — сказал Сварог, ничуть не играя. — Не стану вас больше задерживать, ступайте на пляж —

ребенок, я вижу, заскучал, когда упрыгала белка. И ни о чем не тревожьтесь, у вас троих просто великолепное будущее... Честь имею!

Отказырял и направился к крыльцу. Резную дверь Гарн открыл, едва Сварог поднялся на пару ступенек. Окинул внимательным взглядом его мундир, посторонился:

— Входите. Я вас увидел в окно, слышал ваш разговор.

Сварог повесил фуражку на вычурный золоченый крючок и, повинуясь жесту Гарна, вошел в гостиную, уселся возле стола, на котором увидел пепельницу из сине-красного марранского стекла и золотой портсигар с гербом Гарна — имперским, конечно, свежеобретенным. На Той Стороне герба у него не было: сын мелкого торговца-бакалейщика, студент-юрист, на последнем курсе попавший на глаза загодя подбиравшей будущих сотрудников спецслужбе, все тому же СД...

Для затравки непринужденного разговора Сварог сказал:

— Вот, кстати... Как вам здешний табачок?

— Выше всяких похвал, — и Гарн спросил с плохо скрываемым нетерпением: — Вы говорили Айле, что прилетели ко мне по делу? Я не подслушивал, окно запахнуто настезь, вы говорили громко...

— По делу, — кивнул Сварог. — Но сначала поговорим о бытовых пустяках. Вы, я так понимаю, освоились с компьютером?

— И быстро, — сказал Гарн. — Ваши компьютеры не особенно и отличаются от наших. Разницу мне быстро объяснила лейтенант Дегро. Очень толковая девушка.

— Отличный специалист, — сказал Сварог. — У вас ко мне наверняка есть вопросы?

— Только один. На который бы мне хотелось получить откровенный ответ. Здесь, в доме, за нами наблюдают?

— Вам достаточно будет моего честного слова?

— Вполне, вы вице-канцлер Империи, лорд и граф, немалый придворный чин, генерал, глава двух спецслужб, наконец, земной король. Вряд ли вы станете унижаться до ложных клятв... тем более перед столь малозначащей персоной, как я.

— Ну, не прибедайтесь, — ухмыльнулся Сварог. — Не такая уж вы малозначащая персона, о чем я чуть позже расскажу подробнее. Наблюдают ли за вами? И да, и нет. Здесь нет микрофонов и видеокамер, так что можете быть совершенно спокойны: никто не знает, о чем вы говорите с Айлой, занимаетесь любовью или нет. Другое дело — постоянно включены системы медицинской диагностики. Я в этом не разбираюсь, я не медик, но мне старательно объясняли, и я многое понял поверхностно. Системы гораздо сложнее простых датчиков, дистанционно снимающих, скажем, кардиограмму или частоту пульса, давление и тому подобное. Тут другое. Биоизлучения организма здорового и спокойного человека прекрасно известны. А вот если случится некое отклонение от нормы, скажем, инфаркт, приступ аппендицита и уж тем более попытка самоубийства — параметры изменятся резко, и система поднимет тревогу. Разумная предосторожность — два дня назад один из ваших... земляков в другой санатории неожиданно для врачей попытался покончить с собой. Разумеется, его вовремя спасли. У вас такой аппаратуры, как мне объяснили, не было. Она существовала и до вас — порой и наши люди сюда попадают с серьезными нарушениями психики. В основном спецслужбисты — уж вам ли не знать, в сколь серьезные передраги иногда попадают агенты... Честное слово, все так и обстоит. Вы удовлетворены?

— Вполне, — кивнул Гарн.

— Прекрасно. Что касается вас, с вами все обстоит просто отлично. Конечно, вы испытали нешуточный психологический шок, как любой на вашем месте (и как я сам в свое время, мысленно добавил он). Не впали в черную меланхолию и уж тем более не дума-

ете о самоубийстве. Наша медицина не умеет читать мысли, но достигла немалых высот. Ваше поведение понятно и без аппаратуры для чтения мыслей. Вам есть ради кого жить, и есть ребенок, который рад, что у него появился отец. Сильные люди в такой ситуации не впадают в черную меланхолию и не думают о самоубийстве... Вот, кстати. Как я вижу, ребенку здесь очень нравится?

— Не то слово, — т е п л о улыбнулся Гарн. — У него куча невиданных имперских игрушек, море и лес, белка в друзьях. И детских телепередач у вас гораздо больше. Он даже не осознает, что оказался в другом мире, а мы с Айлой отнюдь не стремимся объяснить ему истинное положение дел — не по его возрасту проблема...

— Безусловно, — сказал Сварог. — Я говорил со специалистами в области детской психологии. За редкими исключениями, дети годам к шести напрочь забывают прошлое, в памяти остаются лишь смутные образы. Когда он подрастет, будет думать, что в этом мире и появился на свет.

Подумал мельком, что с его собственным ребенком обстоит еще лучше: он сюда попал младенцем и другого мира просто не знает...

— Я вам искренне и горячо благодарен за то, что вы спасли Айлу и ребенка, — сказал Гарн. — Не знаю, что бы со мной было, окажись я здесь, а они остались бы там...

— Моей заслуги в этом нет, — сказал Сварог. — Это все лейтенант Дегро. Именно она з а щ е п и л а с ь за парочку ваших показавшихся ей странными телефонных разговоров с Кардоталем, начала копать и быстро вышла на Айлу с ребенком. Поблагодарите ее при случае, только без пышного многословия, она этого терпеть не может. Давайте теперь о вас. Я так полагаю, когда вы попали сюда, автоматически разрешились иные загадки, не дававшие вам покоя?

— Именно, — кивнул Гарн. — Теперь я знаю, что далеретта Миэлла Карбай... — он замолчал.

— Императрица Яна-Алевтевита, — закончил за него Сварог. — Она очень деятельная и целеустремленная. Захотела сама побывать у вас, а она хорошо умеет добиваться своего. Благо особой опасности для нее и не было, мы ее очень хорошо охраняли. Вот кстати, вопрос из профессионального любопытства. Ваши оперативники засекли ее охрану?

— Нет, ни разу, — сказал Гарн. — Полное впечатление, что охраны и не было.

— Была, — удовлетворенно ухмыльнулся Сварог. — Неотступная и постоянная, состоявшая из самых обычных людей, не применявших ни магии, ни каких бы то ни было неизвестных у вас технологий.

— Умеете вы работать... — сказал Гарн с ноткой профессионального уважения. — Наверное, мне следует перед ней извиниться за... тот случай? Я и предположить не мог...

— Глупости, не стоит, — решительно сказал Сварог. — Она несколько не злопамятная, ее это только развлекло, интересное приключение, и не более того... О чем вы задумались?

— В тех материалах, что мне здесь дали, равно как и в Библиотеке ни слова об этом не было, — медленно сказал Гарн. — Но некоторые выводы сделать можно. Понятно теперь, откуда несомненное генетическое родство императрицы с герцогами Тагераш и почему они с дочерью герцога похожи, как две капли воды. Я правильно догадался?

— Рад, что вы несколько не потеряли остроту ума, — сказал Сварог искренне. — Совершенно правильно. Герцог Тагераш, так уж сложилось, стал первым императором, а его орбитальные станции — основой Империи. Императрица — его прапраправнучка. И, соответственно, родственница его дочери.

— Отец от нее отказался, значит, в момент катаклизма она оставалась на земле... — с расстановкой произнес Гарн, выразительно глядя на Сварога.

— Да, мы и ее забрали, — кивнул Сварог. — Даже если бы она выжила, судьба у нее была бы очень неза-
видной. Мы не могли допустить... Здесь есть свои тон-
кости. Мы не могли ничего изменить. Слишком опасно
и безответственно было бы т а к менять прошлое. Не-
предсказуемо изменилось бы настоящее. То, что прои-
зошло — произошло. Вы это, должно быть, понимаете?

— Лучше, чем вы думаете, — сказал Гарн. — Айла
обожает фантастику, особенно о путешествиях во вре-
мени... впрочем, вы это прекрасно знаете, вы ведь при-
везли сюда ее книги и фильмы. Ну, вот... Обычно у меня
нет времени на беллетристику, но, когда бывал у Айлы
в Кардотале, с дюжину романов прочитал. — Он чуть
смущенно признался: — По ее настоянию. Ну, и нужно
же знать, чем живет твоя любимая женщина. Так что
некоторое представление о проблеме имею... Фанта-
стика оказалась чистой правдой. По размышлении, как
ни больно это говорить, но на вашем месте я, пожалуй,
поступил бы так же. Очень опасное это дело — менять
прошлое...

— И совсем другое дело — те, кого мы забрали, —
сказал Сварог. — От первых десятилетий после Штор-
ма мало письменных свидетельств и в Империи, а на
Таларе их не сохранилось вообще. Если что-то и было,
до нашего времени оно не дошло. Конечно, многие из
тех, кого мы забрали, у вас были персонами заметны-
ми, но даже если они и выжили бы в Шторме, всякие
их следы затерялись бы в тогдашнем хаосе, и ученые
пришли к выводу, что их отсутствие в прошлом ни на
что существенно не повлияло бы. Что уж говорить о тех,
кто заведомо должен был погибнуть, когда изменились
очертания континента и целые города со всеми жителя-
ми провалились в океан? Взять хотя бы Тарину Тареми,
и не только ее, — он посмотрел в глаза собеседнику. —
Вам ведь дали довольно обстоятельные материалы по
проекту «Изумрудные тропы». Вы ушли в очередной
отпуск и за сутки до Шторма прилетели в Кардоталь,
чтобы провести с Айлой и сыном не менее недели...

Гарн не отвел глаз, разве что по его лицу промелькнуло некое непонятное выражение.

— Да, я знаю, — наконец произнес он словно бы отрезанно. — Кардоталь и его окрестности вместе со всеми обитателями в одночасье ушли на морское дно. Мы бы там неминуемо погибли, и я, и Айла, и ребенок...

— Вот видите, — мягко сказал Сварог. — Вернемся к вашим личным делам. Тут есть чисто бытовые проблемы, мелкие, но, думается, требующие безотлагательного решения. Через два дня, когда вы оправились от первого шока, медики вам сказали, что ваша супруга тоже здесь, только в другом санатории. Предлагали устроить с ней встречу, но вы категорически отказались. И вчера сказали доктору Латроку то же самое. Я полагаю, ваша позиция не изменится?

— Нисколько, — твердо сказал Гарн. — Я бы предпочел никогда больше с ней не видеться... если это возможно.

— Отчего же нет? — пожал плечами Сварог. — Никто не станет вас приневоливать, вас вообще не собираются принуждать к чему бы то ни было. Не хотите с ней видеться — ваше право...

Что-что, а уж отношения Гарна с официальной супругой его люди изучили под микроскопом и собрали на нее немаленькое досье. Вообще-то нельзя сказать, что она такая уж плохая особа, чтобы употреблять в ее адрес разные неприглядные эпитеты. Просто-напросто смысл жизни для нее всецело заключается в том, что романисты именовали вихрем великосветских развлечений, в чем она оказалась полной противоположностью Гарну — который, став генералом, вошел в истеблишмент, но сторонился столичного бомонда, совершенно его житьем-бытьем не интересовался, не говоря уже о том, чтобы в нем участвовать. Супруга одно время — замужем она или уже где? — старательно вытаскивала Гарна на всевозможные приемы, балы и светские торжества, но потом после серии скандалчиков разной степени накала махнула на него рукой, и лет десять они

жили под одной крышей, но каждый своей жизнью, не пересекаясь и ничуть об этом не жалея...

История, если подумать, банальная. На Земле попала редко, но все же почаще, чем алмазы со сливу величиной и честные политики. На Таларе гораздо реже, хотя и так бывало. А вот Империи такая коллизия была совершенно неизвестна по причине полнейшего отсутствия там пресловутого классового расслоения и таларских жестких сословных различий. Разве что порой повторялась история Монтекки и Капулетти из-за давней семейной вражды — но это все же другое, и всегда кончалось бескровно, в отличие от Вероны...

Балованная единственная доченька владельца крупнейшего в стране судостроительного концерна спустя рукава училась в Гарвалинском университете столицы. Точнее говоря, не училась вообще — ректор университета, отнюдь не похожий на Паганеля, давно уже открыл для «золотой молодежи» особый факультет, который назвал «факультетом изящных искусств и риторики» — удобное название, под которым можно спрятать все, что угодно. С высокой ежегодной платой за обучение, равно как и за пересдачу экзаменов. Находились среди «золотой молодежи» обоего пола отщепенцы и отщепенки, всерьез изучавшие живопись, скульптуру и изящную словесность, но большинство весело валяли дурака. Преподы их обожали: вся эта публика, как легко догадаться, сдавала экзамены раза с пятого (мучить их далее считалось неприличным), а родители, соответственно, исправно платили (большая часть всех платежей шла в карман ректору, меньшая — деканам, кое-что пускалось на нужды университета, но и рядовые препода были в доле).

Все время эти, с позволения сказать, студюзусы проводили в разнообразных увеселениях и развлечениях. На что ученые мужи смотрели не то чтобы сквозь пальцы, а даже с одобрением: хитрюга ректор завел и систему солидных денежных штрафов за всевозможные нарушения и провинности. В своем кругу

изрядная часть молодых не замыкалась, вот и вышло так, что однажды единственная наследница набитого деньгами папеньки познакомилась на одной из вечеринок с солидным студентом отличником последнего курса юридического, в то время уже получившего приглашение после защиты диплома поступить на службу в СД (о чем, понятно, окружающие не знали). Случился бурный роман, через полгода закончившийся свадьбой — при молчаливом неодобрении родителей жениха и вялом сопротивлении родителей невесты (на свадьбу, впрочем, пришли и те и другие, причем родители невесты отметились роскошными подарками, в том числе квартирой в престижном районе столицы и двумя дорогими машинами).

Матушка Гарна, женщина, надо полагать, неглупая, сразу сказала, что ничего хорошего из этого не получится — и как в воду смотрела, так оно и вышло, через несколько лет семейная жизнь разлетелась вдребезги, как уроненный на каменный пол кувшин из тончайшего чедивирского хрусталя. Детьми супружница обременять себя не захотела и с головой окунулась в сладкую жизнь. Правда, в противоположность многим, вела себя достаточно осторожно и, несмотря на череду любовников, наркотики по мелочам и участие в иных предосудительных развлечениях, ни разу не подставилась репортерам бульварных газет и телеканала, специализировавшегося на скандалах, особенно великосветских.

На развод она категорически не соглашалась, хотя тамошние законы его распрекрасно допускали — гораздо престижнее быть законной супругой полковника СД (в ту пору еще не генерала и не главы департамента), нежели разведенной женой такового. Гарн смирился — он не был таким уж записным карьеристом, но, как многие служилые люди, хотел подняться выше. Окажись тесть бывшим тестем, мог и подложить не одну свинью. Влиятельный был субъект — первый из трех вице-председателей Стальной Палаты (промышленники), щедро субсидировал правящую партию, дверь в кабинет

премьера ногой не открывал, но был в списке тех, кто на прием является без предварительной записи. Даже не в интригах дело: супруга открытым текстом заявила — если что, на папины деньги найдет первоклассных адвокатов, которые за час получают больше, чем муженек за месяц. Убедительного компромата на нее Гарн не отыщет даже на занимаемом им посту, а вот она на Гарна в два счета таковой состряпает трудами самых дорогих частных детективов. Так что они год за годом обитали под одной крышей, не пересекаясь, сохраняя для всех окружающих имидж благополучной пары. В точности как у Сварога обстояло с бывшей женой — разве что у той было неизмеримо меньше возможностей и не было подобных родителей...

Сюда ее прихватили, можно сказать, на всякий случай. Чужая душа — потемки. Обитавшие в параллельных мирах супруги все же порой оказывались в одной постели. Девятнадцать лет супружества — не шутка. Вполне могло оказаться, что Гарн до сих пор питает к ней остатки прежних чувств, такое не раз случалось. В конце концов, человеком больше, человеком меньше, для «Изумрудных троп» ничуть не обременительно — а Империя отчаянно нуждается в свежей крови. Вот и включили в список...

Гарн спросил без особого интереса:

— Из чистого любопытства... Что с не й будет?

— Ничего плохого, кроме хорошего, — пожал плечами Сварог. — Стандартная процедура: замок, титул, место среди придворных. До скончания века благополучная светская жизнь. Думается мне, она такую участь примет с восторгом?

— С несказанным, — улыбнулся Гарн одними уголками губ. — Ничего другого она от жизни не желает. А уж титул и императорский двор...

— Ну, вот видите, как все прекрасно устроилось, — сказал Сварог. — Кое-что дополню. Поскольку ваш мир перестал существовать пять с половиной тысяч лет назад, автоматически канули в небытие все его законы,

в том числе и брачные. Так что вы, г р а ф, совершенно свободный человек, можете хоть завтра вступать в законный брак согласно Брачному кодексу Империи. Думаю, вы не будете с этим тянуть? Несколько минут назад вы назвали Айлу любимой женщиной...

На лице Гарна отразилась неприкрытая радость.

— Какие тут проволоочки, — сказал он с большим подъемом. — Знать бы только, сколько еще придется здесь проторчать...

— Медики говорят, два-три дня, не больше, — заверил Сварог. — И то порядка ради, вы же знаете этих докторов. У здешних мало пациентов, и они с ними расстаются с великими душевными терзаниями. Уж я-то знаю, сам однажды проторчал тут две недели профилактики ради, и дай им волю — на месяц бы закатали... — он улыбнулся по-доброму. — Что ж, не зря я в свое время распорядился не готовить для далеретты Айлы отдельный замок, решил, что ей с ребенком будет просторно и в вашем. Правильно рассчитал. Ну вот, с личными вашими делами мы, кажется, разобрались. Или у вас будут еще какие-то просьбы?

— Никаких, — сказал Гарн. — Откровенно говоря, я просто не представляю, какие могут быть просьбы, по-моему, вы обо всем позаботились, спасибо...

— В таком случае, давайте о делах, — сказал Сварог. — О вас я знаю достаточно. Вы обо мне — тоже. Четыре дня назад я распорядился, чтобы вам дали мое досье...

Досье было не особенно большое, но подробное. Не таким уж и сухим казенным языком не только перечислено все, что Сварог успел в этой жизни наворотить, но и приведено немало деталей и подробностей, до сих пор засекреченных от «широкой общественности».

— Один деликатный вопрос никак нельзя обойти вниманием, — продолжал Сварог спокойно. — Тогда, при нашем первом знакомстве, вы уже знали, какие отношения нас с ней связывают, хотя и не подозревали, кто мы такие. Так вот... Эти отношения не оказали ров-

ным счетом никакого влияния на... все, что я сделал. Ну, что греха таить, чуточку повлияли на некоторые чины, ордена и назначения — но исключительно в интересах дела. Чины и ордена меня не особенно и интересуют.

— Я прекрасно все понимаю, лорд Сварог, — сказал Гарн. — Не так уж трудно было понять: никакие отношения с кем бы то ни было нисколько вам не помогли бы сделать все, что вы сделали. Это ваша собственная заслуга, — он прокрутил головой. — Не считите за комплимент, но все это настолько феерично... Как вам только удалось...

— Такова уж наша жизнь, — ухмыльнулся Сварог. — Постоянно подворачивается не то, так это, и такое уж мое везение или невезение, что я всякий раз оказывался в нужном месте в нужное время. Рок какой-то... Ладно, у меня нет привычки кокетничать, я не придворная жеманница... Перейдем к делу. И не будем ходить вокруг да около — к чему? Мы не дипломаты на международной конференции. Я намерен предложить вам место моего заместителя в девятом столе — вы о нем уже имеете некоторое представление. Чтобы внести полную ясность... Девятый стол я создавал с нуля, на голом месте. Подобрал умных, толковых и энергичных парней и девушек, таких как лейтенант Дегро. Они отлично работают, но вся беда в том, что им еще долго оставаться на лейтенантских должностях. Карьера в спецслужбах, вы сами прекрасно знаете, быстро не делается. У меня нешуточный кадровый голод. Слишком многим приходится заниматься самому, а у меня и без девятого стола хватает серьезных дел в Империи и на Таларе. Так что грех не использовать ваш профессиональный опыт. Если вы согласны, бумажные формальности уладим чуть попозже. Кадровое расписание девятого стола, в отличие от аналогов в прочих конторах, не есть нечто устоявшееся, оно постоянно подвергается изменениям. Так будет и в вашем случае. Ну, генеральский чин, конечно — все та же бюрократия, мой заместитель не может быть простым полковником. Но о всякой мишуре

мы поговорим позже, в свободную минутку. Думается, вы не в претензии. Уверен, вы согласитесь. Вряд ли вас прельщает перспектива провести всю сознательную жизнь светским бездельником...

— Она меня приводит в ужас, — признался Гарн.

— Значит, согласны?

— Как бы вам объяснить, лорд Сварог... На что-то вроде такого предложения я подсознательно надеялся. Когда кое-что понял. Некоторые материалы из тех, что мне давали, грифа секретности не имели, но по своему характеру они, несомненно, были секретными — и меня сразу предупредила лейтенант Дегро, что они просуществуют не более двух часов, а потом исчезнут сами по себе. Так и происходило. Наконец, то, что моим наставником стала именно лейтенант Дегро, наталкивало на размышления. Я понимаю, проект «Изумрудные тропы» во многом секретный, но все равно, вряд ли вы представляете офицеров спецслужбы к к а ж д о м у из нас. У Айлы наставником была милая тетушка средних лет, очень похожая на учительницу или домоправительницу, а ко мне три раза прилетала лейтенант Дегро в полной форме. Словом, я стал надеяться, что меня как-то используют. Но я не рассчитывал услышать столь заманчивое предложение...

— Оно вас пугает? — небрежно спросил Сварог.

— Не сказал бы... Просто-напросто я совершеннейший чужак в этом мире. Полагаете, у меня получится?

— Не сомневаюсь, — серьезно сказал Сварог. — Из нашего разговора стало ясно, что вы сохранили ясность ума и профессиональную хватку. Необходимые знания — дело наживное. Вам никто этого не говорил, но здесь есть аппаратура, способная в краткое время вложить человеку в голову массу знаний из всех областей жизни. Быстро и эффективно. Что до профессиональных обязанностей... Спецслужба остается спецслужбой в любом мире и во все времена, разница только в технической оснащенности. Отличный пример. Мой таларский министр тайной полиции пару раз был при-

частен к чисто имперским делам, о которых до того понятия не имел — и давал довольно дельные советы. При случае я вас непременно познакомлю — примечательный человек, вы с ним, я уверен, быстро найдете общий язык... Даже компьютером научился пользоваться. И наконец... — он неторопливо закурил. — Живой наглядный пример сидит перед вами. То, что я вам расскажу, ничуть не секретно, в Империи это все знают, но притерпелись настолько, что как-то уже и забыли... Представьте себе, не так уж и давно я тоже был совершеннейшим чужаком в этом мире. Я сюда попал из другого — из того, что ваши фантасты называли параллельным, а таларские книжники — да и имперские тоже — именуют Соседней Страной. Как это вышло, расскажу потом — сейчас будем говорить исключительно о деле. Отличие в том, что мой мир не погиб, но существует без меня, наверняка забыв обо мне. Я в отличие от вас как раз и был фигурой малозначительной — ничем не примечательный армейский майор из захолустного гарнизона... (никаких пояснений не требовалось — в отличие от Империи и Талара майорское звание на Той Стороне существовало). Освоился, можно сказать, пробился, даже сделал небольшую карьеру. Вот и у вас, я уверен, все получится.

— Вот оно что... — сказал Гарн. Вид у него был не удивленный, скорее он выглядел как человек, получивший какое-то подтверждение каким-то своим догадкам.

— Что вы имеете в виду? — спросил Сварог.

— В вашем досье я обнаружил некоторые странности, — охотно ответил Гарн. — После того как просмотрел десятка два кратких биографий других высокопоставленных лиц Империи — в Библиотеке, в открытом доступе. Вы единственный, у кого не указан ни год рождения, ни образование. Это было странно. Создалось впечатление, что вы, уже будучи в зрелых годах, появились словно бы из ниоткуда. Теперь ясно, что в некотором смысле так и обстояло... Действительно, чертовски убедительный пример, придает бодрости

и уверенности в себе... Я согласен. Когда прикажете приступить к новым обязанностям?

— Прямо сейчас, — сказал Сварог без улыбки. — Такие уж игры... Вы наверняка измаялись тут от вынужденного безделья. Вот вам серьезное дело, которым мы занимаемся, отодвинув подальше все остальное...

Он щелкнул замком небольшого портфеля с золотой эмблемой девятого стола. Вынул единственное, что там было: тощенькую папку, даже не папку, тоненький файл из синего прозрачного пластика. Положил на стол перед Гарном, сказал:

— Прочитайте вдумчиво и внимательно. Спешить не нужно, я подожду, времени у нас достаточно...

Отошел к приотворенному окну и бездумно смотрел на опушку густого леса, на просвеченный ярким солнцем сосняк. Меж деревьев спокойно перепархивали лесные птицы, по морщинистому стволу ближайшей сосны вниз головой пронеслась к земле белка — не его старая знакомая-попрошайка, другая...

— Я закончил, — сказал за его спиной Гарн каким-то новым голосом.

Там было-то всего десять страничек убористого текста. Все о Дали и планах веральфов касаясь Невесты Волков и Разрушителя, о том, как в последний момент спасли Яну, как каталаунский знахарь, опалив ладони, все же изничтожил «черного паучка». Все, что знали одиннадцать человек в Империи, включая Сварога, — да еще Интагар, на которого можно было всецело положиться. Гарн стал тринадцатым — однако здесь «чертова дюжина» не считалась несчастливым числом...

Вернувшись к столу, Сварог уселся на прежнее место, внимательно присмотрелся к Гарну — и порадовался, не увидев на его лице ни растерянности, ни тревоги. Просто-напросто серьезное, чуть яростное, полное холодной решимости лицо сильного человека, каким оно бывает перед серьезной дракой, в которой человек рассчитывает победить. Это хорошо...

— Вот даже как... — произнес Гарн почти бесстрастно.

— Именно так, — кивнул Сварог. — Никто у нас не исполнен безнадежности — нет к тому поводов. Положение у нас отнюдь не безвыходное. Г л а в н у ю задачу мы им сорвали. Не похоже, чтобы у них был запасной план на случай неудачи. Белая Волчица где-то скрывается, а все остальные за две недели никак себя не проявили. Что нам прибавляет уверенности... Интересно, что бы вы предприняли на нашем месте?

Гарн думал недолго. Сказал решительно:

— То, что предлагал один из ваших людей: коли уж все веральфы вам известны наперечет... Провести по-вальные аресты и посадить их в лагерь, откуда не вырваться. Там видно будет. Их не так уж много, сил у вас достаточно...

— У н а с, — мягко поправил Сварог. — У нас, Гарн. Вы уже в игре, как все посвященные. Привыкайте не отделять себя от нас. Вы все запомнили?

— Накрепко.

Подняв ладонь, Сварог произнес нехитрое заклинание — и файл растаял в воздухе. Ни малейшего удивления Гарн не выказал — ну да, добрая половина дававшихся ему документов по миновании в них надобности так и исчезала, разве что сама по себе...

— Ну что же, — сказал Сварог. — Возможно, так и придется поступить. Вы ведь уже поняли, какого плана документ?

— Конечно. Грифа снова нет, но, судя по тому, что он, как и некоторые другие, самоуничтожился... Секретный документ.

— Секретнейший, — кивнул Сварог. — Вы пока что тринадцатый посвященный. С вами очень легко работать. Гарн, вы многое схватываете на лету. Очень надеюсь, так будет и дальше... Ну, что же. О действиях против веральфов поговорим потом, сейчас гораздо важнее другое. Мне нужно знать все, что вам известно

о веральфах у вас с. Они у вас были, я сам их видел и в Саваджо, и в Кардотале...

И на этот раз Гарн не раздумывал долго, разве что отвел взгляд от Сварога, раздумчиво уставился в потолок. Сказал со знакомой уже уверенностью:

— Особо рассказывать и нечего... Смутные слухи о них ходили, но очень редко, среди считанных людей. Вообще-то они примыкали к «Великой книге тайн». Знаете, что это такое?

— Представления не имею.

— Собственно говоря, это никакая не книга, а набор из десятка историй, не получивших ни малейшего научного подтверждения, но крайне завлекательных для иного массового читателя так называемых Великих Тайн. Затаившиеся среди людей зловещие инопланетяне, питающие план порабощения человечества. Загадки затонувшего континента Шиолам, чье существование никем не доказано. Пьющие у припозднившихся путников кровь болотные огни. Горцы с хребта Рокалан, обладающие некими сверхспособностями. И так далее...

— Стоп, стоп! — поднял ладонь Сварог. — Порой я от скуки, когда был у вас, читал ваши бульварные газеты. Было там что-то и о Шиоламе, и о горцах, и о детях, якобы умевших поджигать взглядом все, что способно гореть... Выглядело все это крайне несерьезно — ни доказательств, ни элементарной логики. Даже телепередача какая-то была, как раз о затаившихся инопланетянах. Завлекательное пустозвонство...

— Был даже целый телеканал, специализировавшийся на Великих Тайнах, — усмехнулся Гарн. — И большой пласт фантастики. Серьезная наука всем этим пренебрегала, но некоторые страшно увлекались. Было даже немало кружков и обществ, увлеченных то одной какой-то Тайной, то несколькими, то, чтобы не мелочиться, всеми сразу. Никто им не препятствовал — безобидный был народец, развлекавшийся за собственные деньги... Ни спецслужбы, ни Огненный Купол ни-

когда ими не занимались — не видели такой надобности. Мало ли безобидных чудаков? Мелкие инциденты время от времени случались. То швырнут бомбу со слезоточивым газом в зал, где заседают оппоненты — некоторые приверженцы какой-либо Тайны раскалывались на несколько непримиримых групп, — то банковский кассир украдет приличную сумму, чтобы организовать экспедицию к хребту Рокалан, то оборотистый тип фальсифицирует «доказательства» существования Шилоама, чтобы срубить денежки с простаков... Это были именно мелочи, которыми занималась полиция...

— А с Изначальными как обстояло?

— Совершенно иначе. Об их существовании в незапамятные времена историки и археологи знали, но — и только. Кое-кто из Керуани считал, что они не исчезли — то ли спят где-то, подобно семи зачарованным рыцарям из известной детской сказки, то ли обитают среди людей, оставаясь неузнанными. Но это говорилось исключительно среди своих, и очень редко. Бульварные газеты писали о том же — но опять-таки крайне редко. Вообще-то это чуточку странно — очень уж благодатный материал для создания очередной Великой Тайны... И фантастики на тему Изначальных не было, хотя наши фантасты паразитировали на Великих Тайнах, как блохи на бродячей собаке. Что тоже несколько странно.

— Так, — Сварог вновь поднял ладонь. — А если мы дадим волю фантазии в хорошем стиле приверженцев Великих Тайн? Предположим, веральфы заняли некие ключевые посты, как они это проделали в Империи и на Таларе? И старательно следили, чтобы любые упоминания о них не распространились широко?

— Версия интересная, я бы ее не отметал с порога, — сказал Гарн. — Вот только т е п е р ь ее невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть... Подождите! — у него был вид человека, настигнутого неким неожиданным озарением. — Я только сейчас вспомнил и сопоставил... В свое время мне не давала покоя загадка, о которой

я в том разговоре с вами упоминал. Зачем вы потратили время на ничем не примечательную девушку, Анеллу Сабиташ? Ну, способная начинающая художница, ну, Керуани. Даже если вы видели в ней очередной заслуживающий спасения талант, все равно, почему этим занялись лично вы с императрицей? Лейтенант Дегро мне давала полный список всех, кого вы у нас забрали. Ни у кого из них вы не появлялись... И Анеллы там нет...

— Вы и тут докопались до истины, — одобрительно сказал Сварог. — Хотя и не поняли, до чего именно докопались. Так сложилось, что мне в свое время попало в руки письмо Анеллы Сабиташ, в котором она как раз и писала и о затаившихся Изначальных, и о Керуани. Изначальными мы тогда не занимались, а вот упоминание о Керуани очень заинтересовало. К сожалению, Керуани, выяснилось, не представляли для нас интереса. А о затаившихся Изначальных Анелла всего-навсего слышала краем уха от другого Керуани, подробно эту тему не затрагивавшего. Значит, Изначальными вы не занимались вообще...

— Точности ради один раз пришлось, и совершенно безрезультатно. С Изначальными эта история связана постольку-поскольку...

— Все равно, расскажите подробно! — встрепнулся Сварог. — Мне сейчас стодится все, хоть каким-то боком связанное с Изначальными.

— Это случилось полтора года назад, — тоном настроившегося на долгий разговор человека начал Гарн. — Я тогда был в Кардотале — сберег неделю из очередного отпуска и прилетел к Айле. В Департаменте, конечно, знали, где я, хотя были уверены, что я просто решил отдохнуть у моря, мой секретарь мне позвонил и сказал, что меня разыскивает премьер-министр, хочет поговорить со мной по телефону. Естественно, я тут же связался с канцелярией премьера. Ничего странного тут не было — мне по долгу службы не так уж редко приходилось с премьером общаться, и лично, и по телефону. Просьба у премьера оказалась вполне обычная на пер-

вый взгляд — он подчеркнул, что это именно просьба. Ну, вы прекрасно понимаете, в таких случаях старательно исполняют не только поручения, но и просьбы... Со мной хотел безотлагательно встретиться профессор Гарельтер. Он готов был прилететь в Кардоталь на личном самолете. Конечно же, я сказал премьеру, что буду профессора ждать. Мне и самому стало любопытно, зачем я ему понадобился на этот раз. Профессор Гарельтер... Очень известный и примечательный человек был, знаете ли. Видный ученый-электронщик — научные работы, некоторые закрытые, шесть патентов на изобретения, все до одного засекречены военными, один из трех совладельцев крупного концерна по производству различной электроники — половина изделий шла опять-таки военным, профессор самым тесным образом был с армией связан. Еще он читал лекции в Торейском технологическом университете, руководил двумя крупными лабораториями, опять-таки занимавшимися электроникой, вот-вот должен был стать академиком. Одним словом, фигура крупная и незаурядная. Я с ним был знаком уже три года — и военная контрразведка, и наш Департамент занимались контрразведывательным обеспечением и его концерна, и обеих лабораторий, для этого были выделены постоянные группы. За ним постоянно ходили два телохранителя — один от нас, другой от военных. Вот и на этот раз я решил, что речь пойдет о чем-то связанном с безопасностью. Ни зачем другим я не мог ему понадобиться, личных отношений мы не поддерживали, исключительно служебные. А вот с премьером они были друзьями лет двадцать, еще со времен, когда премьер только-только впервые избрался в парламент... Так вот, Гарельтер, когда мы встретились, изумил меня прямо-таки несказанно — ну, я, конечно же, не показал виду... Он хотел знать одно: есть ли у Следственного Департамента секретная информация об Изначальных. И просил, чтобы я отобрал для него всю открытую информацию. Это было ему совершенно несвойственно — подобная просьба.

Профессор был очень приземленным человеком, рационалистом до мозга костей. Беллетристики он не читал, бульварных газет в руки не брал, «Великими Тайнами» и всем сопутствующим не интересовался совершенно, насмешливо относился к коллегам, которые ими интересовались, — адепты иных «Великих Тайн», всегда не связанных с их основной специальностью, были и среди серьезных ученых... Хобби у него не было. Имелось, правда, потаенное увлечение — женщины. Вполне простительно: ему едва стукнуло пятьдесят, он был вдовец... Две его молодых секретарши... впрочем, это не имеет отношения к делу. Одним словом, от кого-кого, а уж от него я никак не ожидал такой вот просьбы. Которую, хочешь-не хочешь, нужно было исполнить...

— Он спешил? — спросил Сварог. — Торопил вас?

— Нисколечко. Он выглядел как обычно, собранным, спокойным. Я в нем не заметил ни следа тревоги или торопливости. Он так и сказал: не требует от меня спешки... но и просил бы не особенно затягивать. И смущенным не выглядел, хотя не мог не понимать, что меня его просьба удивила. Самая обычная деловая встреча, ничем не отличавшаяся от наших прежних — разве что предмет разговора был необычным, категорически ему не свойственным.

— Он как-то объяснял свою просьбу? Чем-то мотивировал?

— Ничего подобного. Сказал лишь, что это ему потребовалось «в интересах дела» — и в подробности не стал вдаваться. Ну а я, соответственно, объяснений не стал просить — когда имеешь дело со столь важной персоной, приходится быть, сами понимаете, и немного дипломатом...

— Ох, прекрасно понимаю... — легонько вздохнул Сварог. — И что было дальше?

— Дело выглядело не столь серьезным и важным, чтобы я занимался им лично, — продолжал Гарн. — Поехал в наш кардотальский центр связи, позвонил по защищенному каналу одному из самых толковых на-

чальников отделов... Он справился за каких-то пару часов. Никакой секретной информации об Изначальных, как я и предполагал, в архивах не оказалось — спецслужбы этим никогда не занимались. Для очистки совести начальник отдела прислал мне все материалы авторства самих же Изначальных, какие только имелись в открытом доступе. Их было немного: шесть магических книг, четыре хроники и документ под названием «Пророчество Златоглавого» (Сварог насторожился, но не стал прерывать собеседника). Профессор не улетел, остался в Кардотале, в своем тамошнем особняке — и сказал, что я, когда получу материалы, могу его будить хоть посреди ночи. Ну, до ночи было еще далеко, я к нему приехал поздним вечером, привез материалы. Он был разочарован — правда, не особенно уж... Сказал, что уже обращался с тем же вопросом в военную контрразведку и в Огненный Купол — и получил от тех и других те же самые материалы с заверением, что других попросту нет. То же у него вышло с Академией Наук.... Он улетел на ночь глядя... — Гарн грустно улыбнулся. — Он так и не успел стать академиком, погиб через неделю. Авиакатастрофа. Тут уж и речи не было о просьбах и даже поручениях: премьер прямо приказал мне бросить все дела и лично заняться расследованием — в компании с начальником военной контрразведки и архонтом Огненного Купола. Вы, должно быть, отлично знаете: когда погибает человек такого масштаба, особенно на широкую ногу занятый секретными оборонными работами, спецслужбы поднимают по тревоге. К тому же, внешнеполитическая ситуация сложилась непростая. У нас тогда были крайне напряженные отношения с Пандичиттой. До войны безусловно не дошло бы, Лига Четырех Миров постаралась бы войны не допустить, но отношения были очень даже враждебные, даже, не в первый раз за последние десять лет, прервались дипломатические отношения...

— Я немного наслышан, — сказал Сварог. — А это правда, что вы поддерживали оружием и деньгами та-

мошних сепаратистов? Теперь нет смысла держать это в секрете...

— Ну да, — сказал Гарн. — Как и они — наших террористов. Не было ни правого, ни виноватого, у всех оказалось рыльце в пушку. Более того: и они у нас, и мы у них дважды устраивали самые настоящие диверсии. Конечно, я ко всему этому не имел прямого отношения, мы работали исключительно внутри страны — разве что тоже вылавливали иностранную агентуру. Так что три службы моментально занялись следствием со всем прилежанием. Самолет упал лигах в двадцати от столицы. Погибли все, кто был на борту: оба пилота, профессор, одна из его секретарш, начальник службы безопасности концерна, два телохранителя, стюардесса. Работали скрупулезнейше: нам дали воинские подразделения, группы военных техников с нужной аппаратурой, они прочесали все вокруг на большом пространстве, собрали все обломки, вплоть до самых маленьких. Из обломков специалисты за несколько дней сложили то, что осталось от самолета, — методика для таких именно случаев давно отработана. Никаких следов взорвавшейся на борту бомбы. Авиатехники в пункте вылета уверяли, что самолет был в полной исправности, и им следовало верить: подобные частные самолеты осматривают даже тщательнее, чем обычные пассажирские или грузовые. Очень надежная была птичка: серийный «Пайон-15», десятиместная машина с двумя реактивными двигателями. Выпускался уже четыре года, за это время с ними было только две аварии, всякий раз — из-за ошибок пилотов. В общем, никаких признаков злого умысла...

— Простите, перебью, — сказал Сварог. — А как обстояло с «черным ящиком»? Я не интересовался такими подробностями, но, судя по общему развитию техники, у вас такое могло быть...

— «Черный ящик»? — недоумевающе посмотрел на него Гарн. — Ах, да... У нас это называлось «красный шар». Его нашли неповрежденным. Ясности это ниско-

лечко не внесло, наоборот. Получалось, что двигатели, все бортовые системы, все до единого приборы — все было в полной исправности. Выглядело так, словно самолет, уже снижавшийся в «посадочном коридоре», вдруг по непонятным причинам на высоте примерно двухсот уардов вошел в крутое пике и врезался в землю. Огненный Купол ничего по с в о е й линии не нашел. Один из военных контрразведчиков предположил, что в кабине могла рвануть капсула с газом, то ли с дистанционным взрывателем, то ли по радиосигналу с земли — такое, пусть и редко, случалось не только в шпионских фильмах и романах, но и в жизни... Однако не нашли ни следов газа, ни капсулы — а впрочем, кабина пилотов пострадала больше всего, самолет явно падал вертикально... В общем, расследование зашло в тупик. В отчете так и написали: никаких следов диверсии не обнаружено, но причины падения самолета специалисты объяснить не в состоянии. И сделали примечание: подобные необъяснимые авиакатастрофы случались далеко не впервые — со списком примеров. Нельзя сказать, что дело на этом заглохло. Из опросов сотрудников службы безопасности концерна выяснилась интересная вещь... Недели за две до аварии по приказу ее начальника создали отдельную группу из трех человек, которым поручили не вполне обычное задание: вести слежку за тремя людьми, не имевшими отношения к о б ы ч н ы м делам службы. Газетный магнат, владелец столичной телестудии и известный журналист. Зачем, почему, для чего — эти трое не знали, выполняли то, что им было поручено. Знаете, наверное — в спецслужбах такое нередко случается. Исполнители знают свой небольшой участок работы, но представления не имеют, во что складываются их кусочки головоломки, все замыкается на одном-единственном человеке...

— Прекрасно знаю, — сказал Сварог.

— Ну вот... За этими тремя персонажами какое-то время плотно наблюдали и мы, и контрразведка. Но ни малейшего компромата не нашли. Никаких связей

ни с промышленным шпионажем, ни с террористами, ни с иностранными разведками. Абсолютно добропорядочные граждане, без всяких «скелетов в шкафу». Дело отправили в архив. Вот и вся история...

— Интересно... — раздумчиво сказал Сварог. — Если посмотреть на эту историю с точки зрения наших сегодняшних знаний, можно строить версии. Предположим, ваш профессор каким-то образом, может быть, чисто случайно получил информацию, что затаившиеся среди людей Изначальные — не шарлатанская выдумка, а доподлинная реальность. Информация оказалась достаточно серьезной, настолько, что записной рационалист ей поверил и занялся этим. Предположим, те трое были веральфами, окопавшимися на ключевых постах в средствах массовой информации — удобные позиции, позволяющие погасить распространение сведений, поднимающих интерес к проблеме. Предположим, веральфы об этом узнали — и пилот самолета был тоже веральфом низшего разряда, получившим приказ на ликвидацию ценой собственной жизни. Я мало знаю о веральфах, но не увидел бы в таком варианте ничего необычного. Наконец, это и в самом деле могла быть ампула с газом, следов которой вы не нашли. Некоторые химические соединения, насколько я знаю, могут быстро распадаться на совершенно безобидные компоненты... Что скажете?

— Все версии выглядят достаточно убедительными, — подумав, заключил Гарн. — Вот только ни одной из них т е п е р ь уже ни за что не проверить без машины времени, которой, я так понял, у вас нет...

— В точку, — со вздохом согласился Сварог. — Проверить невозможно, да и окажись эти версии правдой, это нам ровным счетом ничего не дало бы... Пойдем дальше. Вы сами смотрели те материалы, что передали профессору?

— Как вам сказать... В магические книги только заглянул. О них давно известно: они совершенно безопасны, если просто держать их в руках или проглядывать

с пятого на десятое. А вот и з у ч а т ь их крайне опасно. У Огненного Купола есть печальные примеры. К сожалению, невозможно было их изъять и засекретить — очень уж большое распространение получили... Хроники пролистал бегло и ничего интересного не нашел. Все хроники Изначальных непроходимо скучны. Сухой перечень событий без каких-либо деталей и подробностей — только имена и географические названия, ровным счетом ничего не говорящие. Король изволил кататься в парке. Была война. Построен новый мост. На небе появилась хвостатая звезда. Скука... «Пророчество Златоглавого» я прочитал — оно было короткое, уместилось на одном листе. Ничего интересного, в общем, иные пророчества н а ш и х древних времен выдержаны в том же стиле: туманно-пафосные фразы без особой конкретики. Оно у меня тут же вылетело из головы... Вот, собственно, и все.

— Интересно... — медленно произнес Сварог, в который раз ощутив нахлынувший охотничий азарт. — С магическими книгами и хрониками у нас обстоит совершенно так же. Но нам никогда не попадалось ничего, к р о м е н и х. Пророчество... Вот оно меня интересует крайне... вы, может быть, догадываетесь, почему?

— Примерно догадываюсь — как очень важный кусочек головоломки. — Гарн смущенно улыбнулся: — Увы, как я говорил, вылетело из головы. Кто бы тогда знал... Забыл начисто.

— Это вам так кажется, — усмехнулся Сварог и неторопливо встал. — Кажется, мы все необходимое обговорили. Пойдемте.

— Куда?

— С чем, с чем, а с э т и м я прекрасно знаком, — сказал Сварог. — Видите ли, Гарн, человеку только кажется, будто он что-то забыл. На самом деле мы не забываем абсолютно ничего. Все, что мы когда-либо видели, слышали, читали, оседает в памяти — но в таких глубинах, что человек уверен, будто он все забыл начисто. У медиков есть аппаратура, способная такие

воспоминания находить и извлекать. Мне крайне необходимо это пророчество. Все займет не более часа. Процедура совершенно безопасная, вроде измерения температуры, я ей несколько раз подвергался, и почти всегда — по своему желанию вспоминал иные книги и песни из моего прошлого...

— Пойдемте, — спокойно сказал Гарн и тоже встал.

— Подождите, — сказал Сварог. — Свяжитесь с Айлой, скажите, что уходите примерно на час. Она у вас умница, чуточку встревожилась тем, что я появился в полной форме — догадалась, что это неспроста. Скажите ей... что идете на рутинную медицинскую процедуру. И, чтобы она окончательно успокоилась, добавьте значительно: «Завершающую». Это чистая правда — медики сказали, что никаким процедурам больше вас подвергать не будут... Я подожду в прихожей.

Гарн достал из ящика стола предмет, крайне походивший на серебряный с разноцветной эмалью браслет, защелкнул на левом запястье. Айла, Сварог сразу заметил, носила такой же. Еще одна облегчающая жизнь безделушка Империи — на Земле такую штучку фантасты чаще всего называли «радиобраслетом», а здесь она именовалась «тайр», обеспечивала и видеосвязь. Сварог к ней отчего-то не привык, так что пользовался исключительно «портсигаром», что ни малейших затруднений для него не создавало.

Снял с вешалки фуражку, нахлобучил, чисто автоматически поправил перед высоким зеркалом так, чтобы кокарда приходилась ровнехонько над переносицей. Он был в прекрасном расположении духа — пока что дела шли прекрасно, и новым ценным сотрудником обзавелся, впервые в жизни в пределах досягаемости появилось пророчество Изначальных...

Гарн вышел в прихожую. Они неторопливо спустились с крыльца. Рыжая попрошайка торчала на прежнем месте, так что пришлось откупаться извлеченным из воздуха чищенным грецким орехом.

Какое-то время они шагали молча, потом Гарн сказал:

— Коли уж я оказался допущен к государственным тайнам и мне предстоит быть вашим заместителем, хотелось бы кое в чем внести полную ясность... **Н а с к о л ь к о** обстановка опасна? Понятно уже, что **с г л а в н о й** угрозой вы справились, но серьезная опасность остается?

— Что вам позволило прийти к такому заключению? — спросил Сварог, в очередной раз подумав, что с новым сотрудником ему повезло — многое схватывает влет.

— Откровенно?..

— Разумеется, — сказал Сварог. — В наших отношениях должна быть... ну, не **п о л н а я** откровенность, но максимальная.

— Во время нашей первой встречи вы держались совершенно иначе. Можно сказать, безмятежно, хотя ситуация была достаточно сложная, и только что произошла не самая приятная сцена. Сейчас, хотя вы этого, возможно, не замечаете, вы все время напряжены. И еще. У вас пистолет в правом кармане кителя. Нужны очень веские основания, чтобы вице-канцлер, генерал и глава двух секретных служб ходил по Империи с пистолетом в кармане...

В кармане у Сварога лежал не пистолет, а торч — что правда, удобства ради выполненный в виде не самого большого пистолета.

— Никаких секретов, — сказал Сварог. — Всего лишь разумная предосторожность. Три дня назад меня стараниями веральфов уже пытались убить в Латеранском дворце. Можно допустить, что попытаются устроить покушение и здесь. Нет ничего хуже **з а с е в ш и х** врагов. Так что все посвященные в тайну, кроме императрицы, ходят с пистолетами в кармане, даже Канцлер. Вам тоже предстоит барлять с дудкой на сквозняке, так что привыкайте...

НЕВИДИМЫЙ ДОЖДЬ

Они стояли плечом к плечу у вычурных перил широкого и длинного балкона — собственно говоря, галереи, опоясывавшей добрую половину третьего, последнего, этажа Латеранского дворца. Все посвященные в тайны (была еще Томи, но она сейчас сидела за компьютером на связи с людьми Марлока), сам Сварог, Интагар, Канилла, Гаржак и Гарн, с головой ушедший и в земные дела. При дворе Сварог его легализовал легко, по отработанной методике: еще один никому прежде не известный провинциальный дворянин, ставший доверенным лицом короля. Ну, предположим, так уж случилось, что инкогнито Каниллы оказалось раскрыто, но это ничему не повредило, к ней стали относиться с еще более почтительным уважением и еще больше завидовать Гаржаку, которого теперь и записные бретоны перестали вызывать на дуэль из-за Каниллы.

Балкон выходил на дворцовый парк, на самую диковую его часть, больше всего напоминавшую дремучий лес. Она тоже была облагоустроена мощеными дорожками, фонарями, беседками, статуями, вычурными мостикам над широкими ручьями и даже большим искусственным озером с лодками для прогулок. Но все

равно оставалась чащобой, именовавшейся Бор Поцелуев — именно сюда с темнотой в немалом количестве наведывались влюбленные парочки, вовсе не склонные ограничиваться поцелуями. На что Сварог смотрел благосклонно — так что здесь расхаживало гораздо меньше ночных патрулей дворцовой стражи и гвардейцев...

Они напряженно ждали. Через считанные минуты с неба должен был невидимыми и неосязаемыми потоками обрушиться «Серебряный ливень», поток «излучения пять» с восьмидесяти с лишним орбиталов, выведенных на суточные орбиты. Половину запустил Технион, половину — восьмой департамент (Сварог приложил все силы, чтобы для окопавшихся в департаменте веральфов это осталось тайной). Принц Диаммер-Сонирил будет доволен — Канцелярия земных дел на сей раз не сыграла первую скрипку, но выступила равноправным партнером в серьезнейшем деле...

Можно предполагать заранее: если с «опытными образцами» в немалом количестве прошло гладко, работает и сейчас, веральфы останутся без «кадрового резерва»...

Сварог посмотрел на свое левое запястье — на этот раз он надел тайр, и над ним горели в воздухе ярко-синие цифры, уже только двузначное число, уменьшавшееся с каждой секундой — пошла последняя минута...

— Внимание, — сказал он спокойно. — Сейчас начнется...

Какое-то время — бесконечно длившиеся секунды — ровным счетом ничего не происходило. Как часто бывает, ожидавшаяся развязка наступила внезапно. Повсюду над вершинами доступного взору леса там и сям взлетели высоко в небо, на высоту не менее чем в два роста самых высоких деревьев, остроконечные, геометрически правильные столбы прозрачно-серого дыма, напоминавшие скорее не дымы, а нечто плотное, вроде колонн. Явственно раздался со всех сторон многоголосый тоскливый, болезненный стон — и тут же оборвался. Столбы казавшегося твердым дыма, остава-

ясь такими же четко очерченными, остроконечными, медленно опускались, пока не исчезли совсем. Повсюду в Бору Поцелуев зияли проплешины, иногда довольно большие, там, где «злые деревья», как оказалось, произрастали сообществами. Эта пакость окопалась и в дворцовом парке, конечно. Интересно, как это выглядело со стороны на Таларе, где никто о «злых деревьях» понятия не имел, кроме каталаунских и деревенских колдунов. И разумеется, принца Элвара, стоявшего сейчас на балконе замка Роменталь.

Вот так, простенько и сердито: неполная минута — и ни единого «злого дерева», надо полагать, на Таларе не осталось. Нужно еще предположить, что...

Сварог встрепнулся, услышав справа, возле невидимой отсюда дворцовой поварни, громкие вопли — скорее азартные, чем испуганные. В следующий миг к лесу опрометью пронесся здоровущий бурый волк, за ним бежали трое гвардейцев, паля из пистолетов — а следом, отставая уардов на десять, поспешала орава поваров и кухонных мужиков, вооруженных кто вертелом, кто здоровенным ножом, кто топором для колки дров. Первым исчез среди деревьев волк, а за ним, с треском ломая кустарник, в лес ввалилась погоня, и все пропали из виду, только треск кустарников и сучьев доносился. Вот так. Веральфы отыскились не только среди придворных, но и среди дворцовой челяди — скорее всего, низшего разряда. Как это было с горожанами — среди Аристократов и Знати, виденных Сварогом на улицах Латераны, были исключительно дворяне, люди из Сословий и двух высших Гильдий — а Жителей представлял народ попроще...

Он прислушался. Двустворчатые двери балкона-галереи, ведущие в один из главных коридоров дворца, были распахнуты настежь, оттуда доносились испуганные крики, топот, громынули пистолетные выстрелы. Все было ясно, не стоило и гадать о причинах переполоха. Сварог кинулся в дверь. За ним бросились остальные. Он заметил краем глаза, что Канилла с Гаржаком

азартно выхватили оружие, сделанные в виде неизвестных здесь пистолетов торчи, досадливо поморщился, но ничего не сказал.

Бежать пришлось недолго. Уардах в двадцати от балкона к стене прижались белые, как полотно, придворные кавалеры и дамы, с воинственным видом стояли трое тихарей и гланский гвардеец, опустив разряженные пистолеты. Под потолком, в точности как недавно в коридоре гланской тюрьмы, висели тяжелые сизые клубы порохового дыма. А посреди коридора вытянулся еще слабо дрыгавший лапами бурый волк. Мозаичный пол уже заплывал темной кровью. Вот, значит как...

— Доложите! — рявкнул Сварог, не растерявшись и не теряя времени.

Первым опомнился гланский гвардеец, чуть побледневший, но вид имевший бравый и несгибаемый. Шагнул вперед, по-уставному прищелкнул каблуками сапог:

— Ваше величество, герцог Медольф... Шел по коридору, вдруг грянулся на пол, начало его корчить самым диковинным образом... Глазом моргнуть не успели, как обернулся этакой вот тварью. Мы и стали палить, этакая страхолюдина во дворце — законченный непорядок, хоть и не было на этот счет никаких инструкций.

Поблизости валялись клочья роскошного придворного костюма, обрывки башмаков и золотая цепь. Уже знакомая Сварогу картина: бывшая на веральфе в момент превращения одежда разлетелась в лоскуты. Ну да, герцог Медольф, один из четырнадцати выявленных среди придворных веральфов. Наверняка и все остальные...

Точно! Поблизости, за поворотом, загремели выстрелы — стража и там не ударила лицом в грязь.

Оглянулся на спутников — Канилла и Гаржак так и не убрали оружия, что сейчас никого не могло удивить. Никто из четырех ближайших сподвижников не

выглядел ни испуганным, ни растерянным — с чего бы вдруг?

— Ваше величество, а ведь наверняка по всему городу... — сказал Интагар.

— Берите выше, — криво улыбнувшись, сказал Сварог. — Не удивлюсь, если окажется, что по всему Талару... Объявите «Гром и молнию». Волков истребить. Поднимайте «Грозу» по всем моим королевствам и землям — будем оптимистами и заранее предположим, что везде то же самое. Жареного перепела соусом не испортишь... Бегом!

Интагар опрометью припустил по коридору, исчезнув за поворотом. Послышались еще выстрелы, гораздо дальше. Сварог обернулся к спутникам:

— Прячьте оружие, ребята, там, похоже, и без вас справятся. Приятный сюрприз...

Да уж, сюрприз оказался совершенно неожиданным, но безусловно приятным: «пятерка» не только изничтожила «злые деревья», но и заставила веральфов принародно обернуться волками — так серебро действует на иную нечисть, вынуждая ее принять свой истинный облик. Отыскалось надежное оружие...

...Сварог сидел за столом в малом кабинете, отхлебывал кофе из большой фаянсовой кружки, синей, пузатой, расписанной золотыми рыбками, и время от времени поглядывал на экран которого-нибудь из компьютеров, где появлялась свежая информация. За столиком рядом сосредоточенно трудился Интагар, после мелодичного писка подносивший к уху один из дюжины выложенный перед ним аккуратным рядом ташей — причем каждый раз ухитрялся не ошибаться, хотя сигналы вызова ничем не отличались один от другого, а никаких световых, естественно, не было.

Они работали спокойно. Не было ровным счетом никакой надобности тревожиться и спешить. Все это время, неполные сутки, они только тем и занимались, что принимали рапорты, опять-таки не требовавшие каких

бы то ни было решений: информация копилась и копилась, приходила со всех сторон...

Томи доложила уже через четверть часа: по точным сведениям наблюдателей из Техниона и восьмого Департамента, представивших скрупулезный отчет с помощью мощных компьютеров, по всему Талару, на Харуме и на островах было уничтожено ровным счетом ни много ни мало шестьдесят тысяч четыреста восемьдесят два «злых дерева» — надо полагать, все до одного. Внутренний «засадный полк», неизмеримо превосходивший числом окопавшихся и в Империи, и на Таларе веральфов. Вспоминая осужденный перестройщиками, но не разлюбленный от того Сварогом классический роман — крепенько же собрались Рваные щупать советскую власть...

Подобной точной статистики по обернувшимся волками веральфам пока что нет, и вряд ли она, когда подведут кое-какие итоги, будет полной. Наблюдательные орбиталы восьмого департамента глобального наблюдения за происходящим на земле не вели. Вообще-то такая программа существовала еще до Сварога и не так давно была задействована для поисков Дали — но Элкон был в компьютерном центре Хелльстада, прилетел в управление «Филин» только через полтора часа после того, как все началось. Так что приходится полагаться исключительно на донесения таларских военных, полицейских и чиновников — правда, обстоятельные и подробные. Они до сих пор поступают непрерывно.

По всему Харуму и на островах творилось одно и то же. Люди вдруг становились волками в самых разных местах — на улицах, в кабаках, в бакалейных лавках, на совещаниях купцов или чиновников. Или высказывали из домов, от особняков титулованных дворян до бедных крестьянских халуп. Целыми семьями — волк с волчицей и волчатами, а то и целыми стаями — слуги в особняках хозяев-веральфов тоже поголовно были веральфами.

Кое-какую статистику за неполные сутки латеранская тайная полиция уже собрала. По предварительным прикидкам, в Латеране оказалось примерно шестьсот с лишним веральфов — не так уж много для города с населением триста тысяч человек. Примерно такая же пропорция — и в других крупных городах, а в деревнях веральфов можно по пальцам пересчитать — ох, не любили они крестьянского труда и скрывались под личиной сельских писарей, сборщиков налогов и тому подобного микроскопического начальства, избавленного от необходимости пахать и пасти стада. Почти не оказалось их среди военных (разве что, не считая тыловых крыс), моряков, ученых, студентов, вообще творческих людей, среди тех, кто работает головой — от купцов до инженеров. Та же закономерность, что обнаружилась в Империи: веральфы не шли туда, где нужно заниматься творчеством, затруднять мозги, предпочитали быть исполнителями — от заместителей министров до мелких чиновников. В министерствах двора всех королевств Сварога их оказалось немало — но и эту работу к творческой никак не отнесешь...

Всюду веральфы вели себя одинаково: пытались спастись бегством из городов и деревень. Города, лишенные стен, невозможно было оцепить так густо, чтобы не выскользнула пресловутая мышь, а уж тем более это было некому проделать с деревнями. Так что некоторому количеству удалось сбежать. Хуже всех пришлось тем, кто оказался в безлесных густонаселенных местностях — на них гораздо легче устраивать облавы. Впрочем, и у тех, кому удалось укрыться в лесах, легкой жизни не будет: и каталаунские тигры, и обычные волки бдительно следят, чтобы никакие чужаки не нарушали границ их владений, пусть невидимых, но четко обозначенных. Так что незваным пришельцам придется туго...

Люди тоже не подкачали. Нигде не случилось всеобщей паники. Военные и полицейские на крошили немало волков в городах, да

и в деревнях, преодолев первое изумление, крестьяне хвастались за вилы и топоры, даже там, где веральфами оказывались односельчане — с незапамятных времен страшные сказки о волках-оборотнях бытовали в деревне, и в городах тоже, а кое-где в захолустье таковые встречаются и в реальности даже сейчас. Так что можно смело сказать: бить оборотней было делом прямо-таки житейским.

В первый же час Интагар распространил по всем владениям Сварога, говоря языком Империи, коммюнике, а по-таларски — хартию. Очень быстро герольды принялись ее оглашать на площадях, перекрестках больших дорог и сходах сельских сотен. Да, оказалось, что среди людей обитали в немалом количестве злокозненные волки-оборотни, но вынуждены были явить свой подлинный лик, точнее, звериную харю, так что никаких оснований для беспокойства нет, все до единого оборотни в волчьем обличье пустились в бега, и затаившихся не осталось ни одного. («Без этого дополнения никак нельзя, — вздохнул Интагар, когда Сварог сочинял хартию. — Народишко у нас шустрый, не доглядишь вовремя, в два счета возьмется расправляться со старыми неприятелями, в которых якобы узрел затаившихся оборотней. Такое и раньше случалось, а уж теперь, под шумок... Нужно пресечь заранее».) Поскольку тайная полиция стоит ближе всех к населению, Сварог посчитал, что Интагару виднее, внес все в хартию. Интагар добавил еще один абзац: открытым текстом ничего не утверждалось, но довольно прозрачно намекалось, что разоблачение оборотней — дело рук светлого короля Сварога, что должно было добавить ему уважения со стороны верных подданных. Ну, а для полноты картины еще вчера бесцеремонно выдернули герцога Лемара, привезли во дворец, и он за пару часов накатал в дополнение к королевской хартии убедительный манифест, который взапуски печатали три латеранских типографии для широкого распространения среди грамотного народа. Ну, а для неграмотных вовсю старались

многочисленные «барабаны» Интагара, они же «черные герольды»...

Боевые монахи всех трех Братств выступили на облаву в полном составе. Багряная Палата могла помочь лишь словесно — своих вооруженных подразделений у нее не было, если не считать небольшого отряда тайной полиции. Зато подключился немаленький воздушный флот Империи. На бреющем полете носились целыми эскадрильями боевые браганты Серебряной Бригады, армейцев, гвардейцев, спецназов восьмого департамента и девятого стола, отстреливая оказавшихся в безлесных местах бурых волков. С теми, кто сумел укрыться в лесах, обстояло похуже — не было аппаратуры, позволившей бы отличить волка от, скажем, кабана, но это отнюдь не повергало в уныние. Сколько-нибудь серьезной угрозы затаившиеся в чащобах уцелевшие волки не представляли, значительная их часть уже уничтожена, а оставшиеся могут рассчитывать лишь на когти и зубы — несерьезно по сравнению с брошенными против них силами, когда в охоте на них участвует весь Талар. Повсюду уже оправились от недолгого шока и началась деловитая суета.

На сей раз никаких протестов оппозиции ждать не приходилось: законы как раз и предусматривали применение имперской военной силы против объявившейся на земле черной магии. Вот Канцлер, не мудрствуя лукаво, и объявил происшедшее происками засевших на Таларе черных магов — кто бы его опроверг, кроме веральфов, которые вынуждены молчать в тряпочку. Некоторые лары помоложе, с авантюрной жилкой и склонностью к охоте, усмотрели великолепное развлечение и, вооружившись до зубов, носились на брагантах над Таларом. Канцлер им ничуть не препятствовал, наоборот, поощрял. Ну, и принц Элвар, как и следовало ожидать, объявил грандиозную облаву на бурых волков по каталаунским лесам. Словом, это была даже не война — загонная охота. На земле веральфы больше не представляли сколько-нибудь серьезной силы — а по

поводу притаившихся в Империи у Сварога появились кое-какие идеи, которыми он не успел еще ни с кем поделиться.

На одном из пультов вспыхнула знакомая лампочка — кто-то из посвященных в тайны просил разрешения войти. Сварог коснулся соответствующей клавиши. Дверь распахнулась, в кабинет энергичной походкой вошел Гарн, стряхнувший всякую меланхолию, крайне довольный тем, что ему нашлось дело. За его спиной на пару секунд мелькнула хмуро-сосредоточенная физиономия Баруты: ратагаец, что ему ни говори, подозрительно относился к новым лицам в окружении Сварога — ну, служба у человека такая...

— Садитесь, Гарн, — сказал Сварог. — Кофе хотите? Вы уже несколько часов на ногах, и нам всем не до обеда...

— Не откажусь, — кивнул Гарн, усаживаясь.

Сварог извлек из воздуха и поставил перед Гарном такую же чашку, как у него самого. Подумав, плеснул туда чуточку келимаса, налил в кофе и себе. Спросил:

— Как успехи?

— Все в порядке, — сказал Гарн. — Операция закончена. Дворцы и особняки тех четырнадцати и еще два десятка богатых домов опечатаны, к ним приставлены караулы. С теми домами, что обнаружатся еще, полиция так будет поступать уже самостоятельно, согласно отданным приказам. Отряды сыщиков для тщательного обыска формируются.

Сварог удовлетворенно покивал. Собственно говоря, не было никакой необходимости поручать Гарну дело, с которым справился бы подчиненный Интагара в невеликом чине — но Гарн должен побыстрее войти в курс и чисто таларских дел...

— У меня появилась идея, — сказал Гарн. — А что, если объявить, что за каждого убитого волка полагается денежная награда, и солидная, гораздо больше, чем в некоторых провинциях платят за простых волков? Будет дополнительный стимул...

— Не пойдет, граф, — живо возразил Интагар. — Только напортим делу.

— Почему?

— Вы у нас человек новый, во многом еще не разбираетесь, — пояснил Интагар вполне дружеским тоном. — Не принимаете в расчет житейскую сметку нашего народа. Вознаграждение за убитого волка выплачивается при предъявлении ушей — а их не подделаешь, к тому же они забираются чиновниками, чтобы не перешли в другие руки. С бурыми волками, ручаюсь, будет обстоять совершенно иначе. Лет двадцать назад король Конгер, чтобы пополнить свою коллекцию редкостей, объявил награду в сто золотых за шкуру белого волка. Разнообразные белые животные и даже птицы рождаются крайне редко, но рождаются. И по старинным законам принадлежат королю. Его величеству известно, как все обстоит...

Сварог кивнул. Были такие законы наподобие того, по которым когда-то каждый выброшенный на английские берега волнами мертвый кит становился личной собственностью короля или королевы. В Латеранском дворце по обе стороны дверей в большой тронный зал стояли два чучела силванских белых тигров, подарок Сварогу от царя Гипербореи. У самого царя возле парадной лестницы дворца стояла вовсе уж несусветная редкость — чучело белого мамонта, ухитрившегося вырасти до того, как попался на глаза охотникам.

— Чем не страдал никогда Конгер Ужасный, так это легковерием, — продолжал Интагар. — Уже через неделю ему принесли целых четыре белоснежных волчьих шкуры. Вот только за них тут же взялся с ящиком своих эликсиров придворный химик. Обнаружилось, что все четыре — шкуры обычных серых волков, мастерски выкрашенных в белый цвет. Я же говорю, народишко у нас наделен немалой житейской сметкой, вот только о достижениях науки химии далеко не все знают...

— И чем кончилось? — с любопытством спросил Гарн.

— Чем могло кончиться у Конгера? — пожал плечами Интагар. — Велел повесить всех четырех на Монфоконе с привязанными на шее волчьими шкурами. Известие об этом распространилось широко, и больше это не повторялось. Прошло несколько лет, прежде чем каталаунский охотник привез на стоящую шкуру. Вот и теперь, ручаюсь, вам очень быстро потащили бы не только настоящие шкуры, но и серые, крашенные в бурый...

— Понятно, — кивнул Гарн без всякого удивления. — У нас как-то пытались продать богатому коллекционеру «обломки инопланетного звездолета», очень качественная была подделка, экспертам пришлось потрудиться, прежде чем разоблачили.

— А что такое «инопланетный звездолет»? — с интересом спросил Интагар.

— Это такая вимана, на которой летают между планетами, — пояснил Сварог. — Совсем как та, на которой вы однажды летали в Империю.

— Вот я и говорю, — Интагар, такое впечатление, сразу поскущел. — Нет таких редкостей, которых бы не подделывали...

Один из ташей перед ним тоненько засвиристел, Интагар моментально им занялся, поднес к уху, опять безошибочно схватив нужный. Все три экрана перед Сварогом остались пустыми, новых донесений пока не поступало — значит, все шло, как обычно. Можно подумать о делах с неожиданной стороны — тоже составлявшей неотъемлемую часть королевских обязанностей...

Толковый король не должен забывать и о хозяйственных делах. А массовое бегство веральфов, так уж получилось, влекло за собой и нешуточные экономические выгоды. Поскольку среди них во всех королевствах Сварога отыскалось несколько сот дворян, в том числе титулованных и весьма богатых. Выморочным имуществом, согласно законам поступавшим в казну, стали дворцы, особняки, поместья и имения, иные с заводами и рудниками, банковские счета, золото в сундуках

в подвалах и немало другой движимости, от драгоценной посуды до ценных картин и антикварных коллекций. Трое крупных банкиров и десятка полтора мелких в Балонге оказались веральфами, а значит, все их добро опять-таки отходило Сварогу. Разумеется, себе он не собирался брать и ломаного гроша, ему это было просто не нужно. Зато можно было направить немалые суммы в Три Королевства, на постройку новых железных дорог и другие крупные проекты, страдавшие от нехватки денег. Часть земель следует приберечь для неизбежных пожалований. Немалое число «осиротевших» гербов и титулов можно по сложившейся практике тоже жаловать, не выдумывая новых. Одним словом, неожиданно королевская казна изрядно пополнилась безо всяких к тому усилий кого бы то ни было...

ГРОМ НЕБЕСНЫЙ

Сварог откашлялся в кулак, что было решительно против этикета — но к чему строго соблюдать этикет среди своих, в компании из трех человек? И начал:

— Там, откуда я пришел, бытовала пословица, которой здесь нет аналогов: «Новое — это хорошо забытое старое». Так оно и оказалось. По моему приказу провели нехитрый компьютерный поиск...

Он не стал уточнять, что поиск в компьютерных сетях Империи проводили Золотые Обезьяны — это не имело ровным счетом никакого значения, поиск они вели в хранилищах открытого доступа, которыми может воспользоваться любой допущенный к компьютеру малыш.

— В открытом доступе давно уже лежат обширные и обстоятельные отчеты археологов прошлого — я говорю об имперских. После Великого Возвращения вспыхнул нешуточный интерес ко многим наукам, в том числе и к истории с археологией. Это сегодня историей серьезно занимаются лишь двое ученых, а в Лицее обучаются два студента. Тогда все обстояло совершенно иначе...

Он ни словечком не упомянул о другом открытии, сделанном в ходе того же поиска. Давным-давно старое здание Лицея уничтожено и возведено новое, гораздо меньше, более подходящее мизерному числу студентов. Диковато и неуютно выглядели бы аудитории, в которых сидело бы не более полудюжины человек, а многие пустовали бы вообще. Несомненно, и Канцлеру, и профессору Марлоку было бы неприятно об этом слышать.

Вот только никак нельзя было вообще не упомянуть некоторые насквозь неприятные подробности...

— Тогда историей занимались не менее пятидесяти человек, и в Лицее — примерно столько же студентов. Признанным главой был академик Чоргош. Как я понимал, в истории он сделал примерно столько же, сколько Кондери в а-физике, — и не удержался от вопроса, который, быть может, вовсе не следовало задавать: — Возможно, вы о нем слышали?

Канцлер пожал плечами:

— Осталось в памяти имя из школьного курса, не более того. Я вообще не учился в Лицее, сразу поступил в коллегия, где готовили чиновников государственной службы...

— Аналогично, — сказал Марлок. — Разве что я не раз видел его бюст в Академии, в Галерее Славы. Эта узкая специализация... — улыбнулся он чуточку виновато. — Я всегда был ярко выраженным технарем, интереса к гуманитарным дисциплинам не проявлял никогда...

— Чоргош составил план масштабных археологических раскопок, получивший название проект «Былое», — продолжал Сварог. — Привлек примерно две трети историков, практически всех студентов — они из юного азарта поголовно вызвались добровольцами. И примерно сотни две антланцев в качестве технического персонала. В их распоряжении была масса техники, превосходящей ту, что существовала в моем мире. В первую очередь занялись Девейн-Гортом — удалось

точно определить, где он располагался по упоминаниям в хрониках Изначальных. Интересных находок сделали превеликое множество. Но главное, установили совершенно точно: Девейн-Горт был примерно тридцать тысяч лет назад взят штурмом, полностью разрушен и никогда более не возродился.

— Я так понимаю, взят и разрушен нашими предками? — с вымученной улыбкой спросил Канцлер.

— Вне всякого сомнения, — кивнул Сварог. — Чоргош на этом не остановился. Он велел вести раскопки дальше и не прогадал: оказалось, Девейн-Горт был возведен на месте другого большого города, опять-таки взятого штурмом и полностью разрушенного, с огромной долей вероятности уже Изначальными. И населяли его другие. Гуманоиды, но обликом во многом отличавшиеся от людей. Скелетов нашли очень много, и все они как две капли воды походили на тот, что я видел в гробнице, которую до сих пор прилежно охраняет Радужный Демон. И старательно поваленные статуи изображают тех же существ. Множество скелетов, и обычных, и гораздо меньше — определенно детские...

— Простите, перебью, — сказал Марлок. — А скелеты Изначальных? При взятии большого города штурмующих должно было погибнуть немало, это даже я, технарь, знаю...

— Я тоже, как профессиональный военный, — сказал Сварог. — Нет, ни одного скелета Изначальных археологи не нашли. Это вовсе не означает, что убитых у них не было. Должны были быть. Я не верю, что Изначальные были неуязвимы для оружия противника. Гораздо более вероятно, что они тщательно собирали своих убитых и хоронили... хотя, скорее всего, сжигали на кострах, как это в старые времена — и не такие уж древние — было заведено у людей. Возле Девейн-Горта археологи не нашли ни одной братской могилы, хотя искали старательно. Только скелеты хорров, погибших в бою и вырезанных после взятия города. Ах да! — спохватился он, заметив легкое недоумение на лицах собе-

седников. — Предшественников Изначальных академик Чоргош назвал Старыми Пращурами, и это название было введено в научный оборот. Нужно же было их как-то назвать. Видимо, Чоргош так поступил по нехитрой аналогии: пришедшие сюда с Сильваны люди, опять-таки официально, именовались Пращурами. На самом деле Старые Пращуры называли себя хоррами. Мне об этом сказал не кто иной, как Радужный Демон, а уж ему ли не знать... Видимо, и название планеты, Йорхор, означает что-то вроде «земля хорров».

Любитель въедливой точности Марлок не оплошал и на сей раз:

— Или «хорр» означает «житель Йорхора», можно допустить и такой вариант.

— Можно, — сказал Сварог. — Но нам уже никогда не узнать, как обстояло дело.

— Почему бы вам не отправиться к Радужному Демону? Он как-никак в некотором смысле ваш подданный. Вспоминаю ваш отчет: проход в гробницу открывается, когда на землю прольется кровь. Взять с собой какую-нибудь курицу или голубя. Вы не такой уж гуманист, птичку зарежете без колебаний...

— Я вообще не гуманист, — жестко усмехнулся Сварог. — Просто... Вы явно не все помните из моего отчета, профессор. Я дал Демону честное слово: он отдает мне Талисман Горлорга, а я обещаю больше никогда гробницу не тревожить. А честное слово я соблюдаю и тогда, когда даю его столь... экзотическим созданиям.

— Жаль, жаль, — с искренним сожалением сказал Марлок. — Единственный живой свидетель времен хорров... Послушайте, лорд Сварог! Если подумать, можно найти и обходной путь. Например...

— Господа мои! — с мягкой укоризной вмешался Канцлер. — Давайте вернемся к делу. О вопросах третьестепенных можно будет поговорить и потом.

— Хорошо, — нехотя согласился Марлок. — Радужного Демона пока что оставим в покое. Но есть еще один вопрос, по-моему, не третьестепенный, а насквозь

деловой. Лорд Сварог, в том городе остались какие-нибудь письменные свидетельства хорров?

— Увы, никаких, — сказал Сварог. — Точнее, не осталось никаких достаточно обширных надписей, позволивших бы расшифровать язык. Письменность у них, безусловно, была: археологи нашли несколько надписей — на оружии, посуде, на стенах, предметах, которые могут быть только вывесками и ничем другим. Все они слишком короткие. Единственный, можно сказать, документ — так называемая Лоретанская Стела. Величиной в два человеческих — и хоррорских — роста. Вверху — некий загадочный символ, а под ним — надпись из нескольких строчек, ровно тридцать восемь букв. Всего этого было слишком мало и для самих лингвистов, и для их мощных компьютеров. Ясно одно: судя по тому, что стела стояла на главной площади города, там было написано что-то очень важное. И еще: это не религиозный текст.

— Из чего это следует? — как Сварог и ожидал, незадолго спросил Марлок.

— Какая-то религия у Старых Пращуров, безусловно, была, — сказал Сварог. — Во-первых, даже у первобытных людей в с е г д а было нечто вроде религиозных верований. А уж у народов, умевших обрабатывать металлы, строить города и имевших письменность — непременно. Во-вторых: археологи нашли несколько помещений, которые, на их взгляд, могли быть только святилищами и ничем другим. Все городские строения захватчики просто жгли, а все святилища превратили в щебенку, щепу и обломки: камень, дерево, металлические предметы. Очень старательно трудились, потратив немало времени. Такое поведение по отношению к другим религиям тоже встречается в истории человечества... Пойдем дальше. Археологи раскопали еще четырнадцать городов, восемь принадлежали хоррам, остальные, как легко догадаться, Изначальным. Одна и та же картина: города взяты штурмом и сожжены до основания. С той разницей, что Пращуры не уничтожа-

ли подчистую книги и рукописи Изначальных: их немало найдено в развалинах домов — полусожженными. Часть, несомненно, Пращуры унесли с собой — иначе как бы они попали к людям и сохранились до нашего времени? Правда, среди текстов нет ни одного религиозного — а ведь они просто обязаны были быть. Везде, когда появлялась письменность, появлялись религиозные тексты. Что еще? Пращуры, как и Изначальные, оставляли трупы своих врагов... и жертв там, где они пали. А вот своих убитых точно так же сжигали — ни следа братских могил не обнаружено. Профессор?.. — Марлок явно собирался задать вопрос.

Марлок спросил без тени язвительности, по-деловому:

— А как определили, что своих убитых Пращуры тоже сжигали? Скелеты хорров очень отличаются от скелетов Изначальных, а вот у Изначальных и Пращуров они выглядят практически одинаково...

— В первом же городе археологи прилежно подсчитали количество скелетов, а потом проделали это и в других городах Изначальных. Везде одно и то же: число скелетов примерно соответствует числу жителей, которые, по расчетам, могли в этом городе обитать... Ладно, это те самые третьестепенные детали, о которых можно без всякого ущерба для дела поговорить позже, — он кивнул на свой портфель. — К тому же я вам привез подробный список ссылок на электронку и книги, вы все это быстро получите и без меня. Поговорим о главном... Но сначала — другой, на мой взгляд, важный вопрос. В открытом доступе веками лежат никем не востребованные груды интересной и полезной информации. Чертежи энергоприемников Брашерио взял как раз в открытом доступе, правда, не в Библиотеке, а в Музее техники, но сути дела это нисколько не меняет. Что, если нам предпринять самые масштабные поиски? То, что на жаргоне полиции Талара зовется «шмон вселенский». Я говорил с Беттой, она составила, по отзывам моих специалистов, крайне толковую про-

грамму поиска. Зверски талантливая девчонка справилась за несколько часов. Вот такое у меня предложение: что, если поиск поручить моим специалистам? Вы оба были в Велордеране, видели их за работой, понимаете специфику...

Никаких возражений со стороны Канцлера не последовало — ну конечно, он прекрасно должен понимать: в отличие от людей Золотые Обезьяны не нуждаются ни во сне, ни в отдыхе, ни в еде-питии, могут без перерыва работать сутками, неделями...

— Согласен, — кивнул Канцлер. — Нужные решения оформите сами — у вице-канцлера для этого достаточно власти. Ну, а бюрократии ради составьте для меня докладную записку, можно коротенькую... С этим все я полагаю? Итак, что вы считаете главным?

— Главное, я думаю в том, что полностью подтвердились мои догадки, — сказал Сварог. — Изначальные — вовсе не Изначальные. Примерно тридцать тысяч лет назад они откуда-то пришли и полностью истребили коренных... правда, не исключая, что и хорры откуда-то точно так же пришли, только гораздо раньше, как минимум миллион лет назад. В моем мире была в ходу поговорка: всякий «коренной» — просто предпоследний завоеватель. Примеров в истории предостаточно. Мы точно знаем, что Пращуры пришли с Сильваны, но не знаем к а к. Уж, безусловно, не прилетели на звездолетах — они тогда еще не изобрели пороха и огнестрельного оружия, откуда у них взяться звездолетам? Возможно, через какие-то внепространственные туннели, которые связывали две планеты... а может, и сейчас связывают, просто о них забыли начисто и не знают, где их искать и как на них попадать. Разумеется, это только гипотеза, но думаю мне, лучшей пока не придумать. Есть отличный пример: существующий до сих пор внепространственный туннель, которым Леверлин несколько лет назад прямо-таки во мгновение ока провел меня из Клойна в Равену. Есть ли другие такие, Леверлин и сам не знал.

Древние Дороги и Тропы — тоже в некотором смысле внепространственные туннели. Вот кстати, профессор, я в свое время написал отчет о «туннеле Леверлина». Вы твердо собирались отправить туда группу из Техниона. Но я за делами так и не поинтересовался итогом, а вы ничего не сообщили. Группа туда так и не вышла, или не было результатов?

— Никаких, — досадливо поморщился профессор. — Они работали долго, с обеих сторон — и в Клойне, и в Равене, пустили в ход всю аппаратуру, которой только располагали. Ни малейших результатов, они так и не знают, с чем именно столкнулись. Туннель просто-напросто существует, вот и все. Я точно так же был по уши в неотложных делах, вот и не нашел времени вам сообщить, а сами вы не интересовались... Вообще-то, это не повод впадать в черную меланхолию. Мы точно так же не знаем, что собой представляют Древние Дороги, Тропы и Заводы, но не впадаем в уныние, в первую очередь оттого, что не можем извлечь из них никакой практической пользы. Черт побери, никто так до сих пор и не объяснил, что такое, собственно, электрический ток, но мы тысячи лет преспокойно пользуемся и тем, и другим. С этой точки зрения «туннель Леверлина»...

— Господа мои... — вновь прервал Канцлер, столь же мягко, как и в первый раз. — Простите великодушно, но вы вновь отклонились от темы — давайте вернемся к более насущным вещам. У вас все, лорд Сварог?

— Нет, — сказал Сварог. — Осталось последнее, по-моему, столь же интересное и важное...

Он извлек из портфеля не особенно и большой лист бумаги, покрытый печатным текстом меньше чем наполовину, и, держа его в руке, пояснил:

— Наши медики это извлекли из памяти Гарна. Я решил, что может подождать и до нашего сегодняшнего совещания, благо день и час были уже назначены. Задержка на сутки ничего не решала. Впервые к нам в руки попал не просто документ Изначальных... кото-

рых я впредь предлагаю именовать иначе — попросту Древними. Никакие они, как выяснилось, не Изначальные. Название, сдается мне, точнее отражает положение дел. Вы согласны, я вижу? Отлично. Так вот, впервые мы столкнулись с чем-то т р е т ь и м. Это не магические книги и не хроники. Это пророчество, сделанное в пресловутые «незапамятные времена», когда, как совершенно ясно, прошло какое-то время после того, как Пращуры окончательно разгромили Древних. Какое именно, совершенно несущественно. Главное, вплотную касается совсем недавно произошедших событий, угрозы, с которой нам в последний момент удалось справиться. Документ озаглавлен «Пророчество Златоглавого». Гарн не знает, это его исконное название или его дали позже исследователи — так часто случалось со странными рукописями, не обязательно Древних. Ну, это опять третьестепенная подробность, которая нас занимать не должна. Текст короткий, но чертовски интересный, — он посмотрел на подавшихся вперед с крайне примечательным выражением лиц собеседников, мимолетно усмехнулся. — Ну, не буду вас томить и интриговать, господа мои... — поднял лист к глазам: *«Несчастливым братьям моим, стенающим в отдаленных закоулках мира нашего, а также укрывшимся среди презренных поработителей, несу благую весть, способную наполнить радостью всех до единого сердца. Прошлой ночью я вновь беседовал со светилами ночными, и Синяя Звезда Шаритель, всегда благосклонная к нашему великому народу, открыла мне светлую истину. Могущество завоевателей будет низвергнуто его же собственной плотью и кровью. Среди них родится женщина, которой суждено зачать от наших Высших и родить дитя, коему предстоит стать Разрушителем мира презренных захватчиков и возродить наше утраченное владычество. И не способен будет этому помешать никто из родившихся под этим солнцем и этими звездами. Призываю вас набраться величайшего терпения, братья мои в горе, печали и невзгодах: многие тысячи лет пройдут, прежде чем это случится — но случится не-*

предложно, уверила Синяя Звезда Шаритель. Тысячелетия величайшего смирения и терпения принесут нам победу. Все остальное я сохранил в тайне, передав лишь Четырнадцати Посвященным. Число это будет оставаться неизменным, и на место умершего Посвященного станет приходиться новый, и так будет из года в год, из века в век, из тысячелетия в тысячелетие, пока не сбудутся слова ни единожды не солгавшей Синей Звезды Шаритель, и наши далекие потомки вернут себе наш мир, а презренные завоеватели обрушатся в небытие. Радости вам и счастья, братья!» — Сварог положил лист на стол и чуточку удивившим его будничным тоном произнес: — Это все. Кажется, что многое как нельзя лучше объясняется...

Посмотрел на собеседников. Профессор Марлок с отрешенным видом посасывал давно погасшую трубку. Канцлер просто сидел с видом глубокой задумчивости. Поскольку они молчали, Сварог продолжал:

— Представления не имею — может, эта их клятая звезда в самого деле им никогда не лгала. Кто их знает, звезд, какие там у них обычаи, я с ними никогда не общался, да и вы, я уверен, тоже. Вот только меня жизненный опыт учит: порой даже в тех пророчествах, которые сбываются, бывают п р о р е х и, в итоге сводящие пророчества на нет. Я с этим дважды сталкивался. Фаларен был твердо убежден, что «ни один из рожденных под этим солнцем не может причинить мне вреда». Возможно, и здесь было какое-то пророчество... Он и меня полагал рожденным под этим солнцем — но я-то родился под другим... И Делия... Мне, наверное, навсегда врезались в память строки Мане Антекайда: «И никакое оружие, холодное или огнестрельное, покинувшее мастерскую под этим небом, под этим солнцем, не сможет причинить ей вреда». А убило ее оружие, сделанное в мире, где вообще нет ни неба, ни солнца. И в Кодексе Таверо, я давно убедился, встречаются похожие оговорки. Очень похоже, часто так с пророчествами и обстоит. Предсказания иногда делаются в смутной форме, предсказатель сам не понимает, что ему открылось...

— Вполне может быть, так и обстоит, — согласился Канцлер. — Применительно к недавним событиям — вы опять оказались тем, чье существование «Пророчество Златоглавого» решительно не предусматривало. Но и пророчество — сейчас третьестепенные детали. Есть более важные вещи. Отчеты археологов не просто «многое объясняют». Они еще и позволяют кое на что смотреть совершенно иначе. Полагаю, т е п е р ь мы можем не маяться каким бы то ни было комплексом вины за то, что совершили наши далекие предки по отношению к Изна... тьфу ты черт, Древним. Коли уж они сами сюда пришли с другой планеты и уничтожили коренных... которые, в свою очередь, в свое время, возможно, поступили точно так же. Конечно, наших предков это не красит, но они вовсе не предстают вырожденками. Такое не раз случалось с завоевателями. В истории разных народов наряду со славными деяниями случались и весьма неприглядные. Но никакого комплекса вины! Для в а с это, вполне допускаю и понимаю, не имеет большого значения, но вот для нас... А ведь именно этот комплекс вины пыталась вам в п а р и т ь Дали...

— И звучало все очень убедительно, — кивнул Сваг. — Видимо, она не рассчитывала, что я знаю о Хоррах — а вот сама не могла о них не знать. Честно говоря, у меня не нашлось аргументов в мою пользу, то есть в пользу ваших предков — прошлое так уж выглядело, все казалось ясным и понятным. Мы почти ничего не знаем о Хоррах, но можем узнать больше.

— Каким образом?

— Обходной путь к Радужному Демону, о котором вы упомянули в самых общих чертах, без конкретики. Мне тут кое-что пришло в голову. Я ведь дал честное слово, что никогда больше к нему не приду — но за других не клялся. Откуда я мог знать тогда, что Хелльстад достанется мне, что будущее станет таким, каким оно стало? Я не Мане Антекайд, не Таверо, и даже не Зла-

тоглавый. Со звездами не беседовал даже в большом подпитии...

— Поконкретнее, пожалуйста. Вы постоянно отклоняетесь от темы.

— Простите, — чуть смущенно сказал Сварог. — Однако мы обговорили уже все серьезное и важное, а там, — он кивнул на стену с экраном, — пока что ровным счетом ничего интересного не произошло...

— Все равно, — сказал Канцлер, и Сварог понял, что он, честное слово, волнуется, хотя старается это скрыть. — Совершенно не тянет сейчас заниматься пустословием. Что у вас за идея насчет кургана?

— Мне тоже очень интересно, — сказал Марлок.

— Идея нехитрая, но, думается мне, эффективная.

— Послать туда кого-то еще? — быстро спросил Канцлер. — Других вариантов я что-то не усматриваю...

— Вот именно, — сказал Сварог. — Поручу это дело... да что далеко ходить. Канилле Дегро и графу Гаржаку. Толковые ребята, до сих пор работали отлично, оба с той самой авантюрной жилкой, которая в разумных количествах идет только на пользу делу. Наконец, то, что они связаны определенными отношениями, тоже пойдет только на пользу. Полетят к кургану, зарежут там курицу или голубя, лучше всего это поручить Гаржаку — у него, в отличие от Каниллы, не один жмур на счету, что ему птичка. Я на собственном опыте убедился: Радужный Демон прекрасно знает, что такое «сделка». Его магии опасаться не следует: она, вульгарно выражаясь, отстает по фазе, протухла. Со мной в гробнице были Делия, Леверлин и Мара, и магия стража гробницы на них ничуть не подействовала, как и на меня. Предложим еще одну сделку: скажем, они трижды будут его посещать, а он пару-тройку часов будет им рассказывать об Йорхоре, что они прилежно запишут. У меня осталось впечатление, что Радужный Демон стремится, чтобы гробницу не тревожили. А снести курган мне несложно... Думаю, все получится.

— А почему — трижды? — с интересом спросил Канцлер.

Сварог чуть смущенно пожал плечами:

— Сам не знаю, право... Должно быть, сидели в памяти воспоминания о сказочных традициях. Во многих сказках огромную роль играет как раз число «три»: три загадки колдуна или чудовища, трехглавые драконы, три попытки убить черного мага... (он давно уже убедился, что именно так обстоит и в сказках Земли, и в сказках Талара). В конце концов, это не принципиально, можно выговорить и неделю душевных бесед...

— Ну что же, действуйте, — сказал Канцлер. — Я не вмешиваюсь, вы и без меня справитесь, никакая помощь вам не нужна. Одним словом...

Он замолчал, когда раздалось мелодичное электронное свиристенье — долгожданный сигнал, означавший, что началось то, ради чего они здесь сегодня и собрались. Повернулся к стене, на которой горел большой, не менее чем два уарда на два, экран. Сварог с Марлоком, подобравшись, усталились туда же.

Как обычно, изображение было цветным и объемным, а потому казалось не изображением, а окном, выходившим на сильванские леса — правда, располагавшиеся на высоте уардов двухсот. Пейзаж крайне напоминал каталаунский, в чем не было ничего удивительного: Талар и Сильвана во многом похожи друг на друга (хотя и отличий хватает). Поросшие густым ельником пологие склоны двух невысоких гор — а в довольно широком распадке расположилась одна из трех сильванских резиденций Лиги Охотников-Арбалетчиков. Трехэтажное здание прекрасной архитектуры, возведенное в совершенно сильванском, точнее гиперборейском стиле (единого архитектурного стиля на Сильване нет, а распадок этот располагается как раз в Гиперборее). Веральфы этот охотничий домик посещают не одну сотню лет по несколько раз в год. Насколько можно предполагать, отнюдь не только для обсуждения каких-то своих дел — их жизнь тысячи

лет протекала размеренно и спокойно, они, оставаясь необнаруженными, просто-напросто ждали, когда придет час исполниться Пророчеству Златоглавого. Но теперь никаких сомнений: они собрались ради того, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию, наметить какие-то планы, выработать какие-то решения. А охотой заняты исключительно маскировки ради. В противоположность прежним временам, надо полагать: волки любят охоту, это у них в крови...

Вот только уже третий день форменным образом прямо-таки на стену лезешь от бессильной злости...

Все это время никому из троих, врубивших все средства наблюдения, какие у них только имелись, так и не удалось вывести, о чем говорят веральфы, ближе к вечеру вернувшись с охоты. Совершенно та же картина, что имеет место быть сейчас в Хелльстаде, наблюдалась во время заговора Брашера и мятежа «белых колпаков». Распадок точно так же закрыт полем непонятной природы, непроницаемым для средств наблюдения как Империи, так и Велордерана. Более того: невозможно пустить в ход и Золотых Шмелей: когда веральфы вечером съезжаются, строения накрывает колпак защитного поля, на сей раз прекрасно известного: одна из четырех разновидностей, что давно применяются в Империи (поэтически его названия нет, во всех четырех случаях используются короткие, несложные комбинации букв и цифр). Воздух колпак пропускает, но задерживает любые материальные предметы, от капель дождя и силванских лесных комаров до Золотых Шмелей и аналогичных микророботов Хелльстада. У Сварога зародились стойкие подозрения, что веральфы знают о существовании его микророботов, шпионов в виде шмелей, мышей и пауков — вот только это не более чем неподтвержденные догадки. Само по себе наличие защитного поля компроматом считаться не может и не способно никого насторожить: точно такие же накрывают и другие, вполне безобидные охотничьи клубы, и силванские санатории, и земные курорты вроде пля-

жей Ракамерати — и это гораздо проще и эффективнее, чем возиться с обычными оградами...

— Съезжаются, твари... — сквозь зубы произнес Марлок.

Кроме главного здания, там стояли еще три разной величины, но все одноэтажные, уступавшие в роскоши резиденции, но и на бараки ничуть не походившие — конюшня, кухня, дом для егерей (охотничьих собак держали прямо в резиденции, многие охотники, принадлежавшие к роду человеческому, тоже так поступали). Со всех сторон съезжались группы всадников, сопровождаемые сворами собак, ехали шагом, спокойно, как люди, которым совершенно нечего опасаться. Самая обычная картина: приморившиеся за день собаки уже не рыскают вокруг челноками, идут вереницами возле лошадей, следом за кавалькадами словно бы сама собой плывет в воздухе разнообразная добыча: туши лосей, оленей и диких кабанов, десятки зайцев, фазанов, тетеревов и прочих пернатых — здешние места богаты дичью, и для гиперборейских охотников тысячи квадратных югеров леса давно объявлены запретной зоной — в точности, как королевские леса на средневековой Земле и нынешних Таларе с Сильваной. Вот только за тем, чтобы в заповедные леса не проникали посторонние, следит не особая лесная стража (чем все же пользуются отчаянные браконьеры, несмотря на грозящие им при поимке нешуточные кары), а всевозможная сторожевая техника Империи, так что ни один браконьер сюда прошмыгнуть не может. Богатая добыча. Что ж, веральфы — охотники умелые и удачливые...

В правом нижнем углу экрана мерцали все время прибавлявшиеся большие, с ладонь высотой, цифры. Ага, числа большие не увеличиваются: все до одного — и охотники, и егеря — вернулись. В верхней части экрана зажглась надпись столь же большими оранжевыми буквами:

ЗАЩИТНОЕ ПОЛЕ ВКЛЮЧЕНО. ИЗМЕНЕНИЙ НЕТ.

Волки в логове...

Интересно, подумал он. Нетрудно догадаться, зачем Канцлер в очередной раз созвал совещание «узкого руководства»: и он, и Марлок хотели услышать об отчетах археологов... чуточку смешно, добытых в результате процесса, который в некотором роде можно назвать археологическими раскопками... но зачем все время разговора Канцлер держал выключенным экран, для чего не было никакой необходимости? Какие-то неизвестные пока побуждения? Неужели его умельцы — а таковые у него найдутся на все случаи жизни — все же отыскиали способ слышать, о чем там беседуют веральфы? Просто прекрасно, если так обстоит!

— Думаю, самое время подвести некоторые итоги, — сказал Канцлер. — Вряд ли стоит сомневаться, что там — он кивком указал на экран — своего рода генеральный штаб противника, и они сейчас обсуждают самый для них насущнейший, животрепещущий вопрос: что им предпринять в нынешних условиях. О чем они говорят, мы не в состоянии услышать. Бессмысленно арестовывать кого-нибудь из них, когда они вернутся на Талар. Что в этом случае бывает, блестяще показали... гланские эксперименты лорда Сварога. Думаю, арестованный точно так же обернется волком, угодив не в гланскую пыточную, а к моим специалистам по психозондированию. Конечно, его тут же пристрелят, но мы снова не продвинемся ни на малюсенький шагжок вперед... Вы хотите что-то сказать, лорд Сварог?

— Кое-что добавить, — сказал Сварог. — Вряд ли это — третьестепенные подробности, сдается мне, как раз первостепенные. Начиная с определенного времени мне стало казаться, что я нечто похожее уже читал, именно читал, а не слышал. Потом вспомнил, где именно читал. Гонтор Корч, «Ночные колеса», вам не доводилось читать?..

— Никогда в жизни, — ответил Канцлер. — Последний раз читал беллетристику еще в Лицее, а потом в руки не брал (как и прежде в последнее время, конспи-

рации ради они говорили по-русски, так что Сварог слышал знакомые по прошлой жизни термины). Не из-за занятости, просто потому, что потерял к беллетристике всякий интерес... Ничего из ряда вон выходящего, сдается мне. Очень многие серьезные и образованные люди беллетристики не читают вообще. Как и многие светские бездельники. Хотя у молодых людей — вовсе не обязательно светских вертопрахов — считается хорошим тоном читать и помнить десятка два модных романов — чтобы было о чем поговорить с девушками: они-то модные романы, и имперские, и таларские, читают поголовно. Это считается столь же необходимым для придворного, как и умение танцевать и играть в шарады, — он чуть заметно улыбнулся. — Говоря откровенно, я эти романчики в Лицее читал как раз потому, что хотел произвести впечатление на девушку... ну, а когда она стала моей женой, как-то отпала надобность...

Он явно стал чуточку болтлив, пустился в те самые третьестепенные подробности, против которых только что возражал, подумал Сварог. Это неспроста. Такое часто бывает, когда люди волнуются, но изо всех сил стараются этого не показать. Волнуется? Чего-то ждет? Чего?

— Та же картина, — чуть смущенно развеял руками Марлок. — Конечно, многие технари — завязтые книгочеи, но я не из их числа...

— Я не завязтый книгочей, но читаю часто, — сказал Сварог. — Привычка еще с прежней жизни. Так вот... Стал я пролистывать «Ночные колеса» и наткнулся на искомое, еще не дойдя до середины. Среди историй, рассказанных ему ночными извозчиками, есть и такая... С одним из них как-то разоткровенничался за выпивкой «ночной портной» не из мелких. Происходило ли это в кабаке или на домашней пирушке, неизвестно. Непонятно так же, с чего вдруг «портной» разоткровенничался — народ серьезный, с посторонними язык не развязывают. Тут есть парочка крайне правдоподобных вариантов. Возможно, мастер вожжей сам

был тесным образом повязан с бандитами — у ночных извозчиков такое не редкость. Возможно, они были близкими родственниками, вполне доверявшими друг другу — случается и такое, родню, как и родителей, не выбирают...

Он сделал паузу — Канцлер слушал внимательно, на сей раз ни словечком не заикнувшись насчет «третьестепенных подробностей», безусловно присутствовавших в повествовании Сварога. Положительно, волнуется...

— Очень примечательная история, — продолжал Сварог. — Как-то сей бандюган темной ночью в который раз вышел на промысел с тремя друзьями. В переулке они встретили богато одетого дворянина и набросились на него, выхватили у него меч, прижали к забору, вынули ножи. Очень похоже, они его собирались не просто ограбить, а прирезать — народец был тертый-битый, не «тарабарские короли», но те еще головорезы, крови не боявшиеся. Все кончилось самым неожиданным образом. Дворянин во мгновение ока обернулся большущим волком. Все четверо оцепенели от нешуточного изумления, волк сбил одного из них с ног и скрылся в переулке, оставив лишь клочья одежды... и туго набитый кошелек. Они, разумеется, в погоню не бросились, были изрядно перепуганы... впрочем, не настолько, чтобы не подобрать кошелек и золотые пряжки с башмаков и ленты бадагара. Такая вот история. Разумеется, они не пытались этого дворянина искать, больше его не встречали, так что неизвестно, вернулся он в человеческий облик или остался волком. Рискну предположить, что все-таки имело место первое. Достоверно известно, что Корч ничего не выдумывал от себя, что слышал, то и записывал, правда, в предисловии говорил, что ручаться за достоверность всего ему рассказанного он никак не может... Словом, мне представляется, что вы совершенно правы, Канцлер. Окажись веральф в ваших руках, он тоже обернется волком — хотя из летающего замка бежать ему и некуда. Похоже, это у них прямо-таки защитный рефлекс — так ящерица отбрасывает хвост.

При серьезной угрозе они прямо-таки автоматически оборачиваются волками — очень может быть, временно. Возможно, этот рефлекс у них появился еще до того, как они попали в Империю...

— Получается, мы бессильны, — спокойно произнес Канцлер — что интересно, вовсе не безнадежным тоном.

— Получается, так, — кивнул Сварог. — Пленных брать бессмысленно, — он покосился на профессора Марлока. — Конечно, вьедливой точности ради можно поставить еще один эксперимент, арестовать парочку и привести в лабораторию психозондирования...

Судя по лицу Марлока, эта идея понравилась — а вот Канцлер, сразу видно, был от нее категорически не в восторге. Он произнес резковато:

— Думается мне, мы узнали достаточно, и любые дальнейшие эксперименты излишни...

— Достаточно? — живо воскликнул Марлок. — Мы же не в состоянии знать, что они замышляют!

Тем же тоном Канцлер ответил:

— Это вовсе не значит, будто мы н и ч е г о не можем сделать.

Его лицо походило на застывшую маску, какие порой до сих пор в ходу на театральных подмостках как на Таларе, так и в Империи. Неторопливым плавным движением протянув руку, он коснулся одной-единственной клавиши и напряженно уставился на экран. Сварог и Марлок тоже туда смотрели, не отрываясь.

Все произошло очень быстро.

Вокруг охотничьей усадьбы возник словно бы забор — геометрически правильный круг неяркого сиреневого сияния, раза в два выше самого высокого конька крыши. Стал быстро уменьшаться в высоте, словно уходя под землю — а через несколько секунд исчез вовсе, усадьбу словно накрыл купол из того же блекло-сиреневого света, ставшего вдруг нестерпимо ярким, будто раскалился до предела сам воздух внутри купола. Когда он погас, на месте усадьбы ничегошеньки не было —

только столь же геометрически правильный круг черной, выжженной земли посреди высокой сочно-зеленой травы...

Ошеломление было таким, что Сварог замер, не в силах выговорить ни слова. Марлок оказался покрепче: заикаясь от изумления, все же выговорил громко:

— Эт-то ч-что т-такое?

— Новейшая разработка оружейников, — бесстрастно сказал Канцлер. — «Сиреневое кольцо». До сих пор ни один из наших боевых излучателей не мог пробить защитное поле любой разновидности. Но против любого доспеха рано или поздно найдется оружие — лорд Сварог, профессиональный военный, должен это прекрасно знать. Одному из конструкторов — молодому, но способному — пришла в голову светлая мысль: пойти другим путем, не пытаться п р о л о м и т ь защитную полусферу, а действовать и з н у т р и. Излучение ударило под купол с н и з у, из-под земли. Как и рассчитывалось, уничтожило там все — строения, животных, веральфов и людей... в том числе и генератор защитного поля, которое исчезло. Все, даже траву, как видите, — на его бесстрастном лице появилась гримаса, за неимением лучшего способа сойти и за улыбку: — Простите великодушно, господа мои, что я не поставил вас в известность заранее. Не хотелось лишней говорильни. Даже если бы вы, кто вас знает, попытались бы меня отговорить, я принял решение и отступать не собирался. Коли уж вопрос стоит во всей обнаженной простоте: мы или они... Мне почему-то кажется, лорд Сварог: кто-кто, а уж вы меня безусловно поймете. Вам ведь уже приходилось принимать серьезнейшие решения в одиночку, ни с кем не советуясь, потому что это ничего не изменило бы...

— Случалось... — медленно сказал Сварог.

Находясь в некотором смятении чувств, он все же подумал трезво и холодно: все правильно, иначе было и нельзя. Как говорил герой одного из его любимых ро-

манов, ты должен сделать добро из зла, потому что его больше не из чего сделать...

Уже немного оттаяв лицом, Канцлер осведомился:

— Надеюсь, господа мои, никто из вас не страдает неуместным сейчас гуманизмом? Ваш ответ, лорд Сварог, написан у вас на лице: о гуманизме вы и не думаете. Профессор?

— Да какой тут может быть гуманизм... — проворчал Марлок. — Вот только... Что дальше?

— Дальше? — пожал плечами Канцлер. — А дальше они остались без всякого руководства. Все, что мы о них знаем, позволяет сделать вывод: новое руководство, новая иерархия возникнет не скоро. У волков это обычно занимает больше времени, чем у людей...

— Я собственно, не об этом... — сказал Марлок, вслепую, неуклюже пытаясь развязать кисет. — Они именно что остались...

— Ну и что? Нет, ну и что? — спросил Канцлер. — У нас достаточно времени, чтобы сделать следующий шаг, о котором уже говорилось. Взять их всех до одного и отправить на Антлан. Там они будут содержаться со всем комфортом — но наружу никогда уже не вырвутся. Сил для этого у нас вполне хватает. Их всего-то несколько сотен...

Марлок наконец справился с завязками кисета, опять-таки не глядя сунул туда трубку, одну из любимых. Произнес с непонятным выражением лица:

— Ну да, огромная тюрьма, из которой невозможен побег... И они там будут обитать тысячи лет...

В голосе Канцлера Сварогу послышалось затаенное ехидство:

— У вас есть другие предложения? Другой вариант решения проблемы?

Профессор молчал, просыпав на колени немного светло-коричневого табака и не заметив этого. У Сварога зародилось подозрение, что Марлок превосходно понимает, какими должны быть другие варианты (точнее, один-единственный другой), но по чисто пси-

хологическим причинам не может высказать это вслух. Марлок чистой воды ученый, не государственный деятель и не военный, каковым частенько приходится озвучивать предельно жесткие решения. В конце концов, наука не живет по принципу «Ты должен сделать добро из зла» — не то что они с Канцлером?...

Он чувствовал, как его собственное лицо превращается в ту самую маску, что только что исчезла с лица Канцлера.

Без малейшей вкрадчивости или затаенной иронии, совершенно спокойным голосом Канцлер спросил:

— Интересно, а у вас есть предложение, лорд Сварог?

— Конечно, — не колеблясь и не раздумывая, ответил Сварог. — Уже обдумал, совсем недолго пришлось думать... Судя по сводке, которую я получил из Техниона, «волки» и «люди» абсолютно идентичны, ни малейших отличий...

— Абсолютно, — кивнул Марлок.

— Вот видите, — сказал Сварог. — Это позволяет думать, что и в людском облике полностью идентичны веральфы таларские и имперские. Так что идея нехитрая: поднять излучатели на более высокие орбиты и обрушить «Серебряный ливень» уже на Империю. Если все пройдет так, как и на Таларе, проблема снимается. И даже более того, получится гораздо эффективнее. Пока, разумеется, нет точной статистики, но цифры в донесениях полиции и военных позволяют сделать кое-какие расчеты. Не более трети веральфов смогли укрыться в лесах и малонаселенных районах. Правда, во втором случае их уничтожено гораздо больше, но я не о том... На земле им было куда бежать. В Империи им бежать некуда. Замки превратятся в несколько сотен ловушек. Возможно, они и в волчьем облике сохраняют способности ларов и смогут, спрыгнув из маноров, плавно невредимыми опуститься на землю. Что им нишкочечко не поможет. Они попросту не знают земли, к тому же изрядная часть их попадет в города и деревни,

а там их, уже приобретя некоторый опыт, быстро перебьют. Мне сделали пока кое-какие предварительные расчеты. Перевести излучатели на более высокие орбиты можно менее чем за полчаса. Больше времени, но не дни, а часы, займет планирование операции по... нейтрализации волков. Все их маноры нам известны наперед. Нетрудно будет подготовить мобильные группы из военных и спецназовцев, которые займутся зачисткой. Вот такое у меня предложение...

Он смотрел на собеседников. Лицо Канцлера не выражало ничего, кроме живого интереса. Марлок тоже не выглядел ни возмущенным, ни удивленным — профессор, сугубый технарь, ничуть не был мятущимся интеллигентом. И все же некоторое недовольство на его лице присутствовало.

— Мастер вы на благозвучные эвфемизмы, лорд Сварог, — сказал он чуть ворчливо. — Нейтрализация... Там же еще и дети...

— Вам их жаль? — спросил Канцлер. — Гуманизм одолел?

— Да нет, ничего такого, — сказал задумчиво Марлок. — Просто... чуточку удручает... Дети...

— В о л ч а т а, — твердо поправил Сварог. — От волков всегда рождаются только волчата, а выросши, становятся волками. Даутверт, Стемпер и их ближайшие соратники тоже были когда-то детьми... волчатами. Вот, кстати, данные по Талару. Всегда, во всех случаях, когда после «Серебряного ливня» волками оборачивались веральфы, имевшие детей, из домов вместе со взрослыми волками выбегали и волчата. Никогда не обнаруживались потом осиротевшие человеческие дети. Веральфы — с рождения веральфы. На Таларе подчистую уничтожают и волчат — в точности так, как это испокон веков делают охотники-волчатники...

— Вы против такой операции, Марлок? — словно бы небрежно спросил Канцлер. — Есть возражения?

— Ну что вы, — отреагировал профессор. — Решение и в самом деле простое и чертовски объективное.

Просто... ну, остается некоторое душевное неудобство. Дети все же...

— Подумайте о том, что из этих детей, без малейших исключений, вырастут создания, которые будут стремиться уничтожить человечество и на земле, и за облаками, — сказал Канцлер. — И всякие душевные неудобства исчезнут сами собой. Ну, что же... У меня была та же идея. На войне как на войне. Лорд Сварог, вы не возражаете, если я возьму планирование на себя?

— Ничуть, — сказал Сварог. — Наоборот, вы меня чрезвычайно обяжете. У меня неплохие планировщики, но их только двое, а у вас их гораздо больше. В восьмом департаменте найдутся, но мы договорились его в игру не включать... Не тот случай, чтобы тешить самолюбие его высочества Диамера-Сонирила, своими силами справимся...

— Справимся, я полагаю, — кивнул Канцлер, погасил экран. — Ну что же, господа мои, совещание можно считать законченным?

Он прошел к изящному шкафчику старинной таларской работы (была у Канцлера безобидная страстишка — мебель старых знаменитых мастеров), принес бутылку келимаса с острова Ройре, серебряные с чернью стопки и блюдо с закусками. Выпили по стопочке, помолчали. Потом Сварог сказал:

— И еще в одном выйдет нешуточная выгода. Если нам все это удастся, Дали останется одна, без войска, без с т а и. А оставшись одна, вряд ли будет представлять такую уж серьезную угрозу...

— Живьем бы взять, — мечтательно сказал Марлок. — О многом можно было бы порасспросить...

— Думаю, не удастся порасспросить, — жестко усмехнулся Сварог. — До сих пор это не удавалось...

— Да, действительно...

— А потому...

Он замолчал, ощутив явственную вибрацию в правом кармане парчового кафтана (он здесь был в коро-

левском наряде, собирался отсюда лететь в Латерану, потому и толладскую кольчугу надел заранее). Достал «портсигар». Судя по тому, что горел только один самоцвет-огонек, ничего чрезвычайного.

Сообщение было короткое, менее чем на строчку. Плясать от радости, безусловно, не следовало, но все же небольшая радость налицо.

— Коли уж совещание закончено, я хотел бы откланяться, — сказал он, без всякой поспешности встав из-за стола. — Меня вызывают в Латерану.

— Что-то серьезное? — спросил Канцлер.

— Не думаю, — сказал Сварог чистую правду. — Обычная операция, которая, может сказаться, поможет немного расширить наши знания о веральфах. По ронерской, снольдерской и гланской глуши два месяца странствовал городской книжник со слугой, собирал там фольклор, — он улыбнулся, не думая растолковывать юмор. — Сказки, легенды, тосты... Нельзя сказать, что в глуши такие гости примелькались, но о них слышали краем уха и за скромное вознаграждение и угощение в корчме готовы поделить знаниями... Профессор?

— Я общался и с нашими книжниками, и с таларскими, — сообщил Марлок. — Частенько выгоды ради таких вот книжников беззастенчиво потчуют выдумками и фантазиями, хорошо, впрочем, придуманными...

— Мы это предусмотрели, — сказал Сварог без тени злорадства. — Это земной книжник не отличит правду от вымысла, зато лар... «Книжник» как раз лар, это «слуга» анланец. Ну вот, а в капюшоне у «книжника», как когда-то у меня, сидит Карах. Ночью вылезает и отправляется искать сородичей. Домовые никак не относятся к вымирающему виду, их немало, особенно в глуши, а наследственная память у них надежная и обширная. Глушь моя группа выбирает главным образом лесную — или такие места, где водятся волки. Возможно, какой-то улов и есть. Они нечасто связывались со мной, но в первую же неделю доложили, что Карах до-

мовых нашел, и потом несколько раз о том же сообщали. Так что...

— Ну, тогда можете отправляться, — кивнул Канцлер.

Сварог поклонился и вышел.

Путь в Латеранский дворец занял не больше пары минут. Ради его удобства Канцлер остановил манор своего Кабинета как раз над Латераной. Так что путь оказался недолгим и привычным: невидимый окружающим брагант опустился на крышу бывших голубятен, и король Сварог неторопливо спустился по лестнице в свои покои, отделенные от остальной части замка свежевозведенными стенами и надежной охраной. Интагар с двумя телохранителями ждал у двери в коридор — Сварог еще из манора послал ему сообщение.

— Полагаю, все спокойно, раз вы молчите, — сказал Сварог.

— Совершенно. Пришло два десятка обычных сообщений из разных уголков об уничтоженных волках. Все, как обычно. Разве что одно чуточку нестандартное, это — первое случается.

— Что там?

— Один из торговых кораблей был застигнут «Серебряным дождем» в открытом море, когда до Фирнолла оставалось несколько часов пути. И один из матросов, такой же, как все, ничем не примечательный, вдруг обернулся волком. Особой паники не было, моряки с крепкими нервами. Довольно быстро его прикончили. Хотя двух-трех он и успел покусать — но неопасно для жизни. Когда о случившемся быстренько донесли куда следует, люди из Морского бюро кое-что в хорошем темпе сопоставили. Моряк этот жил в портовых кварталах Фиарнолла, был человеком семейным и с детьми. Когда пролился «Серебряный дождь», из его домишки вымахнула волчица с двумя волчатами. Ну, из портового города волкам вдвое труднее убежать, чем из чисто сухопутного, всех троих быстро прикончили полиция

и горожане. Ничего интересного, разве что место действия...

— Ну, были места и гораздо интереснее... — скучным голосом сказал Сварог. — Что приезжие?

— Согласно вашим инструкциям, данным еще два месяца назад, — прилежно доложил Интагар. — Г о с т ь в Яшмовой гостиной, с л у г а отправлен в комнаты для вашей личной прислуги, д р у г о й ожидает в вашем личном кабинете. Никто из них не взволнован, не просил ни о чем вам сообщить незамедлительно, все спокойны.

— Прекрасно, — сказал Сварог. — Графиня Дегро во дворце?

— Пока нет, но ожидается примерно через час.

— Отлично. В «золотой гостинице» есть свободные... номера?

— Целых три, — верный бульдог уставился на Сварога с неприкрытой надеждой. — Ваше величество, уж не собираетесь ли вы...

— Угадали, — усмехнулся Сварог. — Давно пора взять девушку в руки. Вы, я смотрю, радешеньки?

— Не буду скрывать, ваше величество... Я к ней не питаю ни малейшей неприязни, наоборот, с большим уважением отношусь — умная девушка, офицер толковый. Только вот эти ее срамные платишки, а главное своеволие... Я с ним уже пару раз сталкивался.

— Везет вам, — сказал Сварог. — А я вот — с дюжины раз. Лопнуло мое терпение, благо и срочных дел для нее нет. Когда она приедет, объявите арест моим именем и отведите в «золотую гостиницу». Семь полных суток, начиная с завтрашнего утра. Подробности вам ни к чему, но поясню: ну да, очередное своеволие. Как всегда у нее, ничуть не повредившее делу, но нельзя же без конца смотреть сквозь пальцы на ее своевольства... Иллюзий я не строю, никого еще неделя гауптвахты не исправила раз и навсегда, но неделя в разлуке с Гаржаком — наказание все же чувствительное.

— Его бы тоже не мешало на пару недель, — сказал Интагар. — Вы же знаете, что он выкинул при операции «Хрусталь»...

— Конечно, — сказал Сварог. — Увы, с ним немного иначе, он уже завтра будет необходим. Но я не собираюсь ничего прощать, отсидит, когда будет время, как миленький...

В Яшмовой гостиной навстречу ему неторопливо поднялся молодой человек в одежде Сословия Совы. Ровесник Брагерта, в чем-то весьма Брагерта напоминавший, чуть шалопай и своевольник, но работник ценный, не перешагивавший кое-какую грань, за которой Брагерт в свое время и оказался. Восьмой департамент как таковой Сварог в дело веральфов не посвящал, но отдельных его оперативников, на которых вполне мог полагаться, использовал.

Посмотрел на стол — ну да, там, конечно же, трудами Интагара был собран обед с вином в умеренном количестве, и гость с ним уже покончил. Тем лучше.

— Садитесь, Норанс, — сказал Сварог и, подавая пример, уселся сам. — Как успехи?

— У меня — ничего особенно интересного, — сказал граф Норанс. — Разве что некоторое количество сказок и легенд о волках-оборотнях, вполне укладывающихся в уже известную картину. Вот только один случай не вполне укладывается... Вам доложить подробно, или вы просмотрите запись сами? У меня здесь видео нашей беседы, от начала и до конца... — он положил на стол небольшой плоский футлярчик. — И все остальные записи. Суть я уже изложил.

— Посмотрю сам, — сказал, недолго поразмышляв, Сварог и прибрал футлярчик в карман. — Что у Караха?

— Сам он не говорил, я, как гласили инструкции, не лез с вопросами. По моему заключению, та же картина: рутинная, ничего из ряда вон выходящего...

— Ну, тогда не будем терять времени, — Сварог встал. — Пообедали? Отлично, забирайте слугу и воз-

вращайтесь в Империю, на крыше, как всегда, есть свободный брагант, тот, что у статуэтки защищающей птенцов голубки...

— В ваш кабинет, ваше величество? — спросил в коридоре Интагар.

— Конечно, — сказал Сварог. — Да, мне стало любопытно... Как вы к нашему г о с т ю относитесь? Раньше мы с вами о таких созданиях не говорили...

— Как к вещи самой обычной, — пожал плечами Интагар. — У нас дома их не было, а вот у соседа обитал один — сосед был побогаче, у него жилось гораздо сытнее. Мальчишкой я его видел пару раз, в сумерках. Ничего особенного, домовой как домовой, дело вполне житейское. Как по мне, ваш хельльстадский пес — создание куда как поразительнее...

Карах сидел на столе возле большого блюда с теми самыми небольшими поджаристыми пирожками, за которые мастер скалки и кухонного ножа пользовался режимом наибольшего благоприствования. Поесть серенький домовой всегда любил, разве что в рот не брал ни мясного, ни спиртного (делая исключения для рыбы). Так что пирожки ему принесли с грибами и с вареньем, да вдобавок подали кувшин мандаринового сока — мандарины Карах попробовал, только попав в манор Сварога, и оценил должным образом.

— Рад тебя видеть, старина, — сказал Сварог, даже капельку растерявшись. — Давно не виделись, а?

Карах вытер ладошки крахмальной салфеткой с вышитым в уголке золотом королевским гербом (давно уже обучился основам политеса, в первую очередь культурному поведению за столом), вмиг скатился кубарем по массивной ножке стола, взобрался по Сварогу, как по стволу сосны, устроился на плече, обхватил за шею, прижался к щеке мохнатой мордочкой, и они замерли на какое-то время. Чувства Сварога трудно было определить словами, но они были самыми теплыми: серенький домовой, даром, что не человек, был единственным оставшимся в живых сподвижником Сварога по самым

первым здешним мушкетерским похождениям, и занятным, вроде истории с пиратками царицы Коргала, и гораздо более невеселым, как это было в замке Мораг. Предположим, живехоньки-здоровехоньки и капитан Зо, и боцман Блай, но это чуточку не то, их все же никак не отнесешь к сподвижникам, а с Карахом с некоторых пор и до определенного момента они не расставались, подвергаясь одним опасностям...

Наконец лапки домового разжались, он сказал прямо-таки растроганно:

— Ты не представляешь, как я рад, хозяин. Мы так давно никуда не выбирались вместе...

— Что поделать, все не подворачивается случая, где бы ты мог себя показать должным образом, — сказал Сварог дипломатическим тоном, благо именно так и обстояло. — Будешь обедать дальше?

— Я уже перекусил малость, обед может подождать.

— Вот и отлично, — сказал Сварог, снял Караха с плеча и посадил на стол, на прежнее место. Перехватил его тоскливый взгляд, брошенный на кувшин с золотисто-рыжим соком. Ну понятно, тот, кто принес обед, полагал, что несет его человеку. Меж тем стакан для Караха был как ведро, а кувшин вообще повыше его ростом. Заполнив стакан на две трети, Сварог кивнул:

— Угощайся.

Карах управился со стаканом так же ловко, как пьяница с ведром вина — ловко сграбастал мохнатыми лапками, поднес ко рту и долго с удовольствием пил, не пролив ни капли. Разделавшись не менее чем с половиной, удовлетворенно фыркнул:

— Уф, теперь и жить легче!

— Ну, рассказывай, — сказал Сварог, усевшись поудобнее и закурив.

Карах, крайне сейчас походивший позой на университетского лектора из Сословия Совы, заговорил. Никто его этому не учил, но он хватко отсекал лишнее, можно сказать, докладывал грамотно, со сноровкой опытного военного.

Однако Сварога все сильнее охватывало разочарование. Ни на шаг вперед не удалось продвинуться. Все, что Карах услышал от сородичей, ничуть не отличалось от того, что хранилось и в его богатой наследственной памяти — а об этом он уже рассказывал Сварогу подробно. Ничуть не вымышленные и интересные, но вряд ли имеющие отношение к веральфам истории о волках-оборотнях, что встречались порой не только в деревнях, но и в небольших городках — как правило, там, где они могли быстро добраться до лесов, полей и лугов, чтобы носиться там в волчьем облике. И ничего другого. Жаль, очень жаль, были некоторые надежды... Как-никак именно Карах ему когда-то рассказал первым, пусть и немного коряво, что собой представляет Багряная Звезда...

Он насторожился, наострил уши. Вот это уже было нечто новое, никогда прежде не слышанное. Фортиколы, жившие поблизости от отрогов Каталауана, рассказывали, что там с незапамятных времен ходили рассказы о необычных волках, бурых. Они появлялись редко, но вредили людям старательно, как будто другого жизненного предназначения у них не было. Да и оплошавшего фортикола могли в два счета разорвать, что интересно, они всегда выглядели так, словно были обсыпаны снегом. У фортиколов сложилось впечатление, что они, никогда не нападая на животных, охотились на людей — и фортиколов тоже, — как сами люди, вернее, их благородные господа охотятся на разнообразную дичь: не ради пропитания, а из чистого развлечения, для удовольствия. Никто из собеседников Караха сам их никогда не видел, но от предков наслушались достаточно. Их звали Снежными Волками, говорили, что вожаком у них Белая Царица — белая, как снег, волчица. Говорили еще, что приходят они с загадочного Снежного Острова, причем, надо полагать, не обычными дорогами, ими ни за что не попадешь с острова через море на большую сушу. На чем основывались разговоры о Снежном Острове, никто не

знал — но именно это убеждение было распространенным и всеобщим...

А может, Остров не Снежный, а Ледяной? Лишь фортиколы, никогда там не бывавшие, звали его Снежным? Жаль, что Карах как ни искал и ни расспрашивал, так и не наткнулся ни на одного ученого. У них ведь были те, кого можно назвать учеными, разве что письменности не знали, попросту собирали в необъятную память гораздо больше знаний, чем обычный домовой, и в отличие от обычных домовых много размышляли над тайнами земли и неба. Как бы там ни было, в который раз с веральфами, оказывается, связан то ли ледяной, то ли снежный остров, а он на Таларе один такой после Шторма. Впрочем, нельзя ручаться, что имеется в виду — неважно, сейчас или раньше — именно Диори...

— Вот и все, что удалось узнать, — не без грусти сказал Карах, разведя лапками. — Сам понимаю, что немного. Я тебя подвел, хозяин? Разочаровал?

Мысли читать домовые не умели, но очень чутко определяли настроение хозяев, каковое умение Карах не раз демонстрировал.

— Главное, ты сделал все, что мог, а это уже немало, — сказал Сварог, не особенно и кривя душой. — Ты меня окончательно убедил, что следует сосредоточиться на Диори. Ледяной остров или снежный — невелика разница там, где нет ни снега, ни льда. Посмотрю-ка я запись, не случайно Норанс ее выделил из отчета... Будешь смотреть или обедать?

— Смотреть, конечно! Какие тут обеды?

Проворно ссыпавшись со стола тем же путем, Карах примостился на широком мягком подлокотнике кресла Сварога. Сварог зажег экран. Появилась небольшая деревенская корчма, ничем не примечательная — Сварог не раз такие навещал. Очень похоже, объектив был укрыт в одной из блях, украшавших плащ Сословия Совы. Норанс вошел, осмотрелся, присел к кому-то за стол из толстых струганых плах. Сомнительно, что-

бы эту корчму часто посещали одетые таким образом люди — но крестьяне по своей всегдашней привычке хоть и бросали на диковинного гостя любопытные взгляды, но открыто не таращились.

— Меня тогда в капюшоне не было, — прокомментировал Карах.

Собеседником Норанса оказался мужчина лет пятидесяти со смышленным подвижным лицом. Судя по тому, как он прихлебывал нэльг, безусловно выпивоха, но не пропойца. Когда он заговорил, Сварог очень быстро убедился, что это деревенский краснобай, профессиональный рассказчик с наработанной манерой речи: не скупится на слова, чтобы слушатели за свои деньги получили качественный товар, но и не ударяется в пустословие. В каждой деревне всегда найдется один такой, а в крупных и несколько, отчаянно конкурирующих. Односельчанам краснобай заменяет крайне редко попадающие в деревню книги и газеты, равно как и общественные телевизоры, встречавшиеся только в больших городах и провинциариях. Как правило, это люди особого склада, предпочитающие именно такой заработок обычному крестьянскому труду, коим занимаются спустя рукава. Особенно их любят и хорошо платят им книжники и шпионы (каковые ремесла часто сочетаются).

Краснобай явно не впервые рассказывал заезжему ученому историю, насчет которой клялся и божился, что она произошла в этом селе и на его глазах лет двадцать пять назад. И рассказывал он чистейшую правду: сверху экрана все время горела синяя надпись «Он не врет»...

Примечательная была история. В деревне появился молодой человек крестьянского корня и обосновался здесь на постоянное жительство. Приехал он издалека, никто его прежде в округе не видел, но у фригольдеров такое было не редкостью, мало ли какая нужда погонит человека за лучшей долей за трижды семь земель? Бумаги были в порядке, среди беглых крепост-

ных он не числился, денежки явно водились — так что его, как полагается, быстро приписали к местной сотне, и он стал своим, насколько это в деревне возможно — по л н о с т ь ю своими могли стать только его дети, а сам он, как это у крестьян заведено, до могилы носил бы прозвище Пришлый, проживи он в деревне хоть сто лет.

Этот самый Ляйташ Пришлый купил выморочный домишко, клочок земли, три десятка овец, женился на деревенской девушке и принялся хозяйствовать. Правда, он гораздо больше времени уделял охотничьему ремеслу, но тут не было ничего странного: так живут многие в тех местах, где земля скудная, а обширные леса, не обязательно каталаунские, богаты дичью. Охотником он оказался умелым, так что встал на равных. Разве что всегда охотился без собак и не держал во дворе пса — но и это не было чем-то из ряда вон выходящим — кто-то недолюбливает кошек, а кто-то собак, такое поведение ни о чем еще не говорит. Краснобай был уверен: все разговоры о том, что дело тут нечисто, что Ляйташа Пришлого побаиваются и обходят стороной что охотничьи, что дворовые собаки, заговорили уже задним числом, согласно старой крестьянской поговорке «Люди уже за воротами умом остры». Сам он ничего подобного прежде не замечал, а уж он-то приглядывался к Пришлому по особенным мотивам: сам был в числе ухажеров той деревенской красоты, но Ляйташ быстро всех обошел...

Все обрушилось неожиданно-негаданно, в одночасье. В деревню пришел к о л а р — нечто среднее меж брым колдуном и странствующим лекарем, в первую очередь знахарем-травником. Давно не появлялся, бродил где-то в других местах и Ляйташа прежде не видел. А теперь вот увидел — и тут же пошел к старосте, а тот быстренько собрал самых уважаемых в деревне хозяев, землеробов, овцеводов и охотников на классический «деревенский круг», собиравшийся лишь по серьезным поводам.

Колар по имени Дядюшка Ватек с ходу заявил, что увидел совершенно точно: Ляйташ Пришлый — не просто волчий оборотень, а принадлежит к гораздо более худшей разновидности. Ватек сам таких в жизни не встречал, но от отца (от которого и получил все умения) слышал не раз. Выходило, что в противоположность обычным оборотням этот так никогда и не оборачивается в полносемелие волком, но, в отличие от обычных оборотней, постоянно сохраняет в себе именно что волчью сущность, заслонявшую человеческую. Ватек говорил еще: поскольку э т и никогда не принесли в волчем обличье вреда ни людям, ни скотине, но отчего-то считались не в пример более вредными для людей. От них, говорили знающие, должна была произойти большая беда, а потому их, едва только обнаружив, истребляли без жалости...

Ватеку поверили безоговорочно — в отличие от бродячих шарлатанов, какие порой забредают и урывают некоторую денежку, его умение давно и прекрасно знали, и не только траволечение. Так что все подорвались на ноги. Замешательства и бессмысленной суеты не было: здесь хватало охотников, привыкших к облаве на зверя, да и народ в отрогах Каталауна обитал своеобразный, мало похожий на «равняков», перед которыми местные всегда задирали нос. К тому же, староста шесть лет прослужил в «волчьей сотне» армейского драгунского полка, таскал, не снимая, военную медаль...

Поскольку деревня официально была признана «охотничьей», о чем имелась соответствующая бумага, похватали не только извечное крестьянское оружие, топоры, вилы и цепы, но и арбалеты, скрамасаксы и мушкеты. Дом Ляйтеша быстро окружили тесным кольцом, прячась за соседними постройками. Дядюшка Ватек заранее попросил найти ему кусок ржавого железа (почему-то непременно ржавого), зажег на нем сухие корешки и травы, какие-то имевшиеся у него в объемистом мешке завязанные узлом тряпочки, шерсть, вроде бы волчью. Когда серый вонючий дым потянуло к дому

Ляйтеша, Ватек, как ожидалось, стал что-то нашептывать — как де без того?

Очень быстро в доме слышались грохот немудреной мебели и этакое «нелюдское скорготанье». Раздался отчаянный женский крик и тут же оборвался. Оконное стекло — в Каталауне вульгарной слюды не признавали — осколками брызнуло наружу, и во двор выпрыгнул громадный бурый волк и двое волчат...

Далеко они не ушли: загремели ружья, засвистели стрелы, даже не понадобилось добивать. Трупы сожгли за выгоном. Охотники, как давно повелось, забрали для украшения волчьи клыки и когти — против чего Ватек нисколько не протестовал. Жену оборотня нашли с перехваченным горлом: крестьянки вообще не похожи на кисейных барышень, а в тех местах тем более. Она успела схватить из сеней короткие вилы, а больше ничего не успела. В последующие годы краснобаи неплохо заработали на этой истории по округе, особенно на ярмарках. Властям, конечно, отправили подробное донесение — как и следовало ожидать, осевшее в архивах уже провинциария и столицы — а что еще с ним можно было сделать, какое расследование провести?

— Ну, вот и все, — сказал Сварог, выключив экран. — Никогда не слышал о чем-то подобном?

— Ни разу, ни от кого...

— Ну что ж... С делами покончено, иди обедай...

Карах шустро вскарабкался на стол и принялся уплетать пирожки. Сварог ненадолго задумался. С таким он встречался не впервые — когда человек из захолустья, часто даже неграмотный, своими потаенными умениями добивается успеха там, где Империи необходима сложная и громоздкая техника. А порой и техника оказывается бессильна — взять хотя бы Барзая. Согласно теории вероятности, далеко не все умельцы наподобие Барзая и Ватека обнаружены...

Действовать нужно без промедления. Где происходило дело, прекрасно известно — провинция Гартелон, деревня Норай. Нет нужды привлекать оперативни-

ков восьмого департамента или девятого стола: вполне справятся лихие молодцы принца Элвара, те самые, что, в конце концов, отыскивали колдунца, уничтожившего «черного паучка», им и карты в руки...

А самому следует незамедлительно заняться другими делами. Самая пора сосредоточить все внимание на Диори — признаем, наедине с собой: ничего другого попросту не остается...

Он набрал несложный код, и на экране появился Гарн в новехоньком генеральском мундире девятого стола — бодрый, прямо-таки пышущий энтузиазмом человек при серьезном деле.

— Операция «Ракитник»? — спросил Сварог.

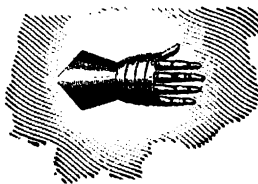
— Люди в готовности. Барсук в норе.

— Начинайте, — распорядился Сварог. — Я вылетаю.

И погасил экран. Так уж заведено: даже короткие силовые акции сплошь и рядом именуют операциями и дают им названия. Это не бюрократия и не прихоть, а чистейшей воды прагматизм: даже если какой-нибудь супостат или просто болезненно-любопытный подслушает, никак не сможет догадаться, что таится под безобидным названием операции.

Видя, что блюдо опустело, спросил:

— Еще что-нибудь?.. Ну, как хочешь. Сейчас принесут дорожный плащ, залезь в капюшон, и мы улетаем. Ты в мой замок, а я в девятый стол, туда должны привезти интересного гостя.

СНЕЖНЫЙ БЛИЦКРИГ

Двое верзил, уже снявших доспехи спецназа, ввели в кабинет Орка, четко повернулись через правое плечо и вышли.

— Ну, вот и встретились, герцог, — сказал Сварог. — Присаживайтесь, разговор у нас будет долгий...

— Подозреваю, — отрезал Орк и сел.

Как и следовало предполагать, он был в лиловом, богато расшитом золотом мундире горротского камергера — в чем взяли, в том и доставили. Взяли без сучка, без задоринки, в полном соответствии с планом: четверо спецназовцев в комбинезонах-невидимках пришвартовали брагант-невидимку к балкону-галерее акобарского королевского дворца, бесшумно проникли внутрь и, огибая встречных, ринулись к покоям Орка. Попотчевали герцога сонным газом, подхватили, сделав и его невидимым, и тем же путем благополучно добрались до браганта. Правда, на обратном пути один из спецназовцев все же задел локтем раззолоченного лакея, но тот не успел удивиться прилетевшему словно бы из пустоты толчку, был тут же мастерски и ненадолго вырублен...

Сварог внимательно пригляделся к визитеру, доставленному сюда против своей воли. Примерно этого

следовало ожидать: ошеломлен, но вовсе не подавлен, не дает волю ненужным эмоциям, но за высоким лбом, несомненно, кипит лихорадочная работа мысли...

— Юридическим крючкотворствам предаваться будете?

— То есть? — настороженно откликнулся Орк.

— Ну как же, — сказал Сварог. — Вас сцапали, не предъявив ни бумаги от Прокурора Высокой Короны, ни именного рескрипта императрицы. Налицо вопиющее нарушение одной из статей Эдикта о вольностях. Будете жаловаться?

— Издеваетесь? — почти спокойно спросил Орк.

— Честное слово, мне просто любопытно, — сказал Сварог. — Как вы будете держаться.

— Ссылку на законы не дождетесь, — отрезал Орк. — Я вам не доставлю такого удовольствия. Прекрасно знаю, что это будет бесполезно. Вы же плюете на Эдикты и Законы... кроме разве Эдикта об императорской фамилии... подозреваю, исключительно оттого, что он не задевает ваших интересов, иначе бы вы и на него наплевали...

— Грешен, порой плюю, — согласился Сварог. — Но исключительно в интересах дела и никогда в личных целях. А вы бы на моем месте не плевали? Молчите... Ну, что же, вы мне продемонстрировали, что нисколько не сломлены и вовсе не чувствуете себя проигравшим. Этого следовало ждать: партия еще даже не начата... Оставим лирику и перейдем к делу. Самое занятное, с е й ч а с я нисколько не нарушаю Эдикт о вольностях. Да, представьте себе! Благородного лара можно арестовать без всяких официальных бумаг в единственном случае: когда он уличен в преступлении из разряда коронных. Такое редко случается, но закон вполне себе действующий, и словно на вас пошит, по мерке. Не стану рассусоливать и интриговать — оставим эти ухватки романистам. Вы крепенько влипли, Орк, так, как никогда прежде. За участие в заговоре Брашера императрица вам вынесла полное помило-

вание, так что с этой стороны к вам не подкопаешься. Остаются навьи... собственно, сами по себе они все же не тянут на коронное преступление, а вот то, что вы с их помощью наворотили...

— Не соблаговолите ли объяснить подробнее? — почти непринужденно усмехнулся Орк. — Что именно я наворотил? И есть ли у вас доказательства, что навьями управлял я?

Ну да, он полностью овладел собой, защищаться собирался яростно и умело...

— Несколько лет назад, в Равене, вы сами мне сказали, что навьи в замке Мораг были ваши...

Орк быстро ответил:

— Я просто-напросто приврал, чтобы произвести впечатление. Доказательств у вас нет и быть не может.

— Не может, — нехотя согласился Сварог. — Герцогиня Мораг давным-давно мертва, а навьев в силу их природы допросить невозможно... Ну, а навьи как главная ударная сила в мятеже Дали? Вы ведь с ней были от начала и до конца, глупо было бы это отрицать.

— Я и не собираюсь отрицать, — усмехнулся Орк уже гораздо увереннее. — Был. Ну и что? Имели место классический ваганум и рокош. Даже таларские дворяне за участие в том и в другом сплошь и рядом освобождаются от наказания, а уж лары заранее от него избавлены. Их, конечно, могут убить при подавлении, но это совсем другое. Ну да, участник — и только. Представления не имею, откуда там взялись навьи и кто ими руководил. Или вы можете доказать, что я вру?

Вообще-то он врал, как сивый мерин. Сварог это знал совершенно точно. Как только сделали второй аппарат, позволяющий безошибочно определять, когда лар врет, а когда говорит правду, Канцлер, как и обещал, передал его в девятый стол. Одна беда, о которой Сварог был осведомлен заранее: никакой к о н к р е т и к и прибор не давал. Сразу можно определить, когда собеседник врет, но что за правда стоит за его ложью, невозможно доискаться...

— Молчите? — спросил Орк словно бы даже с легким торжеством. — Значит, нет у вас никаких доказательств...

Сварог ничего не ответил. Сказал:

— Кажется, я понял вашу тактику защиты. Вы ее будете придерживаться и тогда, когда речь пойдет о событиях в Акобарском замке?

— Совершенно верно, — подхватил, Орк с хорошо скрытой издевкой. — Тамошние события и для меня оказались совершеннейшей неожиданностью. Я, как вы прекрасно знаете, состоял при наследном принце. По собственному побуждению. Очень многообещающий был мальчишка, при надлежащем воспитании из него мог бы выйти толк...

Сварог поневоле усмехнулся:

— Иными словами, вы из него рассчитывали воспитать хорошего сообщника.

— Если и так, это не преступление, — сказал Орк почти безмятежно. — Что поделать, ловких подручных всегда было хоть отбавляй, а вот настоящие хорошие сподвижники попадают крайне редко. Ночной переворот и появление настоящего принца застали меня врасплох (врал, сукин кот!). Однако мне было сделано определенное предложение, и я его принял.

— То есть, как я уже однажды лицезрел, переметнулся на сторону победителя.

— Я бы категорически возразил против такой формулировки, — серьезно сказал Орк. — Она подразумевает существование двух противоборствующих лагерей, а здесь ничего подобного не было, никаких двух лагерей, где из одного можно было бы «переметнуться» в другой. Пользуясь таларскими определениями, я оказался в положении ронина, который вправе выбирать себе сюзерена. Или вы станете отрицать, что именно так обстояло?

— Знаю вашу тонкую натуру... — усмехнулся Сварог. — Что ж, не буду отрицать. Ладно... господин ронин. Вы были вправе примкнуть к тому, к кому

примкнули. Разговор, в конце концов, не об этом, а снова о навьях. Ради экономии времени — хотя оно ни-сколечко нас не поджигает. Как и в случае с Дали, вы представления не имеете, откуда взялись навьи и кто ими руководил. Так?

— Вы удивительно проницательны, — сказал Орк и даже отвесил шутовской поклон. — Именно так все и обстояло (врал, стервец). Или у вас есть доказательства, позволяющие поставить мои слова под сомнение?

Не было у Сварога таких доказательств, что Орк, судя по его улыбочке, прекрасно понимал... Чтобы окончательно внести ясность, Сварог спросил:

— Кто, по вашему мнению, Дали? Я не собираюсь у вас выведывать никаких секретов, просто хочу знать, что вы о ней думаете.

— Действительно, это не секрет... — охотно ответил Орк. — Авантюристка высокого полета... разве что обладающая еще кое-какими магическими способностями, которых я не касался, хотя не сомневаюсь теперь, что они у нее есть. Ну и что? Я сам изрядный авантюрист, глупо было бы шарахаться от родственной души. Тем более, что она, как я только что сказал, как вы, должно быть, признаете — отнюдь не мелкая личность... Мы оба стали друг для друга теми самыми толковыми сподвижниками. Я говорю об этом так свободно, потому что имперских законов не нарушил ни в малейшей степени. Все... предприятие Дали никоим образом не было направлено против Империи — исключительно против короля Сварога. Нет имперских законов, которые бы наказывали лара за участие в подобном предприятии.

— А как насчет магии, которую она использовала? Знатоки уверяют, что она черная, и никакая другая. А это уже совсем другое дело, здесь применимы не только земные законы, но и некоторые имперские. Вам их процитировать?

— Не нужно, — сказал энергично Орк. — Не считите за похвальбу, но законы, имперские и таларские, я знаю

гораздо лучше вас. Что поделать, ремесло такое: толковый авантюрист прямо-таки обязан отлично знать законы. М е н я в пользовании черной магией обвинить невозможно, а за Дали я не ответчик. В э т о м сообщником я ей безусловно не был...

Он был прав. И он нисколько не лгал касаясь своего мнения о Дали — он действительно знал о ней только то, что только что рассказал, так что Дали явно играла его в темную. Вот только это ничуть не ослабляло позиций Сварога, наоборот, давало ему все козырные розы, сколько их ни есть в колоде!

— Что-то вы замолчали... — продолжал Орк с растущей уверенностью. — Рискну предположить, что Дали к вам в руки еще не попала, иначе вы давно уже взялись бы загонять меня в угол ее показаниями... — Он поторопился добавить: — Неважно, истинными или выбитыми. Подведем итоги? У вас ничего нет против меня. Даже по... акобарским событиям я не более чем свидетель. О каких коронных преступлениях вообще в этой ситуации можно говорить? Конечно, вы можете меня отправить в гланские пыточные. Не прикидывайтесь невинной девочкой, о ваших гланских пыточных я краем уха слышал, и о том, что вы ими страдал парочку ларов — тоже. Только меня на испуг не возьмешь, а пытаться меня по-настоящему не рискуете даже вы с вашим восхитительным — говорю без малейшей иронии, скорее с завистью — пренебрежением к законам. С некоторых пор я стал подстраховываться. У меня есть надежные друзья в Империи... о, никакие не сообщники, именно добрые друзья. Из тех, кому категорически не по душе отнюдь не ваше положение фаворита и феерический карьерный взлет — фаворитов и прежде бывало предостаточно, а карьеры случались и фееричнее. Им очень не по душе ваша деятельность, идущая вразрез с традициями и установлениями. Вы прекрасно знаете, что ваши противники неплохо организованы и представляют собой определенную силу...

— Знаю, — кивнул Сварог. — Та самая сила, что пыталась дать мне бой на Агоре, проиграла, а?

— Проиграла сражение, но не войну, — спокойно возразил Орк. — Несколько вы арестовали, но остальные остаются на свободе. Они не имеют отношения ни к «Черной радуге», ни к «Черной благодати», так что вам их никак не достать. Чтобы нанести им ощутимый удар, понадобилась бы грандиозная фальсификация абсолютно дутого дела, на которую и вы не пойдете, а уж тем более не пойдет Канцлер...

— Может быть, поговорим о конкретике?

— Извольте, — сказал Орк. — С некоторых пор я дважды в день отправляю моим друзьям короткий сигнал, свидетельствующий, что у меня все благополучно. Сигнал несложный, техника нехитрая.

— Ах, вот оно что, — сказал Сварог. — Загадочный сигнал, который мы уже давно перехватываем... Следовало ожидать, что это вы, кто еще в Акобаре располагает техникой для связи с Империей...

— Ну, конечно, перехватываете. Но ни разу не пытались поставить помехи и заглушить. И правильно. Это моментально встревожило бы моих друзей... Короче говоря: если они не получают очередного сигнала, это будет означать, что вы меня арестовали. Шум поднимется страшный. С ним должны будете считаться и вы с Канцлером, и сама императрица. Вопрос будут задавать один-единственный: на каком основании меня арестовали? Дело, как вы, должно быть, понимаете, отнюдь не в моей скромной персоне. Каждый начнет думать, что и он в любой момент может оказаться жертвой вашего беззакония...

— Неплохо придумано, — одобрительно сказал Сварог. — Одна беда: вы с самого начала исходили из ложной предпосылки. Вовсе не от недостатка ума или хитрости — того и другого у вас в избытке. Вы просто-напросто не могли знать того, что знаем мы с Канцлером, потому и проиграли, — он улыбнулся широко, искренне, даже чуточку весело. — В самом деле, что за звер-

ство — пытаться живого человека... Я с вами поступлю гораздо гуманнее и проще, но гораздо более объективно. Всего лишь кратенько изложу важнейшую на данный момент государственную тайну, в которую посвящены не более дюжины человек во всей Империи...

Он заговорил, вычленив самое важное и обходя молчанием то, что следовало все же оставить в секрете. Рассказывал о веральфах, об их планах, основанных на Пророчестве Златоглавого, о том, как в последний момент удалось остановить Яну и собиравшихся увезти ее на Талар Аристократов, о ситуации, сложившейся на данный момент.

Закончив, он пытливо посмотрел на собеседника. Конечно, Орк прекрасно владел собой — но все же с уверенностью можно было сказать — услышанное его поразило, как всякого другого, соприкоснувшегося бы с огромной и мрачной тайной, быть может, самой страшной угрозой Империи за все время ее существования..

Нельзя было медлить, пока противник ошеломлен — и Сварог бросился в атаку.

— Вас во всем этом должно интересовать сейчас только одно, — сказал он напористо. — Ваша собственная судьба. А она может оказаться крайне незавидной, вы никогда еще не влипали так глубоко. Дали где-то скрывается, и мы пока ее не нашли. Никого из веральфов допросить невозможно — тут же обернутся волками. Единственный человек, которого мы в состоянии допросить... и судить — вы. Вы-то, к нашей удаче, не веральф. Зато вы — любовник и сподвижник Дали, вам за все и отвечать. Это даже не коронное преступление, это гораздо хуже. «Злоумышление против монархии». Даже не умысел против конкретного монарха, а против монархии как таковой. Обвинение это выдвигается впервые за все время существования Империи — но старинная статья не отменена. Любые ваши заверения, будто вы ничего не знали и ни о чем не подозревали, будут выглядеть детским лепетом. Вряд ли вас будут

защищать... ваши друзья, большинство из них — не веральфы и прекрасно поймут, что им грозило. Случай с Радиантом показал: вы знаете, когда проиграли, и ведете себя соответственно... правильно. Вот и подумайте, трудно ли будет в этой ситуации подвести вас под смертный приговор. При том, что я и Канцлер — ваши стойкие недоброжелатели, да и императрица отнюдь не питает к вам дружеского расположения. На одной чаше весов — Империя, на другой — ваша голова. Несопоставимые величины, верно? Вот и думайте, не собираюсь вас торопить. Ум у вас острый, решение примете быстро... Итак?

Он закурил, откинулся в кресле, всем видом показывая, что настроен на молчаливое ожидание.

Как он и рассчитывал, тишина продлилась не больше пяти минут. Орк спросил совершенно д р у г и м голо-
сом:

— А что взамен?

— Вот это уже деловой разговор, — одобрительно сказал Сварог. — Перспективы у вас самые радужные. Я готов отпустить вас на все восемь сторон света... конечно, после того, как вы все расскажете об... акобарских делах. Даю честное слово, так и будет. Но акобарские дела и навьи меня сейчас интересуют в последнюю очередь. Прежде всего — ваша давняя экспедиция к Диори и подробный рассказ о Дали. И через несколько дней сможете отправиться восвояси. Называя вещи своими именам, вы нам будете нисколько не опасны. Вы посвящены в тайну... Но вряд ли вы рискнете ее кому-то рассказать на Таларе и уж тем более в Империи — не получите от этого ни малейшей выгоды, а вот негативная реакция вполне может последовать, учитывая, какую роль вы играли в событиях, в заговоре, нацеленном на уничтожение Империи...

— Да не играл никакой роли! — прямо-таки негодуя воскликнул Орк. — Эта стерва меня обвела вокруг пальца, я и представления не имел, что за всем этим кроется!

Бесстрастный автомат снова показал, что он не лжет...

— Тем более, что есть причины для полной откровенности, — сказал Сварог. — И уж вовсе нет никаких причин держать в тайне ту вашу экспедицию на Диори: неудавшаяся авантюра, и не более того... Итак?

Невероятно, но в голосе Орка слышалась неприкрытая радость:

— К превеликому сожалению, ничем не могу вам оказаться полезным...

— Как так? — спросил Сварог, стараясь не показать удивления.

— Верите вы или нет, но я ничего не помню, — сказал Орк. — Давно уже это обнаружил, с превеликим удивлением, но так уж обстояло. Как ни пытался вспомнить о том плаванье и о Дали, ничего не получалось. Помню, как я увидел ледяные берега Диори с капитанского мостика флагманского корабля, а вот дальше — провал. Пришел в себя на борту третьего корабля. Я пристал к берегу с двумя, а этот из предосторожности оставил на якоре уардах в ста от острова. И правильно, как оказалось. Они все рассказали. Я с отрядом человек двадцать ушел в проход исполинских ледяных глыб. У меня была карта для этого лабиринта. Оказалось, она пропала. Куда подевалась, представления не имел. Мы отсутствовали несколько часов. Потом из того прохода вырвался какой-то странный вихрь, словно бы из густого снега, пронизанный странными бледно-голубыми вспышками. Накрыл оба корабля, потом растаял, как ни бывало. И от кораблей не осталось и следа. Я уверен — и третий, пристань он к берегу, ждала бы та же участь... Они хотели, не тратя времени, обрубить якорный канат и уйти — но увидели на берегу меня. Рассказывали, бред, как пьяный, шатался, падал, потом свалился окончательно. Я в синем костюме был крайне заметен на фоне льда и снега... Они послали шлюпку. Я с ними это не обсуждал, но нет сомнений: дело было не по доброте душевной — не тот подобрался народец,

да и вторую половину платы я им обещал только по возвращении, знал, с кем имею дело, а деньги были немалые. Они наверняка подумали еще, что я мог что-то найти: о кладах Диори, богатых и удивительных, кружит столько завлекательных легенд... Только в карманах у меня ничего не нашлось, а вот карта пропала... правда, я до сих подозреваю, что ее украли сами бравые морячки, за ними числились такие художества, что кража карты из кармана была бы детской шалостью... Вот, собственно, и все. Я до этого и после говорил с Ледяными Мореходами. Кое-кто рассказывал и гораздо более крутые истории — но ни один не видел такого вихря... С тех пор в памяти и провал. К медикам я, конечно, никогда не обращался. И никогда больше на Диори не сошелся — это было бы слишком опасно при крайне зыбких шансах на успех...

— Ну, а как обстояло с Дали?

— В общем, примерно так же. Отлично помню, как приехал в Шалуат, как в тот же вечер оказались в постели. А вот дальше — провал. Воспоминания начинаются с того, что я ранним утром еще с несколькими всадниками скачу галопом к шалуатской границе. От них и узнаю, что был мятеж, что мятежники наголову разбиты. Границу пересек благополучно, никто ее не закрывал — и в тот же день уплыл в Горрот. Там через несколько дней узнал кое-какие подробности. Куда подевалась Дали, представления не имею, говорили только, что ей удалось ускользнуть. Она ни разу не попыталась со мной связаться. Вот и все, — он вскинул голову, глядя с явным вызовом. — Можете меня пытаться, сколько вам будет угодно. Бесполезно. Я и в самом деле ничего не помню, и крепко сомневаюсь, что вспомню под пыткой...

— Дались вам эти пытки, — ухмыльнулся Сварог, уже не особенно скрывая злорадство. — Я не зверь, я прагматик... К чему отправлять вас в Глан, рискуя, к тому же, что возбудится горластая общественность, если можно пустить в ход последние достижения

медицины? Отправляю вас в лабораторию, там помогут вспомнить и то, что вы напрочь забыли.

Разумеется, Орк моментально понял. Быстро проговорил:

— Принудительное психозондирование запрещено. Дополнение в Эдикт о вольностях внесли сразу, едва изобрели эти штуки. Такое не раз случалось...

— Вот только совсем недавно внесли оговорки, — сказал Сварог уже без улыбки. — За исключением коронных преступлений. А ваш случай даже потяжелее: не просто коронное преступление, а «злоумышление против монархии». Так что все законно, и никто за вас не заступится. Что вы дергаетесь? Вам же лучше, смертного приговора избегнете, вообще от суда увернетесь.

— А вам бы понравилось, если бы у вас стали копать-ся в мозгах? И вытащили то, о чем вы предпочли бы не помнить?

— Никак не понравилось бы, — серьезно сказал Сварог. — Только я-то «злоумышления против монархии» не строил...

— Я тоже.

— Вы — главный и единственный свидетель, и в таком качестве, безусловно, подлежите. И ни к чему тут диспуты, мы не в университете... — он коснулся клавиши, и, когда в дверях выросли бравые спецназовцы, кивнул: — В лабораторию. Доктор Мартен в курсе.

Спецназовцы вопросительно воззрились на Орка. Тот выдержал фасон до конца: не удержался от брошенного на Сварога исполненного бессильной ненависти взгляда, но к двери прошел сам.

Оставшись в одиночестве, Сварог чуть расслабился, но некоторое удивление все же осталось. Аппарат прилежно ему показал, что Орк и в самом деле нисколько не врал — ни насчет неудачной авантюры, ни насчет Дали. В поломку безупречно работавшего агрегата как-то не верилось. Орк и в самом деле ничего не помнил, и это было страннее некуда — нигде не упоминалось об умении веральфов вызывать у человека избиратель-

ную амнезию... Предположим, мы далеко не все знаем о веральфах, но странно... Совсем недавно, когда многое замкнулось на Диори, он запросил обширную сводку — все, что известно о плаваниях туда.

И не нашел ничего для себя интересного. В большинстве случаев с отчаянными головами ровным счетом ничего не происходило. Полное впечатление, они туда плавали исключительно затем, чтобы развести костерок на берегу, сварить похлебку или поджарить мясо, осушить пару-тройку бутылок рома и с чистой совестью поднять якорь: почетное звание Ледяного им после этого и так было гарантировано. Разве что следовало в доказательство согласно старинной традиции прихватить кусок льда, достаточно большой, чтобы не растаял на обратном пути.

Были и другие, плававшие на Диори не за почетным и абсолютно бесполезным в хозяйстве титулом, а по причине гораздо более меркантильной — искать клады, о которых испокон веков среди морского люда ходила стоустая молва, а иногда всплывали и «совершенно достоверные» карты, наподобие той, которой однажды соблазнился и Орк. Вот только ни разу не случилось, чтобы хоть кто-то хоть что-то нашел. Все побасенки об этом так и остались побасенками. С тех самых «незапамятных времен» крутили слух, будто ледяной панцирь Диори не сплошной лед, а своего рода купол, под которым укрыты то ли просто обширные равнины, то ли даже заброшенные, невообразимо древние, неизвестно чьи города — их приписывали кто далеким предкам, кто Изначальным, кто черным магам вроде короля Шелориса.

Конечно, нельзя исключить, что кому-то из кладоискателей однажды повезло, но он благоразумно предпочел остаться в безвестности. Во всяком случае, на черном антикварном рынке, весьма обширном, ни разу не всплывало что-то происходившее бы с Диори (или, пользуясь методом профессора Марлока, въедливой точности ради нужно сделать оговорку: попросту не

удалось идентифицировать иные вещички как происходящие с Диори). Восьмой департамент занимался Диори крайне вяло, то есть почти не занимался. Спецслужба Кабинета императрицы не занималась этой темой вообще, как и таларские спецслужбы. Вот уже несколько сотен лет, как таларские ученые перестали отправлять экспедиции к Диори: даже если допустить, что там не сплошной ледяной покров, а некий купол, проходов найти не удалось. У Ледяных Мореходов даже не оказалось своего Гонтора Корча. Одним словом, тупик, это если культурно, а если вульгарно, определение получается и вовсе унылое...

Так что вдумчивое изучение памяти Орка могло оказаться шагом вперед. На доктора Мартена Сварог полностью полагался. До того, как перейти на службу к Сварогу, он как раз занимался психозондированием в одном из трех силванских санаториев восьмого департамента — многим пациентам эта процедура была необходима для успешного лечения. Подыскивая нужные кадры, Сварог говорил со специалистами. Они заверили: доктор Мартен не только хороший медик, но, безусловно, обладает задатками толкового администратора. Вот только долго еще не сможет эти качества проявить: как и во многих других областях жизни, мешало долголетие ларов, сплошь и рядом препятствовавшее карьерному росту (по меркам Земли, доктору было лет тридцать пять). Должного честолубия он был не лишен, а потому два месяца назад без проволочек и долгих раздумий принял предложение Сварога...

Положительно, Сварог не прогадал. Доктор Мартен с большим энтузиазмом принялся за новое дело и быстро организовал медслужбу. Пусть даже она сводилась пока что к лаборатории психозондирования. Пусть даже у доктора в подчинении пока было только трое врачей и пятеро техников. Во-первых, ничто не мешало расширить медслужбу до любых разумных пределов. Во-вторых, важно не количество персонала, а статус, в том числе самого Мартена. Стать из рядо-

вых врачей начальником медслужбы девятого стола — все равно, что взлететь в полковники из лейтенантов. Мощный стимул для ударной работы. Тем более сейчас, когда Орк стал первым долгожданным клиентом медслужбы...

Минут через сорок (Сварог все это время сидел как на иголках) вошел доктор Мартен, высокий, подтянутый, больше похожий на офицера в зеленом врачебном халате, чем на врача (ничего удивительного, доктор происходил из семьи профессиональных военных и в свое время колебался меж медициной и военной службой).

Сварогу кое-что не понравилось сразу. Руки у доктора оказались пустыми — а ведь следовало ожидать, что он принесет кассету с пентаграммами, каковую согласно неписанному этикету полагалось держать именно что в руках, а не в кармане халата. Да и лицо у него отнюдь не светилось законной радостью победителя — скорее уж, было озабоченным и хмурым.

Едва дождавшись, когда доктор сядет, схваченный нехорошими предчувствиям Сварог спросил:

— Что у вас, доктор?

— Провал, — понурившись, ответил доктор Мартен, вертя меж пальцев незажженную сигарету. — Полный провал. У него нет воспоминаний ни о высадке на Диори, ни о Дали...

— А не может это объясняться блокадой? Наподобие той, что Брашери поставил себе и своим поделщикам? До сих пор не нашли способа ее проломить. Конечно, если вы знаете, о чем идет речь...

— Прекрасно знаю, — сказал доктор. — Сам я этим не занимался, но всем, кто связан в спецслужбах с психозондированием, поступил подробный отчет... Видимо, Орк там был на десятых ролях, и ему не сочли нужным поставить блокаду. Ничего похожего на блокаду, иначе бы мы ее непременно обнаружили. Все выглядит так, словно определенные участки памяти стерты на чисто. Это невозможно даже теоретически... Впрочем, выражусь осторожнее: современной медицинской нау-

ке неизвестны методы и аппаратура, позволившие бы это проделать.

— Ага, — сказал Сварог. — Но ведь случалось уже не раз, что среди таларских жителей, часто даже неграмотных и уж никогда не имевших диплома врача, встречались умения, которыми современная медицинская наука не владеет...

— Бывало такое, — согласился доктор. — Но мне об этом ничего неизвестно... или у вас есть какая-то конкретная информация?

— Никакой, — признался Сварог.

— Вот видите. Без конкретной информации все остается бесполезной игрой ума. Есть только упрямые факты, а они таковы: часть памяти у Орка стерта, и никто не в состоянии объяснить, как это было достигнуто... Мы в тупике.

Действительно, зло подумал Сварог. Остается единственный выход: вновь перебирать таларских у м е л ь ц е в... Но даже если среди них и отыщется тот, кто умеет стирать память с помощью неизвестных современной медицинской науке методов, может ли он восстановить стертое? Есть сильные подозрения, что нет. Выходит, Орк который раз выскользнул из рук, как налим... предположим, в этом нет ни его вины, ни заслуги, но это ничего не меняет. Тупик...

— Выходит, медицина бессильна?

— Получается, так, — ответил с неприкрытым раздражением, да что там, со вполне ожидаемой злостью доктор Мартен.

— Ну, наука далеко не впервые оказывается бессильной, — не раздумывая особо, сказал Сварог. — Бессмысленно стенать и рвать на себе одежды, это ничему не поможет и ничего не поправит... Давайте займемся другим. Как обстоят дела с акобарской историей и навьями? Вы должны были бегло исследовать и это.

— Мы провели беглый поверхностный поиск. — Кивнул доктор. — Воспоминания и о том, и о другом у него сохранились полностью.

— Отраднo слышать, — сказал Сварог. — Что ж, от этого тоже будет польза на будущее, сейчас некогда этим заниматься...

...Сон был яркий, невероятно четкий, со множеством мелких деталей, каких в о б ы ч н о м сне и не бывает...

Сварог словно парил высоко в небе, на огромной высоте. Это еще не космическое пространство, но небо не голубое, а темно-синее, с едва теплящимися светлячками звезд — именно так выглядит дневное небо в жуткой выси, он несколько раз летал в космос меж планетами, и это зрелище было не в новинку.

Далеко внизу постиралось море, и почти под Сварогом (так и не удавалось понять, находится ли он в каком-нибудь летательном аппарате или просто парит сам по себе) — такое впечатление, что верно как раз второе, — а чуть левее помещается протяженный остров, моментально узнанный: Диори, Ледяной Остров, он же, как совсем недавно выяснилось, звавшийся Снежный. Диори, никаких сомнений. Белоснежный, казавшийся с такой высоты гладким, как бильярдный стол — хотя там и сям панцирем поднимаются ледяные утесы, но они не особенно высокие, так что поверхность выглядит безукоризненно ровной.

Неожиданно море и ледяной остров довольно быстро понеслись навстречу — ну, конечно, он опускался на приличной скорости, словно сидел в несущемся браганте. Его определенно вела чья-то чужая воля: сам он не мог пошевелиться, не чувствовал и не видел своего тела, не мог сказать, есть ли оно у него сейчас вообще. Будто превратился в зренье, и только. Ничего необычного в этом не было: подобные сны случались и прежде. И каждый раз они не были, как снам обычно и положено, порождение его собственного сознания, а приходили и з в н е... Вот и сейчас было то же самое, так что ни малейшего удивления (а уж тем более испуга) он не испытывал: знакомо, как же... Вообще

не было никаких эмоций и чувств — как и в прошлые разы...

Спуск прекратился, когда Сварог увидел Диори с высоты птичьего полета. Теперь прекрасно можно было рассмотреть высокие и низкие торосы, там и сям вздымавшиеся над ледяной бескрайней равниной, расселины, неширокие трещины — пейзаж, прекрасно ему знакомый после поиска Золотых Шмелей. Потом его на той же высоте медленно пошел вправо, как ветер относит воздушный шар. Сварог оказался над большим заливом. С обеих сторон далеко в море выдавались два узких мыса, похожих на рога полумесяца, и меж ними располагался довольно широкий пролив. Идеальное место для морского порта — разумеется, если глубины позволяют туда входить большим кораблям. Есть ли здесь такие глубины, неизвестно — не настолько хорошо Сварог знал географию Талара.

Что любопытно... Залив казался словно бы незавершенным. Или, вернее выразиться, словно бы урезанным. Выглядело все так, словно прежде, когда остров был свободен ото льда, залив был гораздо больше, более правильных очертаний, а потом немалая его часть скрылась под ледяным панцирем, ее отгородила отвесная стена льда высотой пару сотен уардов, чье основание скрывалось в спокойной воде, насколько глубоко, рассмотреть не удалось. Именно такое впечатление оставалось...

Потом Сварога точно так же отнесло чуточку левее, где ледяную стену от моря отделяло несколько уардов земли — темной, на вид промерзшей глубоко, присыпанной снежком. Остановился он прямо напротив двух высоких толстых столбов, вроде бы не ледяных, а каменных, чуть похожих на невероятно древние статуи, за долгие тысячелетия изглоданных временем так, что больше смахивали на обыкновенные утесы самого что ни на есть природного происхождения. Как там обстоит на самом деле, он не взялся бы сейчас определить.

Довольно долго он в и с е л напротив этих непонятных столбов, так что хорошенько их запомнил и легко смог бы найти. И вдруг не особенно и быстро, со скоростью пешехода его понесло прямехонько на ледяную стену, так что он в ожидании удара попытался было инстинктивно зажмуриться, но не удалось. Мгновение полного мрака, и он оказался в исполинском, не менее чем в три человеческих роста туннеле, чересчур правильном для природного прохода. Оказалось, тут довольно светло: по стенам густо ползли разлапистые пятна, более всего похожие на лишайники, — они-то и распространяли не особенно и яркое, но и не такое уж тусклое синее свечение, позволявшее хорошо рассмотреть туннель и убедиться, что его пробила во льду не пресловутая природа, а человеческие руки. Сразу понял, что это ему напомнило — Токеранг. В пещеру шел почти такой же туннель, разве что там на стенках виднелись следы от фрезы, а здешние стены были гладкими, мало того, казались то ли отполированными, то ли чуть оплавленными...

Сварог поплыл по туннелю — как и прежде, двигаясь вопреки собственной воле, словно радиоуправляемая модель самолета, какие он в детстве мастерил при кружке во Дворце пионеров. Несколько десятков метров — и коридор делает плавный поворот, а за поворотом, довольно близко, виден впереди мутно-белый круг во весь диаметр туннеля — выход наружу?

Ну да, так и есть: перед ним распахнулось необозримое пространство, он поплыл невысоко над равниной. Земля внизу ничем не отличалась от кромки берега там, снаружи: такая же темная, почти черная, скупно припорошенная снегом. Слева был необозримый простор, снежная равнина, где стояли кучками деревья и высокие раскидистые кусты с голыми ветвями.

Это был мир без теней, в точности как Токеранг. Ни деревья, ни кусты не отбрасывали тени — ничего удивительного, солнца здесь не бывает, ледяной купол, надо полагать, немаленькой толщины...

Ага! Справа началось море — замерзшее, так что волны застыли невысокими торосами разнообразной формы. Суша чуть приподнята над бывшей водной гладью, хотя и не похоже на высокий обрыв. Точно, когда неизвестно почему возник купол, ледяная стена отрезала часть залива, оказавшуюся внутри, и немаленькую часть. Неподалеку от берега показалось нечто крайне похожее на вмерзшую в лед широкую и остроносую черную лодку без мачты — но рассмотреть ее толком Сварог не успел, пронесло мимо.

Слева, не так уж далеко показалось... показался... В общем, еще одно безусловное творение человеческих рук, то ли крохотный городок, то ли огромный замок невиданной, незнакомой архитектуры — высокие башни с гораздо более широкими вершинами, похожие на поставленные наконечниками вверх стрелы, приземистые, расширявшиеся внизу башни с полукруглыми зубцами, такие же строения с разбросанными как попало в несколько рядов окнами, больше напоминающими бойницы, узкие и высокие, соединяющие их стены странной кладки, словно бы чешуйчатые... Диковинная архитектура: больше всего похожая на восковую игрушечную копию городка, оставленную на солнцепеке, так что дома, стены и башни немного оплыли внизу, раздалились. И все ничуть не похоже на развалины, словно построено вчера — вот только ни одной живой души что-то не видно ни на стенах, ни рядом...

Его вновь понесло вдоль бывшего берега замерзшего моря. И очень быстро впереди показались очертания чего-то, снова не походившего на творение природы — а там стали узнаваться дома и корабли. Он остановился на высоте уардов пятнадцати неподалеку, словно некто хотел ему дать возможность рассмотреть все обстоятельно. Он и смотрел во все глаза, благо возможности для вдумчивого обзора открылись нешуточные.

Да, это, вне всякого сомнения, когда-то был морской порт — значительно уступавший размерами Фиарнолу или Джетараму, но явно не захолустный. Дома той

же диковинной архитектуры: словно немного подтаявшие на жарком солнце, восковые кукольные домики, широкие внизу и сужавшиеся вверх, с чуточку вогнутыми стенами — без труда опознаются и обширные склады, и богатые особняки, и домики жителей попроще. Длинный и облицованный тесаным камнем пирс, наполовину свободный — но все равно, не менее тридцати кораблей вмерзли в лед (иные накренились), и корабли столь же диковинные, как строения — по две мачты вплотную к обоим бортам, незнакомые очертания, иные обводы корпусов. На длинных ряях — свернутые паруса (вот эта картина знакома). Кажется, не видно ни одного судна, похожего на боевой корабль. Крепостных стен нет: то ли порт расположен так, что нападения с суши опасаться никак не следовало, то ли здесь не было враждующих стран, а было одно государство. Чертовски мало мы знаем о Древних — а порт, несомненно, принадлежит Древним, у пришедших с Сильваны Предков, как доказали археологические раскопки, и архитектура была другой, и корабли расположением мачт неотличимы от нынешних...

Та же «какая-то неведомая сила» плавно переместила его на несколько десятков уардов вперед и снова остановила в воздухе. Теперь он мог во всех деталях рассмотреть самое большое здание из всех, что здесь увидел: пожалуй, что даже не особняк, поднимай выше, суший дворец: четыре этажа, несколько башенок, точно так же похожих на стрелы наконечниками вверх. На высоте второго этажа здание опоясано широкой галереей с причудливыми перилами: каменные балясины не прямые, а выгнуты наружу полудугами. И там, у перил...

Не просто девушка в коротком платье, расшитом диковинными золотыми узорами. Дали собственной персоной. Расстояние небольшое, и Сварог узнал ее без труда. То же личико, та же прическа, только волосы стали чуть длиннее. Она стояла, положив ладони на широкие каменные перила, в спокойной позе никуда не спешащего человека, смотрела на вмерзшие в зеленоватый

лед корабли, и лицо ее было совершенно спокойным, даже чуточку скучающим, как у человека, наблюдавшего эту картину далеко не в первый раз...

И вдруг все кончилось, сон растаял.

...Сварог вовсе не чувствовал себя так, как иногда случается — не вынырнул из ночного кошмара с колотящимся сердцем и в поту, спокойно открыл глаза. И моментально привязался к реальности: ну да, вчера они не пошли в Аметистовую башенку, расположились в одной из спален Вентордерана, в некотором роде исторической: именно здесь Яна тогда почивала в одиночестве, именно здесь мастерски притворялась болящей после урока ремнем и коварно выпросила у Сварога согласие создать и возглавить девятый стол — за что он на нее нисколько не сердился. Означенная особа безмятежно спала рядом, уткнувшись щекой в подушку. Сварог, оказалось, лежал на спине, укрывшись легким одеялом — значит, не ворочался во сне, одеяло не сбросил. Голова, как всегда после безмятежного сна, была ясная, напрочь мыслей лишенная — он всегда просыпался так, моментально стряхивая сонную одурь...

На часы он не смотрел, но примерно определить время было нетрудно: в комнате посветлело, небо за окном уже стало светло-синим, светало, через часок он и сам проснулся бы, как привык в это время. Тем лучше. Осторожно выбравшись из постели, чувствуя себя выспавшимся и бодрым, накинул халат и пошел в соседнюю комнату, к компьютеру. Чувствовал нешуточное воодушевление: душа просила — да что там, требовала! — д е й с т в и й. Так уж сложилось, что после спасения Яны он занимался почти исключительно раздумьями и разговорами, пусть серьезными и важными. Был не более чем сторонним наблюдателем, когда пролился Серебряный Ливень. А полеты в Глан никак не назовешь действиями. Зато теперь в кресле не отсидишься, едва что-то прояснится с Диори, нужно действовать незамедлительно...

Усевшись за стол, он первым делом достал из воздуха внушительную кружку кофе, отпил половину и закурил. Погасив окурок, включил компьютер. Несколько несложных манипуляций — и на экране возник наблюдаемый с большой высоты Ледяной Остров. Увеличил изображение, еще, еще... Достаточно. Вот он, залив, часть которого отрезана ледяной стеной и осталась внутри купола, в мире без теней. Далее компьютер был бесполезен — можно, конечно, повернуть изображение так, чтобы быстро высмотреть нужное место, но Сварог не до конца еще освоил эту премудрость, в отличие от Бетты, которая с этим моментально справилась бы. Что ж, есть простые и надежные способы обойтись и без компьютера...

Он достал из кармана халата «портсигар», с которым практически не расставался. Короткая команда — и куча Золотых Шмелей ринулась к тому месту. Сварог так и оставил их на Диори, всю ораву в несколько сотен — разве что, чтобы не привлечь внимания противника и просто любопытных, попряталась по подходящим расселинам, ледяным гротам и пещеркам. Ближайшие оказались совсем недалеко от берега, их было даже больше, чем требовалось, так что пришлось отозвать половину, чтобы не мешали друг другу.

Буквально через несколько минут получил желаемое. Еще до финала с Радиантом он с помощью Элкона изменил программу для Золотых Шмелей — теперь они могли передавать то, что видели, не только напрямую в его сознание, но и на экран компьютера. То самое место: два высоких каменных столба, похожих на траченные временем статуи, а меж ними высокая ледяная стена, уходившая вверх на добрые две сотни уардов. Бесполезно требовать от Золотых Шмелей большего. Они умели только смотреть и слушать, а вот поиском подземных пустот Фаларен не занимался совершенно, потому не имелось нужных программ. А составить их на пустом месте не мог и Элкон, в чем честно признался. В свое время так обстояло с Токе-

рангом: токереты всего-навсего замаскировали вход в туннель голографическим изображением водопада, и этого оказалось достаточно, о б м а н к у распознала лишь Яна. Хотя...

Сварог послал одного Шмеля на малой скорости прямо на ледяную стену. Достигнув ее, Шмель беспомощно замер, прильнув к мутноватой белесо-бугристой поверхности, и Сварог его отозвал. На сей раз никакой голографии, натуральный лед. За которым, несомненно, вход в туннель, и вряд ли лед такой уж толстый — когда Сварог во сне оказался в туннеле, пару мгновений, не больше, пробыл в непроницаемом мраке. Ну, обычный лед — не особенное и препятствие. Положительно, настало время действий...

Он повернул голову, услышав легкие шаги. Вошла Яна, босиком — полы в Вентордеране были чистейшие — в любимом халатике из золотистых кружев, непричесанная, домашняя. Улыбнулась Старогу, зевнула, прикрыв рот ладошкой, присела на широкий подлокотник и точно так же достала из воздуха пузатую чашку с кофе. Отпила, блаженно щурясь, посмотрела на экран:

- Спозаранку уселся работать?
- Пришлось, — сказал Сварог.
- Это ведь лед, Сильвана или Диори?
- Сильвана нам сейчас совершенно ни к чему, — сказал Сварог. — Диори... Интересные дела закрутились, Вита...

Он рассказал о своем сне — не углубляясь в детали вроде диковинной архитектуры и кораблей, употребил лишь слово «странный», но о Дали, понятно, рассказал подробно. На лице Яны, как и следовало ожидать, отобразился живейший интерес, остатки сонливости пропали мгновенно.

— Жутко интересно... — сказала она после короткого раздумья. — Ты не пытался догадаться, кто или что может такой сон наслать? Уж, безусловно, не веральфы, они такие вещи держали бы в секрете...

— Догадки тут бесполезны, думается мне, — сказал Сварог. — Все равно, как ни ломай голову, любые догадки недоказуемы. Однако, учитывая кое-что из прошлого... Мои гланские з н а ю щ и е старухи подозревают, что это Земля-Матушка, хотя и тут доказать ничего невозможно. Одно ясно: это никак не явление природы, а некая разумная сущность. И она вновь выступит на нашей стороне. Как это было на Нериаде, когда мне п о к а з а л и, где расположен Радиант, а потом и его прислужников... которых к нынешнему времени всех перехватили. Правда, они представляют интерес исключительно для людей Марлока. Радианта ведь больше нет, но это уже другая история. Главное, эта неизвестная сущность определенно выступает на нашей стороне. Показала мне, где укрывается Дали. И города, без сомнения, — города Древних...

— Нужно незамедлительно что-то предпринять!

— Безусловно, — кивнул Сварог. — Есть кое-какие наметки... Если бы нас заботило в первую очередь уничтожение противника, все было бы совсем просто. Подтянуть к Диори два-три десятка боевых орбиталов, шарахнуть «Глазом Балора» или «Белым Шквалом»... Остров они моментально сровняют с землей или, учитывая географию, с морской гладью. На войне как на войне. Крепко сомневаюсь, что нам удастся ее допросить...

— А жаль, — с непритворным огорчением сказала Яна, и на ее очаровательном личике промелькнула нешуточная злость. — После всего, что они мне сделали и едва не погубили Империю... Меня совершенно не тянет злорадствовать, но хотелось бы посмотреть ей в глаза...

— Орбиталы отпадают, — решительно сказал Сварог. — Там заброшенные города Древних, и выглядят они прекрасно сохранившимися. Вдруг да и удастся найти там что-то интересное? Есть более важные соображения. Ее там может и не оказаться, скажем, перебралась в какое-то другое укрытие. У нее оно может

быть не одно. Нет, обязательно нужно увидеться с ней лицом к лицу, чтобы знать совершенно точно... Я туда пойду, конечно, вооружившись до зубов. Не надо так на меня смотреть. Ничего общего с прежними лихими подвигами в одиночку. В конце концов, и к Радианту я ходил один — но поблизости была серьезная подмога, эскадрилья боевых корветов. Сейчас я тоже озабочусь и аппаратурой, и подмогой. Только до поры до времени не буду ее туда бросать. Неизвестно, на что еще способна Дали, кроме умения насылать сны и ставить «слепое пятно», делающее бессильными наши средства наблюдения. У Орка оказалась стерта память о плавании на Диори и отношениях с Дали — а ведь врачи уверяют, что современная медицина такое считает невозможным. Ничего нельзя сказать точно, но подозреваю я в первую очередь Дали. Ну а на м е н я, как несколько раз оказывалось, не действует кое-что из того, что существует под этим солнцем, и кое-какие пророчества меня не предусматривали. Так что ничего тут нет от молодецкой бесшабашности — точный расчет.

— А если там их все же м н о г о? Ты ведь видел только крохотный кусочек острова, а он большой...

— Если я наткнулся на к у ч у неприятелей, отступаю и вызываю подмогу. Что скажешь?

— Вполне разумный план, — задумчиво протянула Яна. — С одним-единственным уточнением: я тоже с тобой туда пойду, — легкое движение Сварога не осталось для нее незамеченным, и она продолжала рассуждать спокойно. — Здесь нет, пользуясь твоими же словами, никакой молодецкой бесшабашности. Только точный расчет. Они, я совершенно в этом уверена, не в состоянии одолеть Древний Ветер. Неоткуда таким знаниям взяться, но можно предположить, что Дор Террах как раз и использовался в войне предков с Древними: сохранились смутные воспоминания, что она была еще и магической. Возможно, именно благодаря Древнему Ветру предки и одолели магию Древних. Главное, я буду защищена надежнейшим образом... да и тебя

смогу защитить. Решение мое твердое, никаких дискуссий на этот счет затевать не намерена. Я иду с тобой.

Уж Сварог-то ее знал, как никто другой... Когда она говорила таким тоном, с таким выражением лица, это означало, что решение принято и она будет непреклонно стоять на своем. И помешать ей нет никакой возможности, она прекрасно знает, о каком именно кусочке берега идет речь — вот он, на экране. Ну, что же, она тоже давно повзрослела, тут нет ничего от юной мушкетерской лихости, один только точный расчет...

— Что скажешь? — спросила Яна не без любопытства. — Должен понимать, что ничего тут нет от взбалмошности, я с ней давно рассталась...

— Да, понимаю, — сказал Сварог, вздохнув все же про себя. — Отправляемся вдвоем, что тут поделать...

— Я так рада, что ты относишься ко мне серьезно... — Яна наклонилась и чмокнула его в щеку. — У меня тоже появились свои идеи касательно... похода на Диори. Вспомнила о кое-каких твоих придумках. Кто сказал, что мы должны задействовать только нас с тобой, только л ю д е й?

...Чаще всего удар спецназа бывает молниеносным, со стрельбой с первых шагов. Но не всегда. Вот и сейчас не было не только броска на рывок, но даже и спешки — не появилось такой необходимости. Сварог на малой скорости подвел большой брагант к берегу и аккуратно посадил его в нескольких шагах от моря. Никуда не спеша, вылез первым, за ним Яна. Ну, а потом высадились «спецгруппа» — крайне обрадованный переменой мест Акбар и две пантеры из Вентордерана — как легко догадаться, не проявившие ни малейших эмоций, на которые не способны роботы, тем более боевые.

Они встали плечом к плечу у берега. Яна надела зеленый костюм каталаунского лесовика, в чем не было ни маскарада, ни выпендрежа — именно в таком наряде она добрых десять лет охотилась в Каталауне. И кабаньи клыки на ленте кожаной каталаны были не бута-

форией, а ее трофеями. Из оружия при ней не было и булавки — она сама была оружием и в то же время доспехом.

Чего никак нельзя было сказать о Свароге. Он самую чуточку подсмеивался над собой — ну сущий Терминатор, супермен из боевиков. Кроме топора в чехле на боку, он был вооружен гораздо крепче — через левое плечо надел кожаную перевязь с четырьмя кобурами, из которых торчали рукоятки излучателей разных систем. Но тут уж ничего не поделаешь: о «мире без теней» он не знал ничегошеньки и не представлял, с чем может столкнуться. Так что следовало вооружиться до зубов. Это и была идея Яны — взять пантер, ну, а потом уж он подумал об Акбаре. Гармы расправлялись с веральфами в волчьем облике быстро и качественно, ну, а на что способны пантеры, можно себе представить, вспоминая историю об акобарской кошке из черной бронзы, несомненно, дальней родственнице этих милых созданий...

Перед ними была поблескивающая в лучах полуденного солнца ледяная стена, вздымавшаяся уардов на двести. Впереди два высоких каменных столба, теперь уже совершенно ясно представлявших собой творение природы, а не человеческих рук. Ледяная стена казалась доподлинной, натуральной, настоящей — впрочем, таким казался и водопад в Хельстаде, голографическая обманка, скрывающая вход в Токеранг...

С этим было совсем просто управиться. Сварог достал не самый сложный прибор из немаленького арсенала Техниона, очень похожий на обычное дамское зеркальце с длинной ручкой, разве что черный, гораздо более простой по исполнению и раза в два потолще. Поднял его к глазам, вспыхнул круглый экран. Никаких загадок — твердая поверхность, самый обычный лед, толщиной в два с половиной уарда, более мелкими мерами длины спокойно можно было пренебречь.

На такой случай тоже кое-что припасено. Из первой сверху кобуры Сварог достал бластер, вытянул руку,

словно старинный (а на Таларе и современный) дуэлянт с пистолетом, коснулся спуска. Широкий конус бледно-розового цвета, совершенно безобидный на вид, коснулся ледяной стены... Взлетел высокий столб густого пара, Сварог повел стволом вправо-влево, потом по расширявшейся спирали... Пар, клубясь, валил вверх и быстро таял. Очень быстро появился проем почти во весь размер туннеля, вполне высокий, чтобы, не пригибаясь, по нему пройти, и Сварог убрал палец с клавиши, сунул оружие в кобуру, спрятал прибор в карман, достал другой. Понадобилось нажать только две клавиши. Над их головами от грузового браганта сверкающей стайкой пронеслась дюжина небольших, с яблоко, аппаратов, оцетинившихся блестящими иглами, скрылась в туннеле. И снова ждать пришлось недолго: через пару минут рейдеры прилежно доложили — в полукруге радиусом в несколько лиг, примыкающем к туннелю, нет ни единого живого существа.

Теперь он послал короткий мысленный приказ. Сверху, от невидимой отсюда ледяной равнины, словно пролился золотой поток из крупных капелек, передовые втянулись в туннель, поток был густым и быстрым, как горный ручей. Все четыре сотни Золотых Шмелей, заблаговременно стянутых сюда Сварогом со всего острова, устремились под ледяной купол. Рейдеры выполняли обязанности разведчиков, а Шмелям отведена другая роль — они должны были, рассредоточившись, изучить мир под куполом на всем его протяжении.

Вот и арьбергард золотого потока скрылся в туннеле. Сварог оглянулся порядка ради. Разумеется, они были на месте — десять брагантов, вытянувшиеся безукоризненной линией над волнами, в полусотне уардов от берега. Следовало по максимуму использовать свои возможности и не разыгрывать героя-одиночку. Полсотни спецназовцев и пять больших излучателей размера станковых пулеметов — дополнение к ручному оружию. Блицкриг, так блицкриг...

— Ну, пошли? — сказал Сварог. — Зверюшек, как договаривались, вперед...

Он послал мысленный приказ Акбару, несомненно, то же сделала и Яна: Акбар вошел в туннель первым, за ним двинулись обе пантеры, словно бы переливавшиеся в воздухе, как текущая вода. Не было ни мыслей, ни эмоций, ни чувств, как прежде, и в прошлой жизни, и в нынешней Сварог казался сам себе механизмом, расчетно-наводящей приставкой к оружию, которым был увешан...

Все в точности, как было во сне — в туннеле достаточно светло, тускло-синее сияние исходит от множества странных наростов, наподобие лишайников, усеявших вогнутые стены и такой же потолок. Акбар шагает совершенно спокойно, хоть и осторожно, значит, не чувствует никакой угрозы, и Яна молчит, шагает плечо в плечо, не останавливаясь — только лицо, как и следует быть, сосредоточенное...

Все светлее и светлее — и вот он, выход из туннеля, впереди раскинулся Мир Без Теней: справа ледяная сторона с кусочком замерзшего моря, слева необозримая равнина, черная мерзлая земля, скупно припорошенная снежком, голые, корявые кусты, они не отбрасывают тени, как Акбар и пантеры, как они с Яной. Тишина давящая, вязкая, если бы не топанье Акбара и звуки их собственных легких шагов, можно бы решить, что внезапно оглох начисто...

Должно быть, ледяной купол довольно тонкий — во круг, конечно, не ясный полдень, но и не сумрак, в точности так, как было в Токеранге. Правда, там не было такой тишины...

Впереди, невысоко, журавлиным клином шли рейдеры. И так и не послышалось сигнала о том, что поблизости появился какой бы то ни было живой организм. Настоящая прогулка получается. Надо полагать, Дали здесь скрывается в гордом одиночестве, без приближенных...

Слева показались те самые стены, башни и здание непривычной архитектуры и той же удивительной сохранности, что и доштурмовые постройки в Хелльстаде и на дне моря, и в метро под Равеной. Сварог давно уже не ломал голову над этой загадкой — все равно лишь одним напряжением ума в нее ни за что не проникнешь. Яна смотрела на этот то ли крохотный городок, то ли огромный замок с жадным любопытством, но не задержалась, молодец, не сбилась с шага...

Все! Впереди показались окраинные дома порта, вмерзшие в лед диковинные корабли. Далеко впереди поднимаются над окружающими крышами высокие башни дворца. Довольно широкие улицы вымощены плитами серого камня, по которому цокают когти Акбара и пантер. Не сбиваясь со взятого темпа, Сварог и Яна шагали посреди улицы мертвого города. Дома вокруг не казались особенно уж богатыми, но и на бедняцкие лачуги никак не походили — нигде не видно дощатых хибар, повсюду только камень, кирпич и черепица. Зажиточно, думается, жили тут Древние — в любом Таларском порту, пусть большом и богатом, сыщутся бедные кварталы, окраинные скопища неприглядных хибар, а здесь ничего подобного нет...

Кончились небольшие аккуратные домики и огромные склады, потянулись более богатые кварталы. Архитектура насквозь непривычная, но и так ясно, что пошли особняки то ли богатых купцов, то ли дворян (если только у них были дворяне), а в некоторых отчего-то сразу угадываются официальные здания, и серьезные... Улица безукоризненной чистоты, ни соринки, такое впечатление, что, оставляя город, жители его тщательно подмели. Ни следа военных действий, ни следа какой-то эпидемии, ни единой повозки — все двери аккуратно прикрыты, окна затворены. Ну, в метро под Равеной и хелльстадском морском пансионате та же самая безукоризненна чистота, ни соринки, ни пылинки...

За все время пути они с Яной не обменялись ни словом, как будто что-то обязывало их хранить молчание.

Акбар шел впереди все так же спокойно, только время от времени поворачивал здоровенную башку влево-вправо, но опять-таки без малейшей тревоги и даже напряженности. Мертвый город, совершенно мертвый...

За поворотом, примерно там, где он и предполагал, открылась большая площадь, мощенная плитками светло-желтого камня, а в ее центре — уже знакомый дворец — из темно-желтого камня с полосами черного, огромный, притягивающий незнакомой красотой...

К высоким двустворчатым парадными дверям, покрытым затейливой непривычной резьбой — вот это уже, кажется, дерево, — вела низкая лестница с ромбическими перилами, судя по ширине, предназначавшаяся для парадных выходов того, кто здесь обитал, как бы он ни звался. Акбар преспокойно поднялся по лестнице, словно ходил тут не раз, остановился у двери, оглянулся на Сварога словно бы чуточку растерянно — ну, конечно, среди его достоинств не числилось умение открывать двери, проникать внутрь в виде полосатого тумана он без команды не стал — тоже давно повзрослел, в сомнительных случаях ждал приказа. Обе пантеры тоже выжидательно замерли, разве что не оглянулись.

Ну, вот сейчас начнется... Поднявшись к двери, Сварог взялся за начищенную дверную ручку, очень похоже, позолоченную, длиной в половину человеческого роста, потянул на себя — и высоченная дверь распахнулась легко. Отступил в сторону, пропуская внутрь свое немногочисленное, но грозное четвероногое воинство.

Огромный зал со странным потолком, состоявшим из множества вогнутых куполов, чем-то походил на соты. Повсюду неброская утонченная роскошь: сине-красные мозаичные узоры пола, замысловатые плавные изгибы стен, белые колонны, похожие на исполинские птичьи лапы, растопыренными когтями вцепившиеся в потолок, стены покрыты розово-голубой мозаикой, повсюду позолота, полосы от пола до потолка, очень похоже, что из красной яшмы, какую сейчас добывают на Дике, раз-

ве что копи почти истощились, отчего красная яшма, соответственно, выросла в цене...

Ни скульптур, ни картин — а ведь, судя по той статуе волка с человеческим черепом под лапой, ваяние им известно, и кое-каких высот в нем они достигли. Ну, может, дворец относится к более ранним временам — но не сейчас думать о постороннем... Что характерно, не видно ничего похожего на люстры, вообще какие бы то ни было осветительные приборы...

Все остановились, и люди, и звери. Оглянувшись на спутницу, Сварог увидел, что Яна подняла руки перед лицом, чуть побледнела, и пряди золотых волос, падавших на плечи из-под черной каталаны, легонько колышутся, словно под порывами неощутимого ветра.

Прекрасно зная, что вновь столкнулся с Древним Ветром, Сварог стоял и терпеливо ждал. Акбар тоже примолк, будто понимал что-то, а пантеры невозмутимость сохраняли изначально по природе своей. Все молча стояли посреди незнакомой роскоши и тишины.

Наконец ее волосы улеглись на плечи прежними аккуратными прядями, Яна опустила руки, взглянула как-то непонятно.

— Что, Вита? — спросил он тихонько, словно здесь нельзя говорить громко, иначе произойдет что-то жуткое.

— Странно... — отозвалась Яна так же тихонечко. — Я ее совершенно не чувствую, хотя должна, ничем она не могла от меня п р и к р ы т ь с я, точно тебе говорю. Дворец абсолютно пуст...

У Сварога в душе зашевелилось смутное беспокойство. Во всем, что касается Древнего Ветра, он доверял Яне безоговорочно. Дворец пуст? Означает ли это, что Дали перебралась в какой-то другой заброшенный город? Вполне возможно, есть и другие, он еще не требовал доклада от Золотых Шмелей. Покинуть остров незамеченной она никак не могла: тогда утром, сразу после разговора с Яной, он нацелил на постоянное наблюдение за Диори десяток орбиталов. Ее непременно за-

секли бы. Конечно, она могла вновь поставить «слепое пятно», но оно, как показал недавний опыт, само по себе фиксируется орбитами. Или у нее есть в запасе что-то, чего мы не знаем? Ухитрилась же она после разгрома мятежа как-то уйти от наблюдения, и никто не понимает, как это могло случиться...

И тут он увидел то, на что прежде не обратил внимания — осматривался бегло, и не более того...

Подошел ближе. Тревога и беспокойство крепили... На розово-голубой мозаике была жирно нарисована ярко-красная стрела длиной примерно в локоть, указывающая острым наконечником на широкую пологую лестницу, ведущую на второй этаж. Рисунок выглядел совершенно неуместным здесь, неправильным, он никак не мог оказаться делом рук архитекторов прошлого, категорически не сочетался со спокойной роскошью дворца. Не бывает во дворцах такого вот настенного малевания. Ему сразу же вспомнилась надпись на стене Латеранского дворца. Неважно, сделал ли ее настоящий Гремилькар или тот (та?!), кто себя за него выдавал. Тот же цвет краски, то же полное отсутствие даже маленьких потеков — краска застывала чуть ли не моментально, такие краски и на Таларе прекрасно известны, одни из самых дорогих...

Почти такие же стрелы помнились по детству, он и сам их порой изображал. Была такая популярная игра: разбивались на две команды, одна убегала, а другая, выждав некоторое время, пускалась в погоню. Беглецы обязаны были оставлять нарисованные мелом указатели, такие же вот стрелы. Часто они с откровенной насмешкой указывали на все четыре стороны света, но иногда дорога для бегства была выбрана так, что приходилось рисовать стрелку, указывавшую одно-единственное верное направление. На Соседних Страницах немало общего, а потому в точности такая же игра есть и у городских мальчишек на Таларе. Полиция к такому малеванию относится очень неодобрительно, если удастся «художников» изловить, дерет уши и штрафует.

ет родителей, но это, учитывая психологию сорванцов, ведет лишь к тому, что игра приобретает еще больший интерес в их глазах...

Размашистыми шагами Сварог направился к лестнице. Яна не отставала. Судя по ее озабоченному лицу, беспокойство Сварога передалось и ей. Акбар, цокая когтями по мозаике, держался вровень с ним — и все также выглядел совершенно спокойным, не чуял впереди никакой опасности — а лучше бы чуял, иногда отсутствие опасности хуже ее наличия. Только пантеры, как и полагается роботам, двигались с бездушной четкостью боевых автоматов...

Ступени в сине-красной мозаике (похоже, здешние зодчие на мозаике были форменным образом повернуты), вместо перил, как частенько и сейчас встречается на Таларе, — сплошные стенки в половину человеческого роста, покрытые красивым желто-белым узором. И примерно на половине лестницы слева — еще одна красная стрела, столь же неуместная и неправильная, указывающая на высокие, двустворчатые двери (а вправо и влево уходят высокие коридоры с таким же потолком из множества небольших сводов). Ага, и на мозаичном полу такая же стрела, буквально в паре шагов от двери — словно кто-то максимально позаботился облегчить пришельцам путь, чтобы не заплутали — и это неспроста...

Вмиг расстегнув золоченую застежку, Сварог выхватил Доран-ан-Тег: неизвестно, что ждет впереди, но невозможно отделаться от ощущения, что это — финал...

— Там, за дверью, никого нет... — тихо сказала Яна.

Ничего ей не ответив, Сварог потянул на себя правую створку двери, и она поддалась так же легко, как входная. Предосторожности ради вперед были пущены Акбар и пантеры — но они и здесь повели себя совершенно спокойно, так что Сварог и Яна без промедления вошли следом.

Крайне походило на тронный зал: огромный, лишенный какой бы то мебели (ну конечно, придворным

всегда и везде приходится стоять). Вот здесь статуи имелись в немалом количестве по обе стороны зала, меж колонн, и тут похожих на птичьи лапы. Одни, мастерски изваянные, похоже, из белого, розового и коричневого мрамора, изображают мужчин и женщин в необыкновенных нарядах, другие, такое впечатление, каких-то мифологических созданий. Сварог особенно к ним не присматривался, глядя в противоположный конец зала.

Там, на возвышении, к которому вели четыре широких ступени, стояло нечто, крайне напоминающее королевский трон. Высокое кресло со спинкой в два человеческих роста с вычурными ножками и затейливыми подлокотниками цвета старого золота. Само кресло, очень похоже, каменное — черный камень в сиреневых прожилках. На Таларе такой камень неизвестен. И примерно на высоте половины спинки алая надпись в три строчки...

Сварог едва ли не бегом направился туда, спеша подойти достаточно близко, чтобы прочитать. Все...

СЫГРАЕМ

В

ПРЯТКИ

Он стоял, опустив топор. На смену беспокойству и тревоге пришла унылая безнадежность. Еще не поступало сообщений от рейдеров и Золотых Шмелей, но все сильнее вкрадывалось подозрение, что ни одной живой души, кроме них с Яной, под ледяным куполом нет, что Мир Без Теней — лишь безжизненная черная равнина, голые деревья и кусты и заброшенные города. Что неведомо кем посланный сон был не подмогой и даже не ловушкой — насмешкой. Что Дали здесь не было вовсе, а дворец — п у с т ы ш к а наподобие чистой, без точек, грани одной из разновидностей игры в кости, означающей проигрыш того, кому она выпала.

Играем в прятки. Нехитрая издевка.

Оглянувшись на Яну, он не сомневался, что ей в голову пришли похожие мысли. Все оказалось смешным

и нелепым: оружие, которым он был увешан, ожидавшие у входа под ледяной купол браганты спецназа, деловитая суeta рейдеров и Золотых Шмелей.

Дали здесь нет.

Снова ускользнула неведомо куда.

Прорывав что-то невразумительное, он в бессильной ярости взмахнул топором. Надпись оказалась перерубленной почти посередине. Верхняя половина спинки обрушилась на пол, судя по грохоту, это и в самом деле был камень, Акбар отпрянул, басовито взлаяв, пантеры, конечно же, сохранили совершеннейшую невозмутимость.

Он не помнил, чтобы когда-нибудь еще испытывал столь позорное поражение — что особенно тягостно, не было проигранной схватки, его попросту заманили сюда сном, словно нашкодившего котенка, ткнули носом в издевательскую надпись.

Сварог стоял в тишине, опустив бесполезный топор. Горечь поражения крепла.

Красноярск, январь 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Тактика боя с невидимками.....	5
Глава II. Разговоры, разговоры.....	40
Глава III. Поиски наугад.....	85
Глава IV. Лицом к лицу со штормом.....	111
Глава V. Оскорбление	121
Глава VI. Подопечный	150
Глава VII. Невидимый дождь	184
Глава VIII. Гром небесный	197
Глава IX. Снежный блицкриг	234

Бушков Александр Александрович

**НЕЖНЫЙ ВЗГЛЯД ВОЛЧИЦЫ.
МИР БЕЗ ТЕНЕЙ**

Роман

Ответственный за выпуск *В. В. Кузьмин*
Оформление обложки *Ю. А. Меньшиковой*
Верстка *А. В. Майоровой*
Корректор *М. Д. Надёжина*
Цветоделение *Л. В. Поповой*

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 16 лет

Подписано в печать 20.04.2022.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура Palatino.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 17.
Тираж 6000 экз. Заказ № 1048РДП.

ООО «Просвещение-Союз»
Российская Федерация, 127473, Москва,
вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
ул. Краснопролетарская, д. 16, стр. 3, антрес. 5, помещ. III, ком. 15.

АО «Издательство «Просвещение»
Российская Федерация, 127473, Москва,
ул. Краснопролетарская, д. 16, стр. 3, этаж 4, помещение I.

Отпечатано в Обществе
с ограниченной ответственностью
«Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.
e-mail: printing@r-d-p.ru р-д-п.рф